

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (135) • 2020

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Роспечать»**

Цена для подписчиков — 572 руб., в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 25.08.2020 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 21, 0. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 950 экз. Заказ 153.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.И. Грачев	доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Е.Р. Ергашев	доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
М.А. Липчанская	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.В. Логинова	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России))
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.А. Тимофеев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (135) • 2020

ISSN 2227-7315

The journal is included by Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Russian list of reviewed journals, where major scientific dissertations and thesis results are to be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya, 1.

E-version is located on the official site of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" (<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2020

EDITORIAL BOARD

I.N. Senyakin	doctor of law, Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor ((Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
E.V. Vavilin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I. Grachev	doctor of law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
E.R. Ergashev	doctor of law, Professor (Ural State Law University)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
M.A. Lipchanskaya	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
L.V. Loginova	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
L.A. Timofeev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **Катомина В.А.**
Диспозитивность в юридической доктрине Российской Федерации
- 22 **Маркунин Р.С.**
Место и роль механизма в системе юридической ответственности органов публичной власти
- 29 **Дородонова Н.В., Чилькина К.В.**
Роль католической церкви в образовании международных организаций в сфере защиты и реализации социальных прав человека (первая треть XX в.)
- 39 **Шутило О.В., Лавринович О.И.**
К вопросу о разграничении подсудности волостных и мировых судов середины XIX века

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 48 **Мхитарян Ю.И.**
Юридическая ответственность и проблемы дополнительной имущественной ответственности членов саморегулируемых организаций
- 57 **Ульянова М.В.**
Уважение как правовая категория и принцип осуществления семейных прав и исполнения обязанностей
- 68 **Пучков В.О.**
Цифровые объекты в цивилистической доктрине: quo vadis?

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- 83 **Цепкова Т.М., Бахарева О.А.**
Классификация дел из семейных правоотношений как основание определения процессуальных особенностей их разбирательства
- 88 **Комарова Т.А.**
Идентификация в гражданском судопроизводстве: способ недопущения нарушения прав или препятствие к осуществлению судебной защиты

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 94 **Блинов А.Г.**
Сфера исследований генома человека как предмет правового регулирования и объект охраны

- 106 Бытко Ю.И.**
Проблемы уголовной ответственности за искусственное прерывание беременности
- 111 Абдуллоев П.С.**
Процессуальные условия передачи осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в иностранном государстве на примере постсоветских стран
- 115 Григорьева Л.В.**
Перспективы развития института физического и психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния
- 122 Копшева К.О.**
Взаимосвязь свойств личности преступника и наказания с общественной опасностью лица, совершившего преступление
- 128 Чурикова А.Ю.**
Модель деятельности прокурора, ориентированная на профилактику нарушений уголовно-процессуального законодательства
- 135 Могунова М.М.**
Технология осуществления и правовая регламентация незаконного овладения персональными банковскими данными (фишинг)

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 142 Кондукторов А.С.**
Обращение Президента России от 25 марта 2020 года: борьба с «офшорной пандемией»
- 150 Мальшева Т.А.**
Гуманитарная помощь в условиях пандемии COVID-19: финансово-правовой аспект
- 157 Амарян А.В.**
Особенности реализации правосубъектности муниципального контрольно-счетного органа в бюджетных правоотношениях

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 162 Стахов А.И.**
Судебные административные дела в административном процессе
- 175 Тимофеев Л.А.**
Вопросы совершенствования правового обоснования водоснабжения сельских территорий
- 183 Акатнова М.И.**
Реализация положений Европейской социальной хартии о праве на социальное обеспечение в законодательстве России
- 191 Бирюлин И.В., Сорокина Ю.В.**
О роли новых медиа в трансформации информационного пространства России
- 200 Герасимова Е.А.**
Выплата заработной платы в неденежной форме: международный и национальный аспект

- 207 Ситкова О.Ю., Шварц Л.В.**
Развитие и современное состояние российских научных исследований о реализации права ребенка на доступ к информации и легального его ограничения в целях защиты детей от вредоносной информации, поступающей из информационно-коммуникационной среды
- 220 Троицкая Т.В.**
Субъекты осуществления общественного контроля в России
- 230 Холодная Е.В.**
О цифровой трансформации государственного администрирования Дании

ПЕРСОНАЛИИ

- 235** К 75-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора Баранова Владимира Михайловича

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 15 Katomina V.A.**
Optionality In The Legal Doctrine Of The Russian Federation
- 22 Markunin R.S.**
Place and Role of the Mechanism in the System of Legal Responsibility of Public Authorities
- 30 Dorodonova N.V., Chilkina K.V.**
Role of the Catholic Church in the Formation of International Organizations in the Protection and Implementation of Social Human Rights (first third XX century)
- 40 Shutilo O.V., Lavrinovich O.I.**
On the Issue of Delimiting the Jurisdiction of Volost (Rural Municipality) and Magistrate Courts in the Middle of the XIX Century

CIVIL LAW

- 49 Mkhitaryan Yu.I.**
Legal Liability and Problems of Additional Property Liability of Members of Self-regulating Organizations
- 57 Ulyanova M.V.**
Respect as a legal category and the principle of family rights and responsibilities
- 68 Puchkov V.O.**
Digital Objects In The Civilist Doctrine: Quo Vadis?

CIVIL PROCESS

- 83 Tsepkova T.M., Bakhareva O.A.**
Classification of cases from family legal relations as the basis for determining the procedural features of their proceedings
- 88 Komarova T.A.**
Identification in Civil Proceedings: a Way to Prevent Rights' Violation or an Obstacle to the Exercise of Judicial Protection

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT RIGHT. CRIMINAL PROCEEDING

- 95 Blinov A.G.**
Scope of Human Genome Research as a Subject of Legal Regulation and Object of Protection

- 106 Bytko Yu.I.**
Problems of Criminal Liability for Artificial Termination of Pregnancy
- 111 Abdulloev P.S.**
Procedural Terms Of Surrender Of The Convicted To Deprivation Of Liberty For Serving Punishment To Foreign State On The Example Of Post — Soviet Countries
- 115 Grigorieva L.V.**
Prospects for the Development of the Institution of Physical and Mental Coercion as a Circumstance that Precludes Criminality of an Act
- 123 Kopsheva K.O.**
Relationship Of The Criminal's Personality Traits And Punishment To The Public Danger Of The Person Who Committed The Crime
- 128 Churikova A.Yu.**
Model of Prosecutor's Activity Focused on Violations of Criminal Procedural Legislation Prevention
- 135 Mogunova M.M.**
Technology of Implementation and Legal Regulation of Illegal Possession of Personal Banking Data (phishing)

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 142 Konduktorov A.S.**
Address Of The President Of Russia Dated March 25, 2020: Fighting The „Offshore Pandemic”
- 151 Malysheva T.A.**
Humanitarian Assistance in the Context of the COVID-19 Pandemic: Financial and Legal Aspects
- 157 Amaryan A.V.**
Features Of Implementation Of The Legal Personality Of The Municipal Control And Audit Body In Budgetary Legal Relations

OTHER BRANCHES OF LAW

- 163 Stakhov A.I.**
Judicial Administrative Cases in Administrative Proceedings
- 175 Timofeev L.A.**
Issues of Improving the Legal Justification of Water Supply in Rural Areas
- 183 Akatnova M.I.**
Implementation of the Provisions of the European Social Charter on the Right to Social Security in the Legislation of Russia
- 191 Biryulin I.V., Sorokina J.V.**
On the Role of New Media in the Transformation of Information Spaces of Russia
- 200 Gerasimova E.A.**
Payment of Wages in Non-monetary Form: International and National Aspects
- 208 Sitkova O.Yu., Shvarts L.V.**
Development and Current Status of Russian Scientific Research on the Implementation of the Child's Right to Access to Information and Its Legal Restrictions in order to Protect Children from Harmful Information Coming from the Information and Communication Environment

- 220 Troitskaya T.V.**
Subjects of Public Control in Russia
- 230 Kholodnaya E.V.**
On the Digital Transformation of Public Administration in Denmark

PERSONALIA

- 235** To the 75-th Anniversary of the Birth of Doctor of Law, Professor Baranov Vladimir Mikhailovich

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10095

УДК 340.1

В.А. Катомина

ДИСПОЗИТИВНОСТЬ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье проведен теоретический анализ юридической природы диспозитивности. Автор отмечает, что неоднозначность мнений по вопросу об истоках диспозитивности в юридическом процессе порождает многозначность подходов к определению характера этого явления. Термин диспозитивность употребляется в разных, хотя и близких, значениях. **Цель:** исследовать сущность идеи диспозитивности как свободы усмотрения субъекта права в определении стратегии, тактики и выбора варианта поведения; выявить признаки данного правового феномена. **Методологическая основа:** диалектический метод, системный подход, формально-юридический метод. **Результаты:** доказано, что диспозитивность — сложное многогранное правовое явление, включающее в себя ряд взаимосвязанных аспектов. Диспозитивность выражается в форме принципа права, института права, свойства, присущего нормам права и субъектам правоотношения, черты метода правового регулирования, разновидности юридических норм, частного случая правового начала. **Выводы:** значимость идеи диспозитивности очевидна и заключается в том, что она служит средством обеспечения и защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов; предоставляет широкие возможности в выборе вариантов поведения субъектам права в правоприменительной деятельности и др. Диспозитивность оказывает регулирующее воздействие на участников правоотношений. Характер воздействия диспозитивности зависит от того, в каком аспекте она выступает.

Ключевые слова: диспозитивность, правоприменительная деятельность, принцип права, метод правового регулирования, нормы права, свобода усмотрения, выбор поведения.

V.A. Katomina

OPTIONALITY IN THE LEGAL DOCTRINE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the article provides a theoretical analysis of the legal nature of optionality. The author notes that the ambiguity of opinions about the origins of optionality in the legal process generates a diversity of approaches to defining the nature of the phenomenon. Optionality is used in different, although similar meanings. **Objective:** to explore the essence

© Катомина Виктория Александровна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин (Пензенский государственный университет); e-mail: kvatv@mail.ru

© Katomina Viktoria Aleksandrovna, 2020
Candidate of law, Associate Professor, associate Professor, State and legal disciplines department (Penza State University)

of the idea of optionality as freedom of the discretion of the entity in the definition of strategies, tactics and choice of behavior; identify the characteristics of this legal phenomenon. Methodology: dialectical method, systematic approach, formal-legal method of research. Results: it is proved that the optionality is a complex multi-faceted legal phenomenon, which includes a number of interrelated aspects. Optionality manifests itself in the form of a principle of law, institute of law, the properties inherent in the rule of law and the subjects of legal relations, the features of the method of legal regulation, varieties of legal norms the particular case of the rule of law. Conclusions: the significance of the idea of optionality is obvious and consists in the fact that it serves as a means of ensuring and protecting subjective rights and legally protected interests; it provides broad opportunities for choosing behavior options for legal entities in law enforcement activities, etc. Optionality has a regulating effect on the participants of legal relations. The impact of optionality depends on which aspect is dispositive.

Key-words: *optionality, enforcement, principle, law, method of legal regulation, the rule of law, discretion, choice behavior.*

В настоящее время в условиях проводимой реформы процессуального законодательства особое внимание уделяется принципу диспозитивности как основополагающему началу осуществления субъектами, отстаивающими свои интересы в деле, соответствующих диспозитивных прав.

Диспозитивные начала пронизывают все виды судопроизводства и проявляются на всех стадиях юридического процесса, хотя в российском законодательстве термин «диспозитивность» практически не упоминается. В связи с этим возникает необходимость разработки теоретических аспектов указанной проблемы.

На доктринальном уровне идея диспозитивности была сформулирована еще в 70-е гг. XIX в. немецкими и австрийскими учеными-процессуалистами. Свои взгляды на юридическую природу диспозитивности высказывали и русские ученые-юристы. Так, Е.В. Васильковский видел причины, объективные факторы, обуславливающие действие диспозитивности в судопроизводстве именно в особенностях гражданских прав [1, с. 35]. В то же время диспозитивность не является сугубо гражданско-правовым явлением, она встречается и в отраслях публичного права.

В современной правовой науке имеются различные взгляды на понятие диспозитивности [2, с. 186–198; 3, с. 23]. Неоднозначность мнений по вопросу об истоках диспозитивности в юридическом процессе порождает многозначность подходов к определению характера этого явления. Термин диспозитивность употребляется в разных, хотя и близких, значениях, и тем не менее нет определенности по ее статусу. Поэтому в юридической теории и практике существуют объективные факторы для исследования диспозитивности.

Сегодня практически никем в юридической литературе не подвергается сомнению статус диспозитивности как принципа гражданского [4, с. 35] и уголовного процессов [5, с. 367]. Действительно, рассматриваемое явление отвечает ряду признаков принципа права: во-первых, идея диспозитивности своим действием охватывает большинство норм и институтов права; во-вторых, она носит самостоятельный характер, не дублирует содержания других основополагающих начал. Тем не менее рассматриваемая категория отвечает не всем необходимым признакам принципа права. Одним из качественных свойств принципа права является закрепление основополагающего начала в нормативных правовых ак-

тах. Между тем, как уже отмечалось, принцип диспозитивности нормативно не закреплен в законе. Хотя его отсутствие восполняется в нормативных правовых актах постулатами диспозитивности и диспозитивными запретами. Однако широкий диапазон проявления принципа диспозитивности, на наш взгляд, делает теоретически необходимым и практически целесообразным фиксирование идеи диспозитивности в действующем законодательстве. Такое решение оказало бы положительное влияние на всю правоприменительную деятельность.

В настоящее время диспозитивность следует считать межотраслевым принципом. Однако если посмотреть на рассматриваемую категорию с позиции социальной значимости, то можно отметить, что в условиях построения демократичного, справедливого правосудия существуют все необходимые предпосылки для причисления идеи диспозитивности к числу конституционных принципов судопроизводства, поскольку в Конституции Российской Федерации закрепляется право человека и гражданина на обращение за судебной защитой нарушенного права или охраняемого законом интереса [4, с. 27, 36].

В нормативных правовых актах диспозитивность находит свое выражение в правах и обязанностях различных субъектов правоприменительной деятельности. Данное обстоятельство является основанием для исследования диспозитивности в качестве самостоятельного института права, закрепляющего основные постулаты диспозитивности и диспозитивные запреты.

Институт диспозитивности наибольшее распространение получил в процессуальных отраслях права, где существуют определенные правила изменения сторонами юридического процесса подведомственности и подсудности рассмотрения дела, порядка обжалования и пересмотра правоприменительных решений и т.д. Данные положения основываются на возможности выбора, предоставленного законом участникам правоприменительной деятельности.

При этом институт диспозитивности охватывает своим действием не только правоотношения, связанные с защитой нарушенных прав и свобод, но и различные стадии правового регулирования. По этой причине институт диспозитивности носит межотраслевой характер, содержание которого регламентируется как нормами материального, так и процессуального права.

В юридической науке достаточно часто рассматривают диспозитивность как черту метода правового регулирования [6, с. 65–91]. Она заключается в том, что каждый из субъектов права обладает свободой разумного действия из нормативно предоставленных возможностей, независимо от принадлежности юридического предписания к частному или публичному праву. Однако в отличие от свободы в широком смысле диспозитивность не может быть вне юридических норм. Диспозитивность — это правовая свобода, существующая в определенных границах. Нормативными рамками являются пределы осуществления правоспособности и субъективных прав участников правоотношений либо публично-правовые интересы.

Феномен диспозитивности можно рассматривать и как свойство, присущее нормам права и субъектам правоотношения. В общей теории права наряду с императивными нормами права выделяются диспозитивные юридические предписания. Диспозитивные нормы предоставляют сторонам возможность предусматривать во взаимоотношениях друг с другом условия, отличные от нормативно закрепленных правил.

Однако диспозитивность, будучи многоаспектным правовым феноменом, проявляется и в императивных нормах. Последние, предписывая поведение субъектов права в категорической форме, обеспечивают действие диспозитивности, фиксируют ее пределы. Кроме того, императивные нормы, устанавливая запрет на определенный вариант поведения, охраняют диспозитивность.

В юридической литературе встречается мнение, согласно которому диспозитивная норма — это установленная государством мера возможного поведения участников правоотношений при вариантном использовании прав и свобод [7, с. 33]. Бесспорно, главное в содержании идеи диспозитивности — это субъективное право, направленное на достижение определенных целей субъекта права.

Вместе с тем такой подход страдает известной односторонностью, поскольку диспозитивная норма предоставляет участникам правоотношений свободу усмотрения в выборе не только использования прав, но и исполнения определенных обязанностей. Понимание диспозитивной нормы как предоставления субъектам исключительно субъективных прав приводит к ее смешению с управомочивающей нормой. Поэтому феномен диспозитивности означает наличие у субъектов правоотношений определенной степени свободы волеизъявления относительно своих прав и обязанностей в пределах, установленных нормой права. Кроме того, взаимосвязь субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношения позволяет отграничить диспозитивность от дозволения и разрешения, обусловленных действием принципа «что не запрещено, то разрешено».

В юридической литературе исследование идеи диспозитивности не ограничивается изучением данного феномена в вышеуказанных аспектах. По мнению А.Г. Плешанова, диспозитивность выступает «частным случаем разностороннего проявления одного и того же правового начала» [8, с. 94]. Такой подход позволяет рассматривать диспозитивное начало как многоаспектный правовой феномен, охватывающий своим содержанием все аспекты диспозитивности и находящий свое проявление во всех «сегментах» сферы действия данного начала (третейское разбирательство, исполнительное и нотариальное производство и пр.).

Диспозитивность имеет место быть там и тогда, где и когда возникновение и развитие юридической деятельности зависит от распорядительных действий субъектов права касаясь объекта правоотношений. Потому диспозитивность можно считать двигательным началом всей правоприменительной деятельности по защите нарушенных прав субъектов.

Приведенное многообразие взглядов на юридическую природу диспозитивности отражает многофункциональность рассматриваемого феномена. Диспозитивности как многогранному явлению присущи следующие признаки:

распоряжаемость, вытекающая из автономии личности в правоотношениях;
дискреционность, т.е. предоставление свободы усмотрения заинтересованным субъектам в принятии самостоятельных решений, выборе наиболее приемлемого варианта действий и поступков, а также в выборе процессуальных средств и способов защиты;

диспозитивность предполагает возможность выбора определенного варианта поведения из числа правомерных деяний, поскольку свобода несовместима с противоправными действиями;

диспозитивность обуславливает повышенную активность сторон, а не правоприменительных органов в процессе защиты прав;

диспозитивность реализуется в установленных пределах, формализованных в нормах права;

диспозитивность носит относительный характер.

Первоосновой, составляющей качественную определенность диспозитивности в юридической деятельности, являются интересы личности. Именно они «предопределяют возможности участников правоотношений реализовать права на судебную защиту, и ставят в зависимость возникновение, развитие и прекращение соответствующих отношений в правовой сфере от волеизъявления тяжущихся, заинтересованных в исходе дела лиц» [9, с. 10].

Сущность диспозитивности видится в свободе усмотрения субъекта права в определении стратегии, тактики и выбора варианта поведения. К примеру, лицо, обращающееся в правоприменительный орган за защитой своего права, самостоятельно определяет суть своего требования, указывает характер и вид нарушения его прав, а также излагает все обстоятельства, исходя из которых он основывает свои претензии. Если человек не желает защищать свои права, мы не вправе навязывать свою волю в защите этих прав.

Хотя в юридической литературе по вопросу о сущности диспозитивности были высказаны и иные мнения. Так, одни ученые видят в этом возможность сторон распоряжаться своими материальными и процессуальными правами в процессе [10, с. 39–40]. Аналогичной позиции придерживается и Конституционный Суд РФ¹. Между тем данный подход не вполне корректно применяет термин «распоряжение правами в процессе», поскольку распоряжаться можно не только полномочиями, связанными с возникновением, изменением и прекращением юридического процесса, но и полномочиями, связанными с формированием и исследованием доказательств. Следовательно, размываются границы функционирования и критерии разграничения диспозитивности и состязательности.

Другие исследователи усматривают сущность диспозитивности в выражении движущего начала юридического процесса [1, с. 34] или в механизме движения процесса [4, с. 44]. Критический анализ данной точки зрения позволяет сделать вывод о том, что вопрос о сущности диспозитивности подменяется вопросом о функциональной роли идеи диспозитивности в сфере права. В данном случае происходит смешение философских категорий сущности и явления. Если сущность представляет собой совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов в неизменном виде, то явление — это конкретные события, свойства или процессы, выражающие внешние стороны действительности и представляющие форму проявления и обнаружения некоторой сущности. Поэтому развитие, движение юридического процесса по самым разным направлениям не может выражать сущности диспозитивности. Двигательная функция диспозитивности — это то, благодаря чему диспозитивность проявляет себя вовне и становится доступной для нашего восприятия. Но познать функциональное значение явления не означает раскрытия его сущности, даже если эта функция служит определяющим фактором при установлении ценности и полезности явления.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 9.

В заключение отметим, что идея диспозитивности имеет особое значение. Значимость идеи диспозитивности заключается в том, что она:

служит средством обеспечения и защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов;

предоставляет широкие возможности в выборе вариантов поведения субъектам права в правоприменительной деятельности для получения желаемого результата;

способствует установлению разумного баланса частноправовых и публично-правовых начал в правоприменительной деятельности, позволяя достичь сбалансированности интересов личности и общества;

выступает способом упрочения функционального равенства сторон юридического процесса за счет предоставления одинаковой возможности участникам процесса в выборе вариантов поведения по своему усмотрению в зависимости от сложившейся в конкретный момент ситуации.

Диспозитивность, будучи многозначным феноменом, оказывает регулирующее воздействие на участников конкретного правоотношения. Характер такого воздействия зависит от того, в каком аспекте выступает идея диспозитивности. Так, принцип диспозитивности организует право, предопределяя его содержание и цель регулирования. Его суть заключается в предоставлении участникам правоотношений возможности выбора вариантов использовать свои права и исполнять определенные обязанности. Диспозитивность как черта метода правового регулирования представляет собой средство, способ действия права, определяющее порядок поведения участников правоотношений. Диспозитивность как свойство, внутренне присущее правовой деятельности, характеризует явление или процесс.

Но для любой формы выражения диспозитивности общим является то, что в основе любого проявления данного феномена имеется возможность выбора вариантов поведения для субъектов права.

Библиографический список

1. Советский гражданский процесс: учебник / под ред.: Гурвич М.А. М.: Высшая школа, 1967. 436 с.
2. Громов Н.А., Николайченко В.В., Францифоров Ю.В. О действии принципов публичности и диспозитивности при возобновлении уголовных и гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам // Правоведение. 1999. № 1. С. 186–198.
3. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России / под ред. А.П. Крутикова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 164 с.
4. Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права: учебное пособие / отв. ред. М.С. Шакарян. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1987. 78 с.
5. Афанасьев А.Ю. Диспозитивность в системе принципов уголовного процесса // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 367–369.
6. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учебное пособие. Свердловск, 1972. 212 с.
7. Лапшин И.С. Диспозитивные нормы права / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской академии МВД России, 2002. 132 с.
8. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики / под общ. ред. В.В. Яркова. М.: Норма, 2002. 352 с.
9. Суменков С.Ю., Катомина В.А. Соотношение диспозитивности и состязательности в юридическом процессе (теоретико-правовой аспект) // Сибирский юридический вестник. 2020. № 1. С. 9–14.
10. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1956. 439 с.

References

1. The Soviet Civil Procedure. Textbook / ed.: Gurvich M.A. M.: Higher school, 1967. 436 p.
2. *Gromov N.A., Nikolaichenko V.V., Franciforov Yu.V.* On the Effect of the Principles of Publicity and Optionality when Resuming Criminal and Civil Cases on Newly Discovered Circumstances // Jurisprudence. 1999. № 1. P. 186–198.
3. *Dikarev I.S.* Optionality in the Criminal Process of Russia / ed. by A.P. Krutikov. Volgograd: Volga Publishing house, 2005, 164 p.
4. *Bonner A.T.* The Principle of Optionality of the Soviet Civil Procedural Law. Textbook / ed. by M. S. Shakarian. Moscow: VUZI Publishing house, 1987. 78 p.
5. *Afanasiev A.Yu.* Optionality in the System of Principles of Criminal Procedure // Legal technique. 2020. № 14. P. 367–369.
6. *Yakovlev V.F.* Civil Law Method of Regulating Public Relations: textbook. Sverdlovsk, 1972. 212 p.
7. *Lapshin I.S.* Optional Norms of Law / ed. V.M. Baranova. N. Novgorod: Nizhny Novgorod. Acad. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 132 p.
8. *Pleshanov A.G.* Optional Beginning in the Sphere of Civil Jurisdiction: Problems of Theory and Practice / ed. by V.V. Yarkov, Moscow: Norm, 2002. 352 p.
9. *Sumenkov S.Yu., Katomina V.A.* The Ratio of Optionality and Competition in the Legal Process (theoretical and legal aspect) // Siberian legal Bulletin. 2020. № 1. P. 9–14.
10. *Yudelson K.S.* Soviet Civil Process. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 439 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10096

УДК 340.11

Р.С. Маркунин

МЕСТО И РОЛЬ МЕХАНИЗМА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ*

Введение: в статье рассматривается вопрос соотношения механизма и системы юридической ответственности. Раскрывается роль механизма реализации ответственности и его значение в общей системе. **Цель:** на основе анализа научной литературы и действующего законодательства установить значение механизма реализации юридической ответственности в рамках одноименной системы, показать имеющиеся проблемы в действующих системах ответственности различных органов публичной власти и обозначить возможные пути их решения. **Методологическая основа:** используется совокупность методов научного познания, среди которых можно выделить: формально-юридический метод, метод сравнительно-правового анализа, системный, диалектический и иные. **Результаты:** разграничены категории «система» и «механизм» на примере юридической ответственности органов власти. По итогам проведенного исследования освещены имеющиеся проблемы в системе юридической ответственности органов публичной власти. **Выводы:** механизм реализации юридической ответственности позволяет показать взаимодействие и особенности функционирования структурных элементов системы ответственности, а также дает возможность делать выводы о результативности правового регулирования в целом.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, система юридической ответственности, органы публичной власти, дискреционные полномочия, депутат Государственной Думы, нормативно-правовой акт.

R.S. Markunin

PLACE AND ROLE OF THE MECHANISM IN THE SYSTEM OF LEGAL RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES

Background: the article deals with the issue of correlation between the mechanism and the system of legal responsibility. The role of the responsibility implementation mechanism and its significance in the General system are revealed. **Objective:** basing on the analysis of scientific literature and current legislation to set the mechanism of implementation of legal responsibility in the framework of the system, to show the problems in the existing systems of responsibility of different public authorities and to identify the possible ways of their solution. **Methodology:** a set of methods of scientific knowledge is used, among which one

© Маркунин Роман Сергеевич, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: markunin88@gmail.com

© Markunin Roman Sergeevich, 2020

Candidate of law, Associate Professor, associate Professor, Theory of state and law department (Saratov State Law Academy)

* Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

can distinguish: formal legal, comparative legal analysis, system, dialectical, and others. Results: the categories “system” and “mechanism” are distinguished on the example of legal responsibility of authorities. Basing on the results of the research, the existing problems in the system of legal responsibility of public authorities are highlighted. Conclusions: the mechanism for implementing legal responsibility let us to show the interaction and features of the functioning of the structural elements of the liability system, as well as allowing us to draw conclusions about the effectiveness of legal regulation in general.

Key-words: *legal regulation mechanism, legal responsibility system, public authorities, discretionary powers, deputy of the State Duma, legal act.*

В философии существует доктрина универсального механизма, которая заключается в утверждении о том, что вселенную можно познать, обращаясь к абсолютно механическим принципам и физическим законам. Подход к механической системе позволял изучить природу в виде рационального и методически устроенного явления. Такая картина в определенный период времени была актуальна и в общественных науках. Сама теория механизмов определяет механизм как цепь, в которой при определенном движении одного или нескольких звеньев (относительно любого из них) некоторые звенья совершают действия, которые можно предсказать, поскольку они четко определены.

Рассматриваемое понятие часто можно встретить в правовых исследованиях (механизм государства, правовой механизм, механизм правового регулирования, механизм реализации юридической ответственности и т.д.). Его содержание раскрывается через группу юридически значимых средств, действие которых приводит к достижению поставленных ранее целей. При этом функционирование вышеназванных средств подвластно заранее закрепленной нормативной схеме, включающей в себя различные этапы.

Понятие механизм используется при исследовании взаимодействия государственных институтов [1, с. 14]. Механизм государственно-правового регулирования позволяет понять процесс трансформации правовых принципов и норм в фактическое поведение и повысить эффективность и качество реализации права.

Стоит отметить, что хотя юридическая наука и активно использует категорию «механизм» при описании функционирования различных системных явлений, его четкое определение при этом отсутствует. В большинстве случаев эта категория употребляется в рамках отдельных отраслей права при характеристике функционирования их правовых институтов. Примером могут выступить такие определения, как «механизм административной ответственности», «механизм защиты детей» и т.д. Усугубляет ситуацию и тот факт, что в большинстве даже специализированных научных трудов термин «механизм» воспринимается как элементарное явление, не нуждающееся в пояснении и раскрытии. Часто наименование этой категории можно встретить лишь в названии научной работы без какого-либо исследования характеристик данного механизма и его характерных признаков непосредственно в самом тексте [2, с. 170].

Ряд авторов, характеризуя правовой механизм, указывают, что его можно представить как некую систему средств и факторов, которая призвана выполнять ряд государственных функций, в том числе и социальных [3, с. 45]. А.Д. Селюков рассматривает правовой механизм в качестве урегулированного правовыми нор-

мами комплекса управленческих отношений по вопросам применения методов, правил и иных инструментов [4, с. 2].

Однако помимо механизма при характеристике совокупности правовых элементов используется также категория «система». Возникает закономерный вопрос о соотношении вышеназванных категорий. Систему принято рассматривать в виде комплекса структурных элементов, взаимодействующих друг с другом для достижения определенного полезного результата, который является главным системообразующим фактором [5, с. 49]. Непрерывная работа системы обеспечивается наличием равновесия и баланса между ее структурными элементами. Время от времени подобный баланс может нарушаться в связи с постоянной динамикой и развитием. В таком состоянии система неспособна обеспечивать те потребности, которые перед ней ставятся, в связи с чем на первый план выходит вопрос о возвращении ее в состояние равновесия. Достижение подобной стабильности и обеспечение ее в будущем возможно при наличии механизма, приводящего всю систему в состояние стабильности. Примером может служить живая природа, которая находится в системном взаимодействии отдельных элементов; при этом всегда имеется механизм для отслеживания ее состояния и последующего восстановления нарушенных звеньев. Подобный механизм именуется механизмом обратной связи, который выступает частью любой системы, в т.ч. и в юридической сфере. Именно механизм способствует налаживанию связей между структурными элементами системы и установлению равновесия между ними. При его отсутствии система теряет свои качественные характеристики и начинает распадаться. Механизм придает системе гибкость и способность функционировать в изменчивых условиях. В правовой сфере работа механизма зависит в т.ч. и от уровня правовой культуры общества.

Можно утверждать, что главная задача правового механизма заключается в раскрытии способа осуществления правового регулирования отношений в обществе. Механизм позволяет спрогнозировать пути дальнейшего развития законодательства и правоприменительной деятельности в области права [6, с. 10].

Рассмотрение явления в качестве системы предоставляет возможность установить и проследить взаимодействие ее структурных элементов. Обеспечить подобный процесс взаимодействия элементов призван механизм реализации. Значение внутрисистемных связей не стоит недооценивать, поскольку благодаря им происходят изменения в самой системе в связи с взаимодействием ее элементов. Имея представления о конкретном механизме (в рамках отдельной системы), субъект может проследить имеющиеся этапы взаимодействия элементов, возможные сбои в этом процессе и способы их преодоления. Помимо этого появляется возможность выстроить план по повышению эффективности работы правового механизма за счет оптимизации отдельных этапов работы вышеназванных процессов [7, с. 226], а вместе с тем и системы в целом.

Особенности функционирования системы и механизма реализации юридической ответственности мы продемонстрируем на примере органов публичной власти. Юридическую ответственность данных субъектов можно определить в виде определенного отношения к требованиям правовых норм, которое обуславливает их соблюдение и исполнение, а в случае нарушения — необходимость органов публичной власти претерпевать неблагоприятные последствия в виде определенных лишений. Функционирование данных субъектов тесно связано с обеспечением должного уровня защиты прав и интересов граждан. По этой при-

чине вопросы ответственности публичной власти носят актуальный характер на любом историческом этапе развития государства, особенно при выстраивании модели правового государства в нашей стране. Деятельность органов власти и должностных лиц регулируется Конституцией РФ, федеральным законодательством, законами субъектов РФ и иными нормативно-правовыми актами.

Исходя из сказанного выше, систему юридической ответственности органов публичной власти можно определить как совокупность взаимосвязанных между собой структурных элементов в виде субъекта ответственности, мер, основания их применения, которые образуют определенную целость, благодаря единству цели, заключающуюся в обеспечении должного уровня законности и правопорядка [8, с. 37].

Механизм же реализации юридической ответственности органов публичной власти является структурным элементом системы ответственности, задача которого сводится к обеспечению функционирования вышеназванных элементов системы как между собой, так и с системами других уровней общности. Подобный механизм может включать в себя определенные стадии, благодаря которым происходит процесс взаимовлияния структурных элементов системы, что в конечном счете приводит к достижению поставленных целей. Постановка конкретных целей придает механизму черты организованности и осмысленности. В правовой сфере наличие целей у механизмов отражает закономерность общественного развития в виде принципа опережающего отражения социальной действительности. Обобщая информацию о целях в правовых исследованиях их можно определить в виде моделей, которые представляют собой идеальные юридически значимые результаты, достигаемые путем работы механизма правового регулирования.

Излишняя абстрактность и недостаточное закрепление в законодательстве понятия юридической ответственности и механизма ее реализации может приводить к различным сбоям и недостижению результата. К примеру, действующая система юридической ответственности государственных гражданских служащих имеет особенность в виде отсутствия четких процессуальных норм по вопросам применения мер ответственности в отношении служащих, что на практике преодолевается дискреционными полномочиями [9, с. 329]. Однако непосредственное руководство может использовать механизм правового регулирования ответственности данной системы с целью злоупотребления своими должностными полномочиями, что, в свою очередь, способствует росту коррупционной составляющей и иных негативных факторов влияющих на уровень эффективности механизма реализации ответственности и рассматриваемой системы в целом [10, с. 24]. В данном случае можно наблюдать недостатки самой системы ответственности, а не механизма, с помощью которого должностные лица пытаются преодолеть описанные проблемы в виде отсутствия четко зафиксированных оснований ответственности за счет использования дискреционных полномочий на практике. Для преодоления подобной тенденции следует внести изменения в действующие структурные элементы системы, четко определив конкретные меры и основания ответственности.

Одновременно с этим, следует отметить, что механизм связан самой системой ответственности и не может компенсировать ее изначальные недоработки. Проблемы, имеющиеся в системе юридической ответственности, будут сказываться и на механизме ее реализации. Ярким примером может служить п. 5 ст. 44 Постановления Государственной Думы РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О регла-

менте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 16 января 2020 г.), где предусмотрены меры ответственности в связи с отсутствием депутатов на заседаниях палаты парламента без уважительной причины¹. На подобном примере можно наблюдать неудачное определение основания ответственности, поскольку оно не лишает возможности депутатов игнорировать процедуру голосования, находясь при этом непосредственно на заседании нижней палаты парламента. Механизм реализации меры ответственности становится неэффективным, поскольку структурные элементы системы в виде оснований и мер ответственности приводятся в действие лишь в отношении народных избранников, которые не являются на соответствующие заседания. В данном случае требуется скорректировать действующее основание наложения мер ответственности, которое должно включать в себя также действия депутатов, связанные с игнорированием самой процедуры голосования. При этом если вести речь о представителях верхней палаты парламента, то на сегодняшний день для данных субъектов вовсе отсутствует конкретный перечень обязанностей, что приводит к недостаточности оснований для мер ответственности. Отчасти ряд обязанностей сенатора высшей палаты парламента представлен в ст. 4 Постановления СФ ФС РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ (в ред. от 22 января 2020 г.)², но в них имеются большие пробелы. К примеру, обязанность сенатора присутствовать на заседаниях Совета Федерации, комитета, членом которого он является, не подкрепляется какой-либо мерой ответственности как в самом регламенте палаты, так и в иных нормативно-правовых актах федерального значения. Все это негативным образом сказывается на системе ответственности и механизме ее реализации.

Такой структурный элемент системы ответственности, как субъект, также может быть причиной неэффективной работы соответствующего механизма. Примером подобной ситуации может служить система ответственности органов местного самоуправления, в которой статус субъекта ответственности испытывает нехватку нормативных дефиниций. Действующее законодательство, оперируя большим количеством терминов в виде «органы территориального общественного управления», «отраслевые (функциональные) и территориальные органы местной администрации» и т.д., четко не проводит разграничения между статусом органа местного самоуправления и его структурными подразделениями [11, с. 69]. Подобный недостаток системы прямым образом влияет на механизм реализации ответственности, поскольку определение конкретного виновного лица совершившего правонарушение становится весьма затруднительным действием на практике. Для обеспечения бесперебойной работы механизма реализации юридической ответственности необходимо четко зафиксировать правосубъектность каждого органа и структурного подразделения, предусмотрев полноценный перечень прав и обязанностей на муниципальном уровне.

Возвращаясь к системе ответственности органов публичной власти, можно сделать вывод, что для обеспечения ее эффективности требуется должным образом выстроить все структурные элементы с определением статуса субъектов ответственности, установлением их четких обязанностей, конкретных оснований

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7, ст. 801.

² См.: Постановление СФ ФС РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 22 января 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 7, ст. 635.

и мер ответственности. Отсутствие вышеназванных элементов ведет к разрушению системных свойств явления и образованию простой совокупности элементов, которая неспособна достичь поставленных целей в виде поддержания необходимого уровня законности, исправления правонарушителей, восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения противоправных действий в будущем.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что механизм реализации юридической ответственности обеспечивает взаимодействие структурных элементов системы юридической ответственности и выстраивает их в виде целостной и функционирующей совокупности, которая направлена на достижение значимых целей. Одновременно с этим механизм реализации ответственности не способен быть доминирующим элементом, поскольку принципы его работы ограничены рамками системы в котором он функционирует.

Библиографический список

1. Механизм государства: классическая и постклассическая парадигмы / под ред. С.А. Сидорова, И.Л. Честнова. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 218 с.
2. Беляева Г.С. Правовой механизм: к вопросу об определении понятия и установлении признаков // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 169–177.
3. Гончаров В.В., Пештиев И.И. О некоторых вопросах конституционно-правового механизма реализации гражданами Российской Федерации права на альтернативную гражданскую службу // Юридический мир. 2010. № 7. С. 45–49.
4. Селюков А.Д. Финансово-правовые механизмы государственного управления // Финансовое право. 2010. № 7. С. 2–5.
5. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 225 с.
6. Кузнецова С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1. С. 9–12.
7. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М.: Высшая школа, 1987. 448 с.
8. Маркунин Р.С. Система юридической ответственности органов публичной власти: принципы формирования // Государство и право. 2020. № 6. С. 35–42.
9. Комахин Б.Н. Развитие государственно-служебной деятельности на основе политики модернизации: административно-правовой аспект. М.: РЕГЕНС, 2014. 436 с.
10. Маркунин Р.С. Система юридической ответственности государственных гражданских служащих // Государственная служба. 2019. № 6. С. 22–26.
11. Маркунин Р.С. Значение системы юридической ответственности органов местного самоуправления в обеспечении высокого уровня правовой культуры // Правовая культура. № 1. 2019. С. 67–74.

References

1. The Mechanism of the State: Classical and Postclassical Paradigms / ed. S.A. Sidорова, I.L. Chestnova. SPb.: Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen, 2008. 218 p.
2. Belyaev G.S. Legal Mechanism: on the Issue of Defining the Concept and Establishing Signs // Administrative and municipal law. 2016. No. 2. P. 169–177.
3. Goncharov V.V., Peshatiev I.I. On Some Issues of the Constitutional-legal Mechanism of realizing the right to an alternative civil service by the citizens of the Russian Federation // Legal law. 2010. No. 7. P. 45–49.

4. *Selyukov A.D.* Financial and Legal Mechanisms of Public Administration // Financial law. 2010. No. 7. P. 2–5.
5. *Anokhin P.K.* Essays on the Physiology of Functional Systems. М.: Medicine, 1975. 225 p.
6. *Kuznetsova S.A.* To the Question of the Definition of the Concept of “Legal Mechanism” // Bulletin of Snt.Petersburg University MFA of Russia. 2013. No. 1. P. 9–12.
7. *Isakov V.B.* The Mechanism of Legal Regulation // Problems of the Theory of State and Law / ed. by S.S. Alekseev. М.: Higher school, 1987. 448 p.
8. *Markunin R.S.* System of Legal Responsibility of Public Authorities: Principles of Formation // State and Law. 2020. No. 6. P. 35–42.
8. *Komakhin B.N.* The Development of Public Service Based on the Policy of Modernization: Administrative Aspect. М.: REGENS, 2014. 436 p.
9. *Markunin R.S.* The System of Legal Liability of Civil Servants // State service. 2019. No 6. P. 22–26.
10. *Markunin R.S.* The Importance of the System of Legal Responsibility of Local Authorities in Ensuring a High Level of Legal Culture // Legal Culture. No. 1. 2019. P. 67–74.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10097

УДК 348.71

Н.В. Дородонова, К.В. Чилькина

РОЛЬ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ОБРАЗОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX В.)*

Введение: социальное учение католической церкви включает в себя доктрину, определяющую развитие стандартов достоинства человека и его социальных прав. Важнейший вопрос для социального католицизма — установление социальной справедливости, что привело к возрождению роли католической церкви как крупного игрока в международной политике в сфере защиты трудовых прав в первой трети XX в. **Цель:** анализ взаимодействия церкви и государства в Европе в проведении и учреждении международных мероприятий и организаций в сфере защиты социальных прав человека в первой трети XX в. **Методологическая основа:** в ходе исследования использовался диалектический метод как универсальный инструмент познания в сочетании с такими общенаучными и частнонаучными методами, как формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой. **Результаты:** аргументирована авторская позиция о том, что католическая церковь, европейские государства и международные организации были солидарны в деле продвижения и защиты социальных прав человека в первой трети XX в. **Выводы:** на развитие европейской государственной социальной политики, а также на учреждение международных организаций в первой трети XX в. оказывала влияние католическая церковь.

Ключевые слова: католическая церковь, социальный католицизм, социальные права, история государства и права, энциклика, международные неправительственные организации, международное медицинское движение, Европа.

© Дородонова Наталья Васильевна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: dorodonovan@gmail.com

© Чилькина Ксения Владимировна, 2020
Кандидат юридических наук, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kvchilkina@mail.ru

© Dorodonova Natalia Vasilievna, 2020
Candidate of law, associate Professor, History of state and law department (Saratov State Law Academy)
© Chilkina Ksenia Vladimirovna, 2020
Candidate of law, Professor, History of state and law department (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00673.

N. V. Dorodonova, K. V. Chilkina

ROLE OF THE CATHOLIC CHURCH IN THE FORMATION
OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE PROTECTION
AND IMPLEMENTATION OF SOCIAL HUMAN RIGHTS
(FIRST THIRD XX CENTURY)

Background: the social doctrine of the Catholic Church includes a doctrine that defines the development of standards of human dignity and social rights. The most important issue for social Catholicism is the establishment of social justice, which led to the revival of the role of the Catholic Church as a major player in international politics in the field of labor rights protection in the first third of the 20th century. **Objective:** to analyze an interaction of the church and the state in Europe in the conduct and establishment of international events and organizations in the field of protecting social human rights in the first third of the twentieth century. **Methodology:** in the course of the study, the dialectical method was used as a universal tool of cognition in combination with such general scientific and special scientific methods as formal-logical, system-structural, comparative-legal. **Results:** the author argues that the Catholic Church, European states and international organizations were united in the promotion and protection of social human rights in the first third of the 20th century. **Conclusions:** the development of the European state social policy, as well as the establishment of international organizations in early 20th century was provided by the Catholic Church.

Key-words: social Catholicism, human rights, social rights, history of state and law, encyclical, international nongovernmental organizations, international medical movement, Europe.

Внимание к правам и достоинству человека занимает центральное место в католическом социальном учении и играет важную роль в действиях, в деятельности римско-католической церкви на международной арене. Католическое социальное учение представляет собой комплекс доктрин, разработанных Церковью по вопросам социальной справедливости, включая вопросы бедности, экономики и роли государства в отношениях с церковью. Католическое социальное учение продолжает развиваться по мере того, как оно реагирует на возникающие новые ситуации в области защиты достоинства человека. Католическая церковь в Европе продолжает активно участвовать в защите и реализации социальных прав человека (право на жизнь, право на здоровье, право на медицинскую помощь и др.). В современной литературе — как отечественной, так и зарубежной — не ослабевает интерес к роли церкви в развитии общества и государства, повышении качества жизни населения. Роль церкви в сфере повышения качества жизни населения, взаимодействия с государственной властью анализируется часто в рамках вопроса о деятельности и значении неправительственных организаций. Так, С.А. Мудров пишет об участии христианской церкви в формировании европейской идентичности и интеграции, отмечая ее возрастающее влияние в этих процессах, что отчасти можно объяснить сложностью и детализованностью многих вопросов, рассматриваемых Евросоюзом и требующих участия в их решении узких специалистов [1, с. 41]. Автор признает тот факт, что негосударственные субъекты, в частности христианская церковь имеют прямое отношение к процессу европейской интеграции и защите в этом процессе консервативных христианских ценностей (семьи, жизни и др.). Поддерживая данную точку зрения,

в качестве гипотезы настоящей работы можно говорить и о том, что христианская церковь (а именно католическая) сохраняла свои позиции в качестве института, стоящего на охране жизни и здоровья человека, и в XX в., организуя различные инициативы по поддержанию жизни и здоровья населения европейских стран. Формой реализации таких инициатив были международные организации по защите жизни, здоровья, труда населения Европы. В зарубежной литературе и в рамках настоящего исследования можно отметить следующие работы, посвященные анализу роли католической церкви в различных аспектах повышения качества жизни населения: К. Ину, Дж.С. Дрори «Мировая институционализация здоровья как социальное предприятие. Организационные и дискурсивные тенденции» [2], И. Бороуи, Д.Х. Миллс, Ю. Джанг «Введение: международные организации здравоохранения и их история» [3]. В данных работах исследуется роль церкви в образовании и деятельности международных неправительственных организаций по защите здоровья, в частности международной ассоциации католических врачей (католическое медицинское движение).

Римская католическая церковь всегда способствовала сохранению жизни и здоровья европейского (и не только) населения. Даже в условиях сепаратистских тенденций XIX в. — автономизации церкви и государства во многих европейских странах, церковь на протяжении XIX в. помогала поддерживать жизнь и здоровье населения. В конце XIX в. специалисты отмечают рост числа неправительственных организаций в этой сфере, в т.ч. и с участием католической церкви [2, с. 206]. Такую активную позицию церковь сохранила и на начало XX в.

Одним из наиболее значительных моментов начала XX в. стало превращение Римско-католической церкви из защитницы старых порядков в сторонницу проведения демократических реформ в области прав человека на международном уровне. Консерватизм, долгое время доминировавший в католической общественной мысли, постепенно начал разрушаться в конце XIX – начале XX вв. Так, первоначальной реакцией Церкви на Великую французскую революцию и последовавшее за ней принятие Декларации прав человека и гражданина 1789 г. было полное неприятие подобного рода мировоззрения. По сути, это была защитная реакция против антихристианского, антирелигиозного, антиклерикального, рационалистического движения. Последствиями французской революции стало провозглашение «свободы», которая по характеру является полной и безграничной. В основе такой «свободы» мыслился натурализм и материализм. Подобного рода «свобода» признавалась Церковью как свобода от Бога с целью продвижения законов Божьих и социальных требований всеобщего блага [4, с. 85].

Отказ Церкви от идеи свободы, прав человека достиг своего апогея во времена Папы Римского Григория XVI (1831–1846). В энциклике «*Mirari vos*» (1832 г.) Григорий XVI признает «свободу» убеждений и разделение Церкви и Государства «абсурдом»¹. Он также отвергает «свободу вероисповедания», «свободу печати» и «равнодушие» (идею о том, что можно обрести спасение через любую религию). Логика Церкви была следующей: только римско-католическая религия является истинной, а людям полезно верить только в то, что истинно. Государство же обязано содействовать общему благу, поэтому призвано поощрять католическую веру и, по возможности, устанавливать католицизм в качестве государственной

¹ Энциклика Папы Римского Григория XVI «*Mirari vos*» (1832 г.). URL: <http://www.vatican.va/content/gregorius-xvi/it/documents/encyclica-mirari-vos-15-augusti-1832.html> (дата обращения: 14.05.2020).

религии [1, с. 86]. Конечно же, энциклика «*Mirari vos*» (1832 г.) Григория XVI явилась ответом на революционные события во Франции и процессы секуляризации светской и религиозной власти.

Переломным моментом в развитии католической правозащитной традиции стала публикация энциклики Папы Римского Льва XIII «*Rerum Novarum*» (1891 г.), включающей в себя целый ряд прав и свобод и положившей начало традиции современного социального католицизма. После революционных событий и индустриализации в Европе Папа Римский Лев XIII (1878–1903) приходит к мнению, что именно Церковь должна стать защитником социально-экономических прав человека. В энциклике «человеческое достоинство» рассматривается как корень природных, универсальных и нерушимых прав человека, в связи с чем государство должно осуществлять власть в соответствии с верховенством права, защищать беспомощных и содействовать общему благу². По существу данная энциклика призывала к решительной поддержке доктрины частной собственности, безоговорочному неприятию и противостоянию социализму, а также принятию тред-юнионов (профсоюзов), воспитанных на католических социальных принципах. Кроме того, энциклика «*Rerum Novarum*» позволила Папе Римскому участвовать в политических, экономических, социальных переменах, происходящих в обществе, и, опираясь на богатство католической традиции, выявлять связанные с этими новшествами нравственные проблемы.

В начале XX в. понятия «человеческое достоинство» и «права человека» стали одним из ключевых идей католической общественной мысли. Церковь начала рассматривать человека как субъект прав, а не абстрактных понятий. Однако такая эволюция взглядов была вызвана, скорее всего, не только церковно-государственными соображениями, но и социальными вопросами труда, капитала, бедности и политических волнений.

Десятилетия, последовавшие за принятием энциклики «*Rerum Novarum*», свидетельствуют о неравномерном развитии католической правозащитной традиции. Два ближайших преемника Льва XIII, Папа Римский Пий X (1904–1914) и Папа Римский Бенедикт XV (1914–1922), не только не смогли развить далее католические либеральные взгляды, а, наоборот, восстановили более традиционные формы общественного мышления. Папа Римский Пий X в своей энциклике «*E Supremi*» (1903 г.) подтвердил оппозиционное положение Церкви по отношению к социализму³. В 1912 г. в энциклике «*Singulari quadam*» Пий X высказал мнение, что «союзы, чтобы быть такими, чтобы католики могли присоединиться к ним, должны воздерживаться от всех принципов и действий, которые не согласуются с учением и правилами Церкви или законной церковной властью»⁴.

Необходимо отметить, что на протяжении многих лет борьба с бедностью была одним из основных направлений внешних связей Церкви с обществом. С момента публикации энциклики «*Rerum novarum*» доктрина католической

² Энциклика Папы Римского Льва XIII «*Rerum Novarum*» (1891 г.). URL: http://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html (дата обращения: 14.05.2020).

³ Энциклика папы Римского Пия X «*E Supremi*» (1903 г.). URL: http://www.vatican.va/content/pius-x/en/encyclicals/documents/hf_p-x_enc_04101903_e-supremi.html (дата обращения: 14.05.2020).

⁴ Энциклика папы Римского Пия X «*Singulari quadam*» (1912 г.). URL: http://www.vatican.va/content/pius-x/en/encyclicals/documents/hf_p-x_enc_24091912_singulari-quadam.html (дата обращения: 14.05.2020).

церкви основывалась на требованиях социальной справедливости, подхваченном христианскими католическими рабочими в конце XIX – начале XX вв., что привело к созданию и укреплению позиций национальных тред-юнионов (профсоюзов) в индустриально развитых европейских странах. Их главная задача заключалась в улучшении условий труда рабочих и ведении переговоров по вопросу достойной заработной платы при одновременном обращении не только к работодателям, но и к органам государственной власти. Таким образом, тред-юнионы (профсоюзы) постепенно превращались в общественные движения, бросившие вызов национальным правительствам.

Например, основанная в 1919 г. Французская конфедерация христианских рабочих (*Confédération Française des Travailleurs Chrétiens, CFTC*) являлась национальной католической профсоюзной организацией во Франции, состоявшей из офисных работников, чиновников, железнодорожников и текстильных рабочих. Основываясь на социальной доктрине Католической церкви, Французская конфедерация христианских рабочих выступала за классовое сотрудничество и стремилась улучшить положение трудящихся. Перестав существовать в 1940 г., когда к власти во Франции пришел режим Виши [5, с. 589].

Конфедерация христианских профсоюзов (*Confédération des syndicats chrétiens, CSC*), созданная в 1904 г., взяла за основу социальную доктрину католической церкви. Главной целью Конфедерации христианских профсоюзов являлось постоянное повышение благосостояния трудящихся и достижение экономической и социальной демократии на всех уровнях, при этом большое значение придавалось профессиональной подготовке рабочих. Конфедерация христианских профсоюзов провозгласила себя сторонницей социализированной рыночной экономики [6, с. 217].

В 1918 г. была основана Итальянская конфедерация рабочих (*Confederazione Italiana dei lavoratori, CIL*), первая официальная христианская (католическая) профсоюзная организация в Италии, выступавшая за защиту социальных прав (обязательное страхование, равная заработная плата для мужчин и женщин, сокращение рабочего дня).

Особенно сильны были христианские тред-юнионы в Германии. Большинство таких католических конфедераций создавались как объединения Католической церкви и работодателей с целью ослабления или замены доминирующих на тот момент тред-юнионов (профсоюзов) социалистической направленности. В основе требований социальных прав христианских конфедераций лежали взгляды католического социального учения, в связи с чем Католическая церковь активно поддерживала существующие конфедерации и поощряла создание новых.

В начале XX вв. Католическая церковь также начинает проявлять активный интерес к идее создания общей организации в сфере защиты социальных прав человека на международном уровне. Так, в 1900 г. в Париже была создана Международная ассоциация трудового законодательства (*International Association for Labour Legislation, IALL*), в состав которой входила Католическая церковь. Международная ассоциация трудового законодательства являлась ассоциацией экспертов в области социальной политики, продуцируя социальное законодательство, представлявшее на тот момент зарождающиеся идеи о регулировании благосостояния и роли государства в осуществлении социальной политики. Однако Международная ассоциация трудового законодательства была создана как плюралистическая организация — это означало, что вопросы партийной при-

надлежности, национальности и религии были намеренно отложены в сторону. Ассоциация состояла из избранной элиты ученых и государственных чиновников, организовывавших регулярные дебаты по социальным вопросам, но на практике взаимодействие с рабочим движением отсутствовало из-за недоверия рабочего класса к таким инициативам [9, с. 183]. Ассоциация функционировала больше как сеть для обмена знаниями и новыми идеями в сфере трудового регулирования в разных индустриальных государствах.

Следует отметить, что обещание Католической церковью социальной справедливости в обществе было в первую очередь ответом на требования реформистского рабочего движения, объединившегося в профсоюзное движение (тред-юнионизм) во время Первой мировой войны [8, с. 413]. После подписания в 1919 г. Версальского мирного договора, официально завершившего Первую мировую войну, европейское гражданское общество вступило в новую стадию защиты прав и достоинства человека. Создание Международной организации труда (1919 г.) отразило фундаментальные политические, экономические, социальные и культурные изменения. На международной конференции тред-юнионов (профсоюзов) в Лидсе (Великобритания) в 1916 г. представители европейских стран призвали к созданию Международной организации труда, своего рода «всемирного парламента», в котором бы обсуждались и рассматривались социальные требования рабочего движения. Социальный католицизм также являлся основанием для создания Международной организации труда как средства содействия социальному прогрессу и преодоления социальных и экономических конфликтов интересов посредством диалога и сотрудничества.

Деятельность Международной организации труда основывалась на принципе трипартизма (трехсторонней системе сотрудничества) — рабочие, работодатели, правительства на международном уровне, что позволяло найти общие нормы и правила политики и поведения, выгодные для всех сторон трудового процесса.

Необходимо отметить, что в первой трети XX в. христианские конфедерации труда и католические тред-юнионы (профсоюзы) были ослаблены на политической арене. Во-первых, их делегаты не были представлены в созданной трехсторонней системе взаимоотношений. Согласно уставу Международной организации труда делегаты рабочих должны были выбираться из числа членов наиболее представительных рабочих организаций, а христианские тред-юнионы (профсоюзы) никогда не были самыми представительными организациями, в связи с чем католические активисты имели лишь несколько мест технических советников. Во-вторых, выбранная конституционная форма европейских государств не давала христианским профсоюзам возможности присутствовать в Международной организации труда реально, т.к. в большинстве европейских государств церковь и государство были секуляризованы.

Тем не менее Международная организация труда нуждалась в поддержке со стороны людей, представляющих различные религии и идеологии. Поэтому еще с начала 1920-х годов Международная организация труда пыталась наладить отношения с христианскими церквями и католическими организациями, что дает основания считать ее особенной среди других международных организаций [9, с. 177]. Основные усилия к достижению социального согласия были приложены первым Генеральным директором Международной организации труда Альбертом Томасом, французским социалистом, который нашел решение, позволяющее разрешить присутствие социальных католиков и протестантов в Международной

организации труда: были созданы две должности государственных служащих, специально посвященные отношениям с христианскими церквями. В 1926 г. отец Андре Арну (Andre Arnou), французский священник-иезуит и основатель Action populaire (французской иезуитской организации) занимающейся социальными вопросами, был назначен советником Генерального директора Международной организации труда. В обязанности А. Арну входило развитие отношений с католической средой. До начала Второй мировой войны был назначен представитель протестантов. Благодаря этому христианские тред-юнионы (профсоюзы) смогли использовать Международную организацию труда как форум для своих идей, способ их продвижения.

Такое двойное представительство было своеобразным способом признания той роли, которую социальные католики и протестанты играли в генезисе международного трудового законодательства. Это признание не было случайным; оно проистекало из обмена ценностями и практикой между социальными католиками и Международной организацией труда в межвоенный период. Это были ценности, которые социальные католики защищали с начала XX в., а именно защита человека, а не прав как таковых.

Таким образом, Международная организация труда включала в себя ряд уникальных особенностей, она прежде всего, предоставила всем экономическим субъектам равные с государствами полномочия принимать решения и ввела новые формы международных договоров, касающихся социальных целей, а также новые способы их применения. В политическом плане она опиралась на основные европейские демократические политические течения того времени, в частности: социал-демократию, христианскую демократию, социальный либерализм и социальный католицизм, и субъекты каждой из этих точек зрения участвовали в работе и вносили свой вклад в ее развитие.

Другим направлением деятельности католиков была организация медицинской помощи. Создание медицинского общества Святого Луки, святого Космы и Святого Дамиана в 1884 г., следуя призыву Папы Римского Льва XIII, становится ориентиром для всего католического медицинского движения. Эта ассоциация быстро расширяется: 500 членов в 1888 г., 1000 — в 1907 г. и 1500 — в 1927 г.

Появляются и другие католические медицинские ассоциации: в США в 1912 г., в Португалии — в 1915 г., в Бельгии — в 1922 г., затем уже в Германии, Австрии, Дании, Великобритании, Венгрии, Италии, Люксембурге, Польше, Швейцарии и на других континентах (Аргентина, Китай, Тунис).

В 1924 г. Октав Пасто, врач в Париже и Президент Общества Святого Луки с 1922 по 1939 гг. организует под влиянием Папы Римского Пия XI Центральный секретариат национальных обществ католических врачей (Central Secretariat of the National Societies of Catholic Doctors) [3]. Секретариат поддерживал регулярную переписку с другими существующими обществами, помогал в создании других медицинских обществ, а также организовал встречи католических врачей европейских стран. Это положило начало проведению международных конгрессов, первый из которых состоялся в Брюсселе в 1935 г. Во время Четвертого конгресса, состоявшегося в Риме в 1949 г., был создан второй Секретариат, который был независим от Секретариата в Париже. В 1951 г. во время Пятого международного конгресса, проходившего в Париже, был временно сформирован новый Международный секретариат, объединивший два ранее существовавших секретариата, чья миссия заключалась в создании Международной федерации

католических медицинских ассоциаций (International Federation of Catholic Medical Associations).

Международные конгрессы проводились в Дублине (1954 г.), в Гааге (1956 г.), в Брюсселе (1958 г.), в Мюнхене (1960 г.) и в Лондоне (1962 г.). На конгрессе, состоявшемся в Маниле (1966 г.), официальные уставы и подзаконные акты Международной федерации католических медицинских ассоциаций (Fédération Internationale des Associations de Médecins Catholiques) были приняты Генеральной Ассамблеей и одобрены Святейшим Престолом. Это было законное рождение Международной федерации католических медицинских ассоциаций (Fédération Internationale des Associations de Médecins Catholiques).

В период между двумя мировыми войнами Римско-католическая церковь продолжала активное распространение своего социального учения. Папа Римский Пий XI (1922–1939) и Папа Римский Пий XII (1939–1958) демонстрировали открытость развития католической мысли о правах и достоинстве человека. Пий XI в начале 1930-х годов критиковал международный капитализм. Важнейшей энцикликкой, призванной разрешить некоторые вопросы прав человека, является энциклика Пия XI «Quadragesimo Anno» (1931 г.), касающаяся этической природы собственности. В ней Пий XI подтверждает естественное право частной собственности, но настаивает на том, что собственники «должны учитывать в этом вопросе не только свою собственную выгоду, но и общее благо»⁵. Так, Церковь стремилась найти компромисс между капитализмом и социализмом, основанный скорее на солидарности, чем на конкуренции, способный смягчить разрушительные последствия индустриализма.

Экономическая депрессия, обрушившаяся на Европу в начале 1930-х гг., подъем фашизма, а также Вторая мировая война — все это подтолкнуло Церковь выступить более решительно в защиту достоинства и прав человека. На тот момент крупнейшие и сильнейшие христианские тред-юнионы (профсоюзы), действовавшие в Германии и Италии, были уничтожены и с трудом восстанавливались после окончания Второй мировой; французские христианские профсоюзы были сосредоточены на защите прав только «белых воротничков», и лишь после Второй мировой войны они распространили свою протекцию на рабочий класс [10, с. 61].

В 1962–1965 гг. после проведения II Ватиканского собора Католическая церковь открыто приняла позицию защиты прав человека, углубив сближение с либеральной традицией [11, с. 1]. Тремя важнейшими энцикликами II Ватиканского собора, в которых была зафиксирована данная трансформация, стали энциклика Папы Римского Павла VI «Gaudium et Spes» (1965), Папы Римского Иоанна XXIII «Pacem in Terris» (1963), Папы Римского Павла VI «Dignitatis Humanae» (1965).

Данная тенденция еще раз подтвердила приверженность Церкви к социальной справедливости в рамках католической идеологии, что укрепляет легитимность Церкви как альтруистического актора.

Кроме того, Церковь как институт с огромным глобальным влиянием является аналогом современной системы национальных государств и международных

⁵ Энциклика папы Римского Пия XI «Quadragesimo Anno» (1931 г.). URL: https://www.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19310515_quadragesimo-anno.html (дата обращения: 14.05.2020).

правительственных организаций и выступает в качестве модели для современных международных неправительственных организаций.

В заключение следует отметить, что социальное учение католической церкви всегда включало программы, которые определяли развитие стандартов прав и достоинства человека. Ключевые вопросы Католической социальной доктрины (защита прав и достоинства человека) иллюстрируют возрождение Католической церкви как крупного игрока в международной политике в первой трети XX в., раскрывая источник ее власти и легитимности, а также характер и исход ее конфликтов с глобальной культурой.

Библиографический список

1. *Mudrov S.A.* Идентичность, негосударственные организации и религия в европейской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2016. Т. 16. № 1. С. 34–49.
2. *Inoue K., Drori G.S.* The Global Institutionalization of Health as a Social Concern. Organizational and Discursive Trends // *International Sociology*. 2006. Vol. 21(2). P. 199–219.
3. *Borowy I., Mills J.H., Zhang Y.* Introduction: International Health Organizations and their Histories // *Hygiea Internationalis*. 2016. Vol. 13. No. 1. P. 7–17.
4. *Glendon M.A.* Catholicism and Human Rights / *Believing Scholars: Ten Catholic Intellectuals* (ed. by J.L. Heft). New York: Fordham University Press, 2005. P. 81–93.
5. *Chessel M.E.* From Duties to Rights: Revisiting the ‘Social Catholics’ in Twentieth Century France // *French History*. 2019. Vol. 33. No. 4. P. 587–605.
6. *Archambault E.* Historical Roots of the Nonprofit Sector in France // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2001. Vol. 30. No. 2. P. 204–220.
7. *Maul D.R.* The International Labour Organization and the Struggle against Forced Labour from 1919 to the Present // *Labor History*. 2007. Vol. 48. No. 4. P. 477–500.
8. *Tosstorff R.* The International Trade-Union Movement and the Founding of the International Labour Organization // *International Review of Social History*. 2005. Vol. 50. No. 3. P. 399–433.
9. *Verma A.* The ILO and the Quest for Social Justice, 1919–2009 / By G. Rodgers, E. Lee, L. Swepston, J. Van Daele // *British Journal of Industrial Relations*. 2012. Vol. 50. No. 1. P. 177–179.
10. *Torfs R.* Human Rights in the History of the Roman Catholic Church. Human Rights and the Impact of Religion ed. by H.-G. Ziebertz, J.A. van der Ven. Leiden-Boston: Brill, 2013. P. 55–74.
11. *Wall B.* Catholic Social Teaching and Human Rights // *Journal of Catholic Social Thought*. 2013. Vol. 10. No. 1. P. 1–4.

References

1. *Mudrov S.A.* Identity, Non-Governmental Organizations and Religion in European Integration // *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov*. Series: Sociology. 2016. Vol. 16. No. 1. P. 34–49.
2. *Inoue K., Drori G.S.* The Global Institutionalization of Health as a Social Concern. Organizational and Discursive Trends // *International Sociology*. 2006. Vol. 21(2). P. 199–219.
3. *Borowy I., Mills J.H., Zhang Y.* Introduction: International Health Organizations and their Histories // *Hygiea Internationalis*. 2016. Vol. 13. No. 1. P. 7–17.
4. *Glendon M.A.* Catholicism and Human Rights. / *Believing Scholars: Ten Catholic Intellectuals* (ed. by J.L. Heft). New York: Fordham University Press, 2005. P. 81–93.
5. *Chessel M.E.* From Duties to Rights: Revisiting the ‘Social Catholics’ in Twentieth Century France // *French History*. 2019. Vol. 33. No. 4. P. 587–605.

6. *Archambault E.* Historical Roots of the Nonprofit Sector in France // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2001. Vol. 30. No. 2. P. 204–220.
7. *Maul D.R.* The International Labour Organization and the Struggle against Forced Labour from 1919 to the Present // *Labor History*. 2007. Vol. 48. No. 4. P. 477–500.
8. *Tosstorff R.* The International Trade-Union Movement and the Founding of the International Labour Organization // *International Review of Social History*. 2005. Vol. 50. No. 3. P. 399–433.
9. *Verma A.* The ILO and the Quest for Social Justice, 1919–2009 / By G. Rodgers, E. Lee, L. Swepston, J. Van Daele // *British Journal of Industrial Relations*. 2012. Vol. 50. No. 1. P. 177–179.
10. *Torfs R.* Human Rights in the History of the Roman Catholic Church. Human Rights and the Impact of Religion ed. by H.-G. Ziebertz, J.A. van der Ven. Leiden-Boston: Brill, 2013. P. 55–74.
11. *Wall B.* Catholic Social Teaching and Human Rights // *Journal of Catholic Social Thought*. 2013. Vol. 10. No. 1. P. 1–4.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10098

УДК 340.141

О.В. Шутило, О.И. Лавринович

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОДСУДНОСТИ ВОЛОСТНЫХ И МИРОВЫХ СУДОВ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Введение: статья посвящена вопросам распределения подсудности крестьянских дел между волостными и мировыми судами России середины XIX в. Волостные и мировые суды традиционно относятся к местной юстиции, созданной в ходе реформы 1864 г. В реформировании этих институтов можно проследить определенную взаимосвязь, т.к. в основе создания этих судов лежит идея предоставления населению суда скорого, упрощенного и близкого. Вместе с тем эти суды имеют разную правовую природу. Если мировые суды носят государственный, всеобщий характер, то волостные представляют собой общественный, сословный суд, разрешающий дела на основе крестьянских обычаев. Однако принадлежность этих двух институтов к местным судам неизбежно приводила к их взаимодействию. Поэтому в практике мировых и волостных судов большое значение имел вопрос о разграничении подсудности между ними. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной историко-правовой литературе вопросы взаимодействия мировых и волостных судов чаще всего рассматриваются с исторических позиций. Правовой аспект разграничения подсудности между этими судами исследован недостаточно. **Цель:** выявить особенности разграничения подсудности дел между волостными и мировыми судами на уровне практической деятельности и законодательного регулирования, изучить вопрос доступности этих судов для крестьянского населения. **Методологическая основа:** историко-правовой, формально-юридический, аналитический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** раскрыты особенности разграничения подсудности уголовных и гражданских дел между волостными и мировыми судами, дан анализ специфики крестьянских дел, исследованы проблемы доступности мирового и волостного суда для населения. **Выводы:** действующее законодательство рассматриваемого периода распределяло подсудность судебных дел крестьян между юрисдикцией волостных судов, мировых судей и общих судов. В результате одни дела разрешались согласно местным обычаям, другие дела того же свойства — на основе норм гражданского и уголовного права. Подсудность дел волостному суду определялась наличием трех признаков: личного, территориального и родового. Анализ судебной практики волостных и мировых судов показал, что в деятельности этих судов не был реализован принцип равенства всех перед законом в отношении крестьян. Это проявилось в несогласованности системы наказаний, применяемых волостными и

© Шутило Ольга Викторовна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: o.shutilo@yandex.ru

© Лавринович Ольга Ивановна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия)

© Shutilo Olga Viktorovna, 2020
Candidate of law, associate Professor, Public prosecutions and criminology department, (Saratov State Law Academy)

© Lavrinovich Olga Ivanovna, 2020
Candidate of law, associate Professor, Public prosecutions and criminology department, (Saratov State Law Academy)

мировыми судами, условиях обжалования судебных решений, отсутствии равного правового регулирования охраны частной собственности крестьян и лиц других сословий.

Ключевые слова: мировые суды, волостные суды, подсудность, обычное право, судебная реформа.

O.V. Shutilo, O.I. Lavrinovich

**ON THE ISSUE OF DELIMITING THE JURISDICTION
OF VOLOST (RURAL MUNICIPALITY) AND MAGISTRATE
COURTS IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY**

Background: the article is devoted to the distribution of cognizance of peasant cases between rural municipality courts (volost courts) and magistrate courts of Russia in the second half of the XIX century. Rural municipality courts and magistrate courts traditionally refers to local justice created during the reform of 1864. A certain relationship can be seen in the reform of these institutions, since the creation of these courts is based on the idea of providing the population with a speedy, simplified trial clear for the population. However, these courts have a different legal nature. If magistrate' courts are of a state, class-inclusive character, then volost courts are social, class trials, that try cases on the peasant customs basis. However, the affiliation of these two kinds of institutions to local courts inevitably resulted in their interaction. Therefore, in the practice of magistrate and rural municipality courts the issue of delimiting cognizance between them was of great importance. The relevance of the study is due to the fact that in modern historical and legal literature, the issues of interaction between magistrate and rural municipality courts are most often considered from a historical perspective, however the legal aspect of the differentiation of jurisdiction between these courts has not been studied enough yet. **Objective:** to identify the features of differentiation of jurisdiction of volost and magistrate courts at the level of practical activity and legislative regulation, to study the issue of accessibility of these courts for the peasant population. **Methodology:** historical-legal, formal-legal, analytical and comparative legal research methods. **Results:** features of differentiation of jurisdiction of criminal and civil cases between volost and magistrate courts are revealed, the analysis of specifics of peasant cases is given, the problems of accessibility of the world and volost courts for the population are investigated. **Conclusions:** current legislation divided the jurisdiction of peasant court cases between the jurisdiction of volost courts, justices of the peace, and general courts. As a result, some cases were tried according to local customs, while others of the same nature were resolved on the basis of civil and criminal law. Jurisdiction of cases to the volost court was determined by the presence of three features: personal, territorial and tribal. An analysis of the judicial practice of volost and magistrate courts showed that the principle of equality of all before the law in relation to peasants was not implemented in the practice of these courts. This was manifested in the inconsistency of the penal system used by rural municipality courts and magistrate courts, the conditions for appealing against the court decisions, and lack of equal legal regulation of the safeguard of private property of peasants and persons of other classes.

Key-words: magistrate courts, rural municipality courts (volost courts), cognizance, customary law, judicial reform.

Ключевыми институтами реформы местной юстиции второй половины XIX в. традиционно считаются мировые и волостные суды. В реформировании этих институтов можно проследить определенную взаимосвязь, т.к. в основе создания

этих судов лежит идея предоставления населению суда скорого, упрощенного и близкого. Вместе с тем эти суды имеют разную правовую природу. Если мировые суды носят государственный, сословный характер, то волостные представляют собой общественный, сословный суд, разрешающий дела на основе крестьянских обычаев. Однако принадлежность этих двух институтов к местным судам неизбежно приводила к их взаимодействию. Поэтому в практике мировых и волостных судов большое значение имел вопрос о разграничении подсудности между ними.

Пределы ведомства волостного суда не были определены законодателем достаточно точно, что создавало проблемы при применении и толковании законов. С одной стороны, волостные суды обладали определенной долей самостоятельности, с другой — широкой юрисдикцией; они затрагивали интересы многочисленных слоев населения.

Составители Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости при определении подсудности дел волостному суду учитывали следующие особенности крестьянского быта: 1) автономное устройство крестьянской общины, основанное на выборных началах и формирующееся из лиц крестьянского сословия; 2) господство «мира» над каждым членом; 3) круговая порука и ответственность общины за исправное выполнение крестьянами денежных и натуральных повинностей; 4) действие в крестьянском быту юридических обычаев, выражающих народные воззрения на право и справедливость [1, с. 194].

Правила волостного судопроизводства были составлены достаточно кратко, законодатель явно ориентировался на крестьян, стараясь максимально оградить их от сложностей общегражданского законодательства. При разбирательстве дел волостные суды руководствовались Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и Сельским судебным уставом. В Общем положении волостным судам было уделено всего 18 статей, заключавших в себя положения уголовного и гражданского судопроизводства для волостных судов.

Подведомственность волостному суду уголовных дел определялась законодателем достаточно широко. Так, в ст. 101 Общего положения говорилось: «волостной суд разбирает и приговаривает к наказанию крестьян, принадлежащих к волости, за маловажные проступки, когда оные совершены в пределах самой волости против лиц, принадлежащих к тому же состоянию, и без участия лиц других состояний, а также когда означенные проступки не находятся в связи с уголовными преступлениями, кои подлежат рассмотрению общих судебных мест» [2, с. 58]. Такая законодательная конструкция вносила неопределенность при определении подсудности судебных дел, а термин «маловажные проступки» расширял возможности судейского усмотрения волостных судей.

В гражданском судопроизводстве подсудность дел волостному суду определялась ценой иска и сословием лиц, участвующих в деле. Волостному суду были подсудны: 1) иски ценою до ста рублей между крестьянами в отношении имущества в пределах крестьянского надела; 2) иски свыше ста рублей, иски между крестьянами и лицами других сословий — при условии согласия ответчика на рассмотрение дела волостным судом; 3) все иски без ограничения цены — как между крестьянами, так и между крестьянами и лицами других сословий, при условии, что стороны согласились передать их на разрешение волостного суда. Все остальные иски подлежали рассмотрению мировыми судьями или общими судами.

Таким образом, подсудность дела волостному суду обуславливалась наличием трех признаков: личного (персонального), территориального (местного) и родового (предметного).

К крестьянскому сословию, согласно разъяснениям Сената, относились: крестьяне; купцы из крестьян, не причисленные к городскому сословию; крестьяне, торгующие по промысловым свидетельствам; отставные нижние чины из крестьян; жены государственных крестьян. Крестьяне могли быть исключены из подсудности волостного суда только в случае получения права на переход в другое сословие и только тогда, когда этот переход был действительно совершен. Так, например, крестьяне, хотя и имеющие торговые и промысловые свидетельства, но не причисленные к городскому сословию, принадлежали к подсудности волостного суда¹.

Дело подлежало рассмотрению волостного суда, если проступок, совершенный крестьянами, касался их общинной или частной жизни. Такое положение объяснялось особенностями крестьянского быта, общностью интересов «мира», воззрением крестьян на труд как на один из главных источников имущественных прав. Все это придавало крестьянским делам специфический характер. Народные представления крестьян о приоритете трудового начала позволяли разбирать эти дела порой диаметрально противоположно нормам позитивного права, по известным только им правовым обычаям. Например, опекун имел право на пользование доходами с имущества опекаемого. Крестьяне находили справедливым, что опекун, «прилагающий труд» и управляющий имуществом малолетнего, пользуется и результатами своего труда.

На этом же воззрении основаны обычаи, регулирующие у крестьян дела о завладении чужим имуществом и неправомерном его использовании (например, засев чужого поля, рубка в чужом лесу, уборка сена на чужих лугах, ловля рыбы в чужих водоемах, порубка капусты в чужих огородах и т.д.). Интересна, например, практика рассмотрения дел между собственниками земли и другими лицами, самовольно обработавшими эту землю. Во всех случаях суд компенсирует лицу, самовольно обработавшему землю, его затраты на труд [1, с. 203]. Практика подобных судебных решений не имеет единообразия, так за аналогичный проступок в одной волости хозяин земли получил одну треть урожая, в другой — одну вторую [3, с. 609, 483]. В третьей волости последовало такое решение: «урожай остается в пользу собственника земли, но он обязан обработать такой же участок у того, кто вспахал (но не засеял его поле)» [4, с. 49]. В Трудах комиссии по преобразованию волостных судов приводится и такой случай: К. по ошибке нарубил дров в лесу Л.; суд признал дрова собственностью К., но с тем, чтобы он уплатил Л. вознаграждение, определенное судом [4, с. 107]. Если бы приведенные выше дела были переданы на рассмотрение общих судов, то они разрешили бы их совершенно противоположно, то есть признали бы право собственника воспользоваться без всякого вознаграждения результатами труда, затраченного посторонним лицом на обработку его земли. Конечно, крестьянина-собственника такое решение не устраивало, и на практике встречались случаи, когда крестьяне умышленно увеличивали цену иска для обращения к мировому судье. Так, товарищ прокурора Саратовского окружного суда в донесении о деятельности волостных судов описывал случаи, когда крестьяне, не желая об-

¹ См.: Кассационное решение 1867. № 602.

рашаться в волостной суд, передавали заемные письма с передаточной надписью мещанинам или солдатам для предъявления исков у мировых судей [5, с. 19].

Составители Положений были уверены, что формализм и устройство общих судебных мест не соответствуют особенностям экономического и юридического быта крестьян. В центре внимания мирового судопроизводства стоял человек и его личные свободы и интересы, в центре волостного суда — интерес общины с ее круговой порукой и коллективной ответственностью. Особенно ярко это просматривалось при разрешении семейных и наследственных дел. Крестьянские воззрения на имущественные права в семье определялись, главным образом, двумя моментами: личным трудом и общностью семейного имущества; кровное родство отступало на второй план перед экономической целесообразностью. Одни только волостные суды могли знать местные обычаи и определять особенности каждого конкретного случая, касающегося крестьянской семьи и ее имущества. Судебная практика волостных судов показывает, что, разбирая дела между детьми и родителями (о выделении их доли при уходе из семьи, дела по спорам о наследстве, о разделах общего имущества), волостные суды рассматривают крестьянское имущество как предмет обложения податями и повинностями и руководствовались платежной способностью каждого члена семьи. [1, с. 226]

Если цена иска превышала волостную подсудность, дело рассматривали в мировых и общих судах. Однако практика показала, что разбор крестьянского дела в окружном суде был почти недоступен для крестьян в силу сложных процессуальных процедур. Так, исковое прошение должно было быть составлено по форме, к нему должны быть приложены судебные пошлины и деньги на вызов ответчика. Например, по наследственным делам истец должен был доказать: 1) свои права (смерть лица, после которого открылось наследство, свое родство с ним, подтвержденное документами); 2) наличие и размер наследства; 3) право наследодателя на спорное имущество. Если ответчик возражал по существу иска, истец должен был опровергнуть его доказательства. Неграмотному крестьянину трудно было преодолеть формализм окружного суда в одиночку. Ходатаи и адвокаты, пользуясь невежеством крестьян, вовлекали их в сомнительные процессы: в результате дело по бездоказанности проигрывалось, с крестьян присуждались судебные издержки в пользу оправданной стороны, в добавок к уже понесенным ими расходам. И это особенно возмущало сторонников волостного суда. Так, например, К.Д. Кавелин писал: «прежде, на суде гражданском и уголовном, их (т.е. крестьян) руководили и защищали помещики и чиновники, под опекой которых они находились. Теперь их никто не руководит и не защищает. Они предоставлены исключительно одним своим силам и средствам. Особенно на суде гражданском, при господствующей теперь строго состязательной форме судопроизводства, они, по бедности и невежеству, проигрывают процессы, в которых вся правда на их стороне» [6, с. 25].

Судебные издержки по делу в мировых и окружных судах достигали значительных размеров и включали в себя: 1) расходы на публикации о вызове, на командировки судьям для проведения местных осмотров и допросов, на вознаграждения свидетелей, судебных приставов и поверенных; 2) канцелярские пошлины за переписку бумаг; 3) гербовые пошлины; 4) судебные пошлины с бумаг и исковых прошений, отзывов и жалоб. Все это приводило к тому, что расходы крестьянина по делу, например, о захвате одной десятины земли поглощали ее стоимость. Кассационный залог в 100 руб., применяемый в общих

судах, делал рассмотрение крестьянского дела в кассационном порядке вообще недоступным. Неслучайно доцент Санкт-Петербургского университета, Кронид Малышев писал: «о всех судебных издержках надобно заметить, что высокий размер их составляет радикальный порок правосудия, способный парализовать действие самого прекрасного законодательства, преграждая частным лицам путь к охранению их прав» [7, с. 128].

Кроме того, окружные суды и мировые судьи при разрешении крестьянских дел о наследстве или разделе его применяли нормы гражданского законодательства, игнорируя своеобразный семейно-наследственный строй крестьян. Разграничение подсудности этих дел по цене иска между волостными, мировыми и общими судами приводило к тому, что одни дела рассматривались согласно местным обычаям, а другие — по гражданским законам.

Интересно, что Сенат в своих решениях по жалобам крестьян часто занимал их сторону. Так, у крестьян существовал обычай, согласно которому каждый домохозяин должен был огораживать свою усадьбу, сад, огород и прочие территории и мог быть понужден к этому своими соседями или обществом. По обычаю, для понуждения лица, не исполняющего свою обязанность, односельчане могли забирать у него необходимое в хозяйстве имущество и удерживать до возведения изгороди. Волостной суд, разбирая дело по обвинению соседей в самовольном отобрании телеги у крестьянки, не огородившей свой огород, оправдал обвиняемых на основании обычая. Любимовский мировой съезд два раза отменял оправдательные приговоры волостного суда по этому делу, определяя при этом, «что если суд еще раз осмелится признать преступление и насилие народным обычаем, то судьи будут преданы суду». Ярославское губернское присутствие утвердило решение съезда, но Сенат отменил эти решения и признал решение волостного суда справедливым [8, с. 81].

Если проступки крестьян затрагивали общественные и государственные интересы, то они подлежали подсудности мировых судей и общих судов. Например, такие проступки, как употребление неправильных мер и весов, продажа испорченных припасов, нарушение благочиния в церкви, сопротивление распоряжению правительства, оскорбление полицейских, составление подложных свидетельств и т.д., рассматривались мировым судьей.

Согласно местному (территориальному) признаку волостному суду были подсудны только проступки крестьян, совершенные в пределах волости. При этом, пределы волости не ограничивались лишь пределами земли, принадлежавшей крестьянам. Сенат в своих решениях указывал «нет закона, который исключал бы помещичьи земли из пределов волости»², поэтому принадлежность лицу некрестьянского сословия земли, на которой совершен маловажный проступок крестьянина против крестьянина, не могла служить основанием к изъятию дела из подсудности волостного суда по месту совершения проступка.

Если же крестьянин нарушил закон в пределах городской черты, он подлежал ведомству мирового судьи. Такие проступки, как нарушение общественного порядка и тишины, «буйства», совершенные на волостном сходе, считались проступками, направленными против крестьян, и рассматривались волостными судами. Нарушение же благочиния в церкви, где находились и лица других

² Кассационное решение 1884 г. № 9.

сословий, считалось подсудным мировому судье, особенно если дело начиналось по жалобам духовенства³.

Лица других сословий не были подсудными волостному суду, даже если имели постоянное или временное жительство на территории волости, владели недвижимым имуществом в ее пределах, вступали в сделки с крестьянами, совершали в отношении них преступления и правонарушения. Если же эти лица предъявляли к крестьянам иски в волостном суде, то крестьянин не мог обратиться к ним с обратным иском в крестьянском суде. В этом случае крестьянам приходилось ехать в город или к мировому судье, нередко за 40–100 верст.

В соответствии с предметным признаком проступок не должен был превышать пределы ведомства волостного суда. Однако Сенат своими решениями несколько расширил компетенцию волостных судов, признав за ними право рассмотрения таких проступков, как похищение заготовленного леса, покупка заведомо краденного, если кража не превосходила волостной подсудности, самоуправство⁴. Подсудность дела волостному и мировому суду разграничивалась и наличиемотягчающих проступок обстоятельств. Например, ведомству волостного суда подлежала кража, совершенная в первый раз, ценой не выше 15 руб., без взлома и в дневное время. Мировой судья рассматривал дела о кражах, совершенных вторично, со взломом или совершенных в ночное время. Все остальные кражи рассматривались окружным судом [9, с. 62]. Анализ практики волостных судов показывает, что дела о кражах в суде чаще всего оканчивались примирением, виновный приговаривался «к покупке водки и кренделей на угощение судей и членов правления» [5, л. 14]. Поэтому крестьяне всячески старались «подтасовать» дело под подсудность мировых судей, указывая несуществующие квалифицирующие признаки или завышая цену иска. В результате мировым судьям часто приходилось под видом грабежей и разбоев принимать к своему производству дела о кражах, самоуправстве и даже гражданские дела.

В соответствии с Уставом гражданского судопроизводства (ст. 31), мировой суд мог разбирать подсудные волостным судам иски, если истец и ответчик по взаимному согласию предоставляли ему разбор дела. В этом случае дело рассматривалось по всем правилам мирового судопроизводства, с правом апелляции. Согласие сторон в этом случае выражалось со стороны истца – предъявлением иска, а со стороны ответчика – явкой на суд и представлением объяснений по существу дела⁵.

Вместе с тем если иск предъявлял помещик против крестьян, согласие последних не требовалось. Помещики часто пользовались неграмотностью крестьян, предъявляя иски о взыскании убытков в мировом суде. Так, в Старобельском уезде землевладелец Маринов выдал крестьянам хлеб на семена, под условием возврата из полученного урожая, обозначив в расписке (написанной и подписанной за крестьян писарем) срок уплаты 29 июня и неустойку по 3 руб. за день просрочки. Крестьяне, не зная об этом условии, ждали урожая. А Маринов, выждав время, предъявил иск у мирового судьи Гапонова. Последний, следуя договору, присудил взыскать с крестьян за тысячный долг — 12 тыс. руб. неустойки. В результате, у одного крестьянина за долг в 3 руб. неустойка составила 108 руб., за 8 руб. должен был заплатить 360 руб. Крестьяне не догадались вовремя об-

³ См.: Кассационное решение 1871 г. № 867.

⁴ Кассационные решения 1873 г. № 27; 1869 г. № 103; 1870 г. № 8.

⁵ См.: Кассационное решение. 1870 г. № 351.

жаловать это решение, и оно вступило в законную силу [10, с. 104]. Неравенство процессуальных возможностей зачастую делало крестьянские дела заранее проигрышными в мировом суде.

Несогласованность и несоизмеренность в системе наказаний, применяемых мировыми и волостными судами, часто вводила крестьян в заблуждение относительно тяжести совершенного проступка. Сложно было понять, почему крестьянин, обокравший горожанина на 2 руб., где бы он кражу ни совершил, судится у мирового судьи и наказывается тюрьмой до 6 месяцев, тогда как у себя в деревне за кражу у соседа-крестьянина вещи стоимостью до 30 руб., он присуждается волостным судом лишь к нескольким дням ареста. Мещанин же, напротив, где бы кражу у крестьянина ни совершил, в городе или деревне, будет приговорен к тюремному заключению. Такое положение явно противоречило принципу равенства всех перед законом.

С другой стороны, и виды наказаний, применяемых в общих судах, не всегда соответствовали крестьянской действительности. Из практики волостных судов видно, что крестьяне предпочитали наказание розгами штрафам и общественным работам. Наказания в виде тюремного заключения, применяемые общими судами, лишали крестьянина возможности работать, соответственно лишали и средств к существованию. Так, мировой судья Саратовской губернии приговорил крестьянина Спасского уезда Анашкина А. за кражу рукавиц у мещанина Горохова И. к двум месяцам тюремного заключения в самую рабочую пору, что лишило его возможности собрать урожай вовремя [11, л. 7.].

Таким образом, действующее законодательство распределяло подсудность судебных дел крестьян между юрисдикцией волостных судов, мировых судей и общих судов. В результате одни дела разрешались согласно местным обычаям, другие дела, того же свойства — на основе норм гражданского и уголовного права. Анализ судебной практики волостных и мировых судов показал, что в деятельности этих судов не был реализован принцип равенства всех перед законом в отношении крестьян. Это проявилось в несогласованности системы наказаний, применяемых волостными и мировыми судами, условиях обжалования судебных решений (иски до 100 руб. разрешались волостным судом окончательно), отсутствии равного правового регулирования охраны частной собственности крестьян и лиц других сословий.

Библиографический список

1. *Вербловский Г.* О подсудности гражданских дел крестьян // Вопросы русского гражданского права. М., 1896. 438 с.
2. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М: Юридическая литература, 1989. Т. 7: Документы крестьянской реформы. 816 с.
3. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб, 1874. Т. 6. 754 с.
4. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб, 1873. Т. 4. 701 с.
5. ГАСО Ф. 10. Оп. 1. Д. 69.
6. *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос // Вестник Европы. 1881. С. 22–28.
7. *Мальшев К.* Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1874. Т. 1. 444 с.
8. *Оршанский И.* Народный суд и народное право (по поводу вопроса о преобразовании волостных судов) // Журнал гражданского и уголовного права. 1875. Кн. 3.
9. Перечень проступков и преступлений, подлежащих при новом порядке рассмотрению сельского и волостного судов, мировых судей и общих судебных мест // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 26.

10. Известия. Неслыханное решение // Журнал Гражданского и уголовного права. 1880. № 5. С. 104
11. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2333.

References

1. *Verblovsky G.* On the Cognizance of Peasants' Civil Cases. // Issues of Russian civil law. М., 1896. 438 p.
2. Russian Legislation of the X–XX Centuries: in 9 v. М: Legal. 1989. V. 7: Documents of the peasant reform. 816 p.
3. Proceedings of the Commission on the Transformation of Volost Courts. St. Petersburg, 1874. V. 6. 754 p.
4. Proceedings of the Commission on the Transformation of Volost' Courts. St. Petersburg, 1873. V. 4. 701p.
5. GASO F. 10. Op. 1. D. 69.
6. *Cavelin K.D.* The Peasant Matter // Bulletin of Europe 1881. P. 22–28.
7. *Malyshev K.* Civil Proceedings Course. St. Petersburg., 1874. V. 1. 444 p.
8. *Orshansky I.* People's Court and People's Law (on the issue of the transformation of volost courts) // Journal of Civil and Criminal Law. 1875. Book 3.
9. The List of Misconduct and Crimes, Subject to the New Procedure, the Consideration of Rural and Rural Municipality Courts, Justices of the Peace and General Judicial Institutions // Materials on the Judicial Reform in Russia 1864. V. 26.
10. Izvestiya. Incredible Decision //Journal of Civil and Criminal Law. 1880. No 5. P. 104.
11. GASO. F. 1. Op. 1. D. 2333.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10099

УДК 342.97

Ю.И. Мхитарян

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЛЕНОВ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

***Введение:** саморегулируемые организации — это особый общественно значимый институт гражданского общества, деятельность которого повышает качество государственного регулирования предпринимательской деятельности, экономики. Однако установленные нормы права, юридические пробелы и коллизии ограничили возможность влияния института саморегулируемых организаций на регулирование предпринимательских отношений и развитие экономики. В числе нерешенных правовых проблем центральное место занимает дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемых организаций. **Цель:** научно обосновать целесообразность изменения подходов к правовому регулированию в сфере саморегулирования, дать определение правовой категории «дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемых организаций». **Методологическая основа:** был проведен анализ правового режима, проблем саморегулирования, действующей общегосударственной модели саморегулирования. Используются общенаучные, формально-методические методы познания (анализ, синтез, системный подход), методы статистического анализа. **Результаты:** проведен анализ правового режима, действующего в сфере предпринимательской деятельности, закрепленные в нормативных правовых актах; сформулировано определение правовой категории «дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемых организаций». **Выводы:** дополнительную имущественную ответственность членов СРО предлагается рассматривать как правовую ответственность юридического лица, индивидуального предпринимателя, направленную на обеспечение добросовестной деятельности, выполнение обязательств перед потребителями, иными лицами, обществом, государством.*

***Ключевые слова:** коллективное сознание, имущественная ответственность, юридическая ответственность, социальная ответственность, правовые категории.*

© Мхитарян Юрий Иванович, 2020

Доктор экономических наук, ректор (Образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования «Международный институт качества бизнеса»), Член Экспертного Совета при Комитете Госдумы РФ по транспорту и строительству, Член Экспертного Совета при Комитете ГД РФ по образованию и науке, академик Международной академии информатизации; e-mail: mkhitaryan@intercoms.ru

© Mkhitaryan Yuri Ivanovich, 2020

Doctor of Economic Sciences, Rector (Private educational institution of additional professional education «International Institute of Business Quality»), Member of the Expert Council of the State Duma Committee on transport and construction, Member of the Expert Council of the State Duma Committee on education and science, academician of the International Academy of Informatization

Yu.I. Mkhitaryan

**LEGAL LIABILITY AND PROBLEMS OF ADDITIONAL
PROPERTY LIABILITY OF MEMBERS
OF SELF-REGULATING ORGANIZATIONS**

Background: self-regulating organizations are a special socially significant institution of civil society, activities of which improve the quality of state regulation of business and the economy. However, the established legal norms, legal gaps and conflicts have limited the possibility of influence of the institution of self-regulating organizations on the regulation of business relations and economic development. Among the unresolved legal problems, the additional property liability of members of self-regulating organizations is central. **Objective:** to substantiate the feasibility of changing approaches to legal regulation in the field of self-regulation, to define the legal category “additional property liability of members of self-regulating organizations”. **Methodology:** the analysis of the legal regime, problems of self-regulation, and the current national model of self-regulation was carried out. General scientific, formal and methodological methods of cognition (analysis, synthesis, system approach), methods of statistical analysis are used. **Results:** the author has studied and generalized a set of legal norms in the sphere of business activity, which are fixed in normative legal acts, and formulated the definition of the legal category “additional property liability of members of self-regulating organizations”. **Conclusions:** additional property liability of SRO members is proposed to be considered as the legal liability of a legal entity, an individual entrepreneur, aimed at ensuring fair activity, fulfilling obligations to consumers, other persons, and society.

Key-words: collective consciousness, property responsibility, legal responsibility, social responsibility, legal categories.

Согласно действующему законодательству саморегулируемые организации имеют организационно-правовую форму — ассоциация (союз) (п. 3 ст. 50 ГК РФ¹). Саморегулируемые организации объединяют субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, взаимодействуют со своими членами, потребителями, органами власти, местного самоуправления (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»²). Право на объединение участников рынка гарантируется Российской Федерацией (п. 1 ст. 30 Конституции РФ)³.

Институт саморегулируемых организаций (далее — СРО) занимает особое место в регулировании экономических отношений в развитых экономиках. Его развитие было определено в числе важнейших задач в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.

Саморегулируемые организации — это особо значимый для государства и общества институт способный изменить сложившийся тренд регулирования рыночной экономики. Для этого правовой механизм, регулирующий отношения

¹ См. ст. 1, 150 Гражданского кодекса РФ (часть I) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

² См.: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (в ред. от 3 августа 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6076.

³ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ), ст. 4398.

участников саморегулируемых организаций, должен содействовать решению этой правовой проблемы.

Главной целью предпринимательской деятельности является систематическое получение прибыли (п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ), и это неизбежно становится источником противоречия между добросовестной деятельностью и стремлением к систематическому получению прибыли, увеличивает риск снижения потребительских свойств производимой продукции (работ, услуг), затрат, необходимых для обеспечения безопасности, качества продукции, организации деятельности. Обусловленное правовым режимом противоречие, заложенное в организации хозяйственной, экономической деятельности, становится источником недобросовестной конкуренции, самовоспроизводит условия, при которых главной целью деятельности становится получение прибыли, а не реализация социальной ответственности субъектов экономических отношений.

Саморегулируемые организации, устанавливая требования, стандарты, правила предпринимательской деятельности, соответствующие законодательству Российской Федерации, защищают интересы потребителя, третьих лиц, общества, могут сглаживать противоречия между целями хозяйствующего субъекта, направленными на систематическое получение прибыли, и интересами социума. Развитие саморегулируемых организаций — это особое направление государственного регулирования предпринимательской деятельности и экономики.

Институт саморегулируемых организаций должен содействовать развитию добросовестной деятельности и добросовестной конкуренции участников рынка, предоставлению качественной продукции (товаров, работ, услуг) потребителям, противодействовать коррупции, защищать интересы потребителя и членов саморегулируемых организаций.

Согласно Концепции совершенствования механизмов саморегулирования, «государство призвано создавать наиболее благоприятные условия для развития рыночной экономики как путем непосредственного регулирования воздействия, так и путем создания стимулов самоорганизации производителей товаров (работ, услуг) в целях обеспечения более ответственного поведения указанных производителей в отношениях с потребителями, формирования профессиональных сообществ, основанных на принципах саморегулирования, самоограничения и самоорганизации и обеспечивающих выработку стандартов, отвечающих профессиональным и публичным интересам, а также путем применения механизмов контроля за соблюдением установленных ими требований»⁴.

Институт саморегулируемых организаций обеспечивает повышение профессионализма, компетентности участников рынка, адекватное регулирование деятельности субъектов права, позволяет применять механизм имущественной ответственности, обеспечивает организацию контроля и осуществление социально полезных, значимых функций, выполнение которых необходимо в условиях рыночной экономики.

По замыслу законодателя, «дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемых организаций» должна формировать коллективное сознание участников рынка. Коллективное сознание, коллективный интеллект — свойства, возникающие в результате взаимодействия между субъектами права,

⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 2776-р. «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования». URL: <https://base.garant.ru/71296570/> (дата обращения: 11.06.2020).

разделяющими определенные идеи, цели, требования, решения. Коллективный интеллект вносит большой вклад в достижение ожидаемых результатов, принятых на основе консенсуса.

Устанавливая дополнительную имущественную ответственность членов саморегулируемых организаций, законодатель исходил из необходимости формирования коллективного сознания, воспитания поведения, отвечающего требованиям «социальной ответственности», «социальной солидарности» в обществе. Устанавливая приоритет обязанностей членов общества над индивидуальными, направленными на достижение личных устремлений, в организацию деятельности исключительно для получения прибыли, ставит субъекты права в строгие правовые рамки.

Согласно принятой Концепции совершенствования механизмов саморегулирования⁵, имущественная ответственность участников саморегулирования осуществляется с целью формирования механизма коллективной ответственности субъектов права. Принцип эффективной коллективной ответственности членов саморегулируемых организаций связывается с компенсационными фондами. Реализация этого принципа, по мнению законодателя, должна положительно сказаться на конкуренции среди членов саморегулируемых организаций, что должно повлиять на безопасность и качество производимых товаров (работ, услуг).

Но закон, не устанавливая легального определения «дополнительная имущественная ответственность членов СРО», которое должно было раскрыть дефиниции правовой категории, ее смыслового содержания (п. 1 ст. 13 Федерального закона «О саморегулируемых организациях»⁶), ограничил во многом права саморегулируемой организации и ее членов: саморегулируемая организация вправе применять только два способа обеспечения имущественной ответственности членов саморегулируемой организации перед потребителями произведенных ими товаров (работ, услуг) и иными лицами:

- 1) создание системы личного и (или) коллективного страхования;
- 2) формирование компенсационного фонда.

Тем самым законодатель создал одну из ключевых проблем развития института саморегулируемых организаций в Российской Федерации. Дополнительная имущественная ответственность каждого члена саморегулируемых организаций обусловлена содержанием п. 3 п. 3 ст. 3 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее — Закон), согласно которому саморегулируемой организацией признается некоммерческая организация при условии обеспечения саморегулируемой ею организацией дополнительной имущественной ответственности каждого ее члена перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг) и иными лицами в соответствии со ст. 13 Закона⁷.

Имущественная ответственность — одна из форм социальной, правовой ответственности. Содержание имущественной ответственности раскрывается ст. 24 и ст. 56 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно ст. 24 ГК РФ,

⁵ См.: Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 2776-р. «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования». URL: <https://base.garant.ru/71296570/> (дата обращения: 11.06.2020).

⁶ См.: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (в ред. от 3 августа 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6076.

⁷ См.: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (в ред. от 3 августа 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6076.

граждане (физические лица) отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание. Ст. 56 ГК РФ установлено, что «юридические лица отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом. Имущество, на которое не может быть обращено взыскание, определяется нормой, установленной Федеральным законом «О банкротстве (несостоятельности)».

Имущественная ответственность не может рассматриваться вне правового регулирования, как не может быть правового воздействия без правового регулирования [1, с. 15]. Имущественная ответственность — одна из форм правовой ответственности. Таким образом, имущественная ответственность физического, юридического лица — это правовая ответственность субъектов экономических отношений по взятым обязательствам.

Традиционно юридическая ответственность рассматривается как обязанность лица, совершившего правонарушение, испытать санкции как меру государственного принуждения и права государства наказывать за нарушения. Согласно общей теории государства и права «юридической ответственностью называется применение к лицу, совершившему правонарушение, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, в установленном для этого процессуальном порядке» [2, с. 655].

Юридическая ответственность — это составная часть правовой системы, как правовое средство она ограничивает или исключает противоправное поведение. В основном она рассматривается как мера государственного принуждения, наказания за правонарушение. Гражданско-правовая ответственность как вид юридической ответственности наступает за нарушение обязательств имущественного характера. В качестве основания наступления правовой ответственности должна быть учтена система условий, необходимых и достаточных для привлечения нарушителя к гражданско-правовой ответственности:

- убытки;
- противоправное поведение нарушителя;
- причинная связь между противоправным поведением и нарушением обязательств;
- вина правонарушителя.

Вместе с тем нельзя не согласиться с исследователями, которые считают, что сложившиеся подходы к рассмотрению юридической ответственности с позиции ретроспективного аспекта имеют определенные недостатки и приходят к выводу о необходимости применения также другого подхода к пониманию значения юридической ответственности с позиции поощрения физических, юридических лиц за правомерное поведение. Такой подход к юридической ответственности стал трактоваться как «позитивная юридическая ответственность» [3; 4; 5].

Позитивная юридическая ответственность определяет будущие действия субъекта права, ожидаемые от него государством, обществом, субъектами права, формирующими коллективное сознание, посредством возложения обязанностей, поощрением определенного поведения для оценки его с учетом интересов государства, общества. В этих условиях активная, инициативная, сознательная деятельность субъектов права поощряется созданным правовым, экономическим, организационным, информационным механизмом. Так позитивная юридическая ответственность формирует коллективное сознание и становится регулятором

общественных отношений. Иначе говоря, позитивная юридическая ответственность — это не ответственность, возникающая как последствие нарушения установленного порядка, а правовой механизм, стимулирующий определенное ожидаемое поведение.

Юридическая ответственность (позитивная) — вид юридической ответственности, ответная реакция государства и общества на совершенное социально полезное правомерное деяние (заслугу) лица в виде применения различных мер правового поощрения. К признакам позитивной юридической ответственности относят установленное государством в поощрительных правовых нормах правовое стимулирование: предоставление физическому, юридическому лицу дополнительных прав, возможностей и др.

Достоинства позитивного подхода к юридической ответственности, состоит в том, что она выполняет регулятивную, охранительную, воспитательную, организационную, превентивную функции. Системный подход к юридической ответственности как целостному правовому явлению возникает при комбинированном подходе, позволяющем рассматривать ее как с ретроспективного, так с перспективного ракурса для достижения комплексного воздействия на поведение субъекта права и предотвращения правонарушений, достижения позитивного социального поведения. Чем выше уровни организации позитивной юридической ответственности, тем меньше необходимость применения юридической ответственности ретроспективного характера.

Таким образом, в гражданско-правовой сфере, если ретроспективная (негативная) юридическая ответственность — это установленная законом обязанность физического, юридического лица отвечать по своим обязательствам своим имуществом в случае возникновения условий, при которых установлены основания для наступления ответственности, направлена на лишение имущества за совершенное правонарушение, то позитивная юридическая ответственность направлена на совершение физическим, юридическим лицом социально-полезной деятельности посредством применения к нему установленных различных норм, мер поощрения при соблюдении правовых норм. Юридическая ответственность — сложная правовая категория, а юридическая ответственность в позитивном плане имеет большую перспективу в регулировании предпринимательских отношений.

Обеспечение саморегулируемой организацией дополнительной имущественной ответственности каждого ее члена перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг) и иными лицами не исключает правовую ответственность, установленную ст. 24 и ст. 56 ГК РФ. Обеспечение дополнительной имущественной ответственности членов саморегулируемых организаций законодателем установлено как обеспечение саморегулируемой организацией дополнительной имущественной ответственности каждого ее члена перед потребителями и иными лицами. В качестве способа обеспечения имущественной ответственности предлагается создание системы личного и (или) коллективного страхования, создание компенсационного фонда с целью формирования коллективного сознания.

Особенность дополнительной имущественной ответственности членов саморегулируемых организаций на основе установленной системы норм (п. 1 ст. 13 Федерального закона «О саморегулируемых организациях») состоит в том, что формирование компенсационного фонда по своему назначению не соответствует содержанию ретроспективной юридической ответственности. Назначение форми-

рования компенсационного фонда, как и создание системы личного и (или) коллективного страхования, реализация позитивной юридической ответственности.

Вместе с тем формирование компенсационного фонда — это изъятие имущества у участника экономического оборота. Согласно п. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Устранение необоснованных запретов и ограничений, особенно в области экономической деятельности, рассматривается Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» как важная мера противодействия коррупции.

Формирование требований для осуществления ожидаемых действий от субъекта права устанавливается правилами предпринимательской деятельности, стандартами, принимаемыми саморегулируемыми организациями. Они связаны с организацией позитивной юридической ответственности для создания надлежащего поведения субъектов права, носят существенный характер, их назначение — установление правомерного деяния субъектов права.

Таким образом, способ формирования дополнительной имущественной ответственности, направленный на обеспечение деятельности участников СРО в соответствии со стандартами и правилами деятельности, не может рассматриваться как мера ответственности, характер которой — наказания (санкции) за совершение нарушения, т.к. имущественная ответственность по гражданскому законодательству носит компенсационный характер и призвана возмещать убытки, причиненные нарушителем. Следовательно, установленная форма дополнительной имущественной ответственности не может рассматриваться как юридическая ответственность ретроспективного характера.

Позитивная юридическая ответственность в виде дополнительной имущественной ответственности членов СРО применяется в случаях, когда саморегулируемая организация устанавливает требования, правила предпринимательской деятельности, стандарты, соответствующие законодательству, подтверждая это проведением работ по сертификации, оценке соответствия. Таким образом, государство поощряет деятельность, соответствующую законодательству. Происходит трансформация содержания понятия ответственность — не за нарушения, а для достижения установленных целей, что вполне соотносится с нравственным принципам организации деятельности в обществе.

На основе вышеизложенного можно предложить рассматривать правовую категорию «дополнительная имущественная ответственность членов СРО» как правовую ответственность юридического лица, индивидуального предпринимателя, направленную на обеспечение добросовестной деятельности субъекта экономических, социальных отношений. Согласно основополагающим нормам Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации участники саморегулируемых организаций имеют право самостоятельно устанавливать форму дополнительной имущественной ответственности [6, с. 82–93].

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. Саморегулируемые организации — это особый общественно значимый институт гражданского общества, деятельность которого повышает качество государственного регулирования предпринимательской деятельности, экономики.

Однако его развитие на протяжении четверти века в Российской Федерации не привело к ожидаемым результатам из-за несовершенства созданного правового механизма, регулирующего отношения участников института саморегулирования, нерешенности правовых проблем, несмотря на положительный опыт развития института саморегулирования в зарубежных странах.

2. Основная проблема, сдерживающая развитие института саморегулирования в Российской Федерации, состоит в том, что законодателем определено, что «дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемых организаций» — особенность и важный элемент правового механизма института саморегулируемых организаций для формирования коллективного сознания участников рынка, но не предложено раскрытие содержания установленной правовой категории.

3. В юридической науке отсутствует легальное определение правовой категории «юридическая ответственность», не все исследователи определяют дополнительную имущественную ответственность членов СРО как юридическую ответственность. Разные подходы к раскрытию содержания правовой категории «юридическая ответственность» дополняют друг друга. Правовая категория «дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемых организаций», как и правовая категория «имущественная ответственность», не может рассматриваться вне правовой категории «юридическая ответственность».

4. Дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемых организаций по установленным законодателем нормам права не может рассматриваться как ретроспективная юридическая ответственность и должна рассматриваться как позитивная юридическая ответственность. Однако сформированный правовой механизм, т.е. нормы права, определяющие дополнительную имущественную ответственность, противоречивы и требует совершенствования.

5. Государственная политика в сфере развития предпринимательства должна создавать благоприятный правовой, экономический, организационный, информационный режим обеспечения развития института саморегулирования на основе конституционных норм для приоритетного развития саморегулируемых организаций, повышения ответственности за деятельность субъектов права. Дополнительную имущественную ответственность членов СРО предлагается рассматривать как правовую ответственность юридического лица, индивидуального предпринимателя, направленную на обеспечение добросовестной деятельности, выполнение обязательств перед потребителями, иными лицами, обществом, государством.

Библиографический список

1. Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права. М.: Статут, 2015.
2. Общая теория государства и права: Академический курс. / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма Инфра-М, 2013. Т. 3.
3. Бортников С.П. Юридическая ответственность в налоговом праве: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 441 с.
4. Чепус А.В. Теория позитивной юридической ответственности органов исполнительной власти: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
5. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2004. 487 с.
6. Мхитарян Ю.И. Реформа правового режима саморегулирования в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 82–93.

References

1. *Rybakov V.A.* Theory of civil law functions. Moscow: Statute, 2015.
2. General theory of state and law: Academic course / ed. M.N. Marchenko. M.: Norma Infra-M, 2013. Vol. 3.
3. *Bortnikov S.P.* Legal responsibility in tax law: theory and practice: dis. ... doctor of legal Sciences, Moscow, 2017. 441 p.
4. *Chepus A.V.* Theory of positive legal responsibility of Executive authorities: dis. ... doctor of law, Moscow, 2016.
5. *Lipinsky D.A.* General theory of legal responsibility: dis. ... doctor of law. Samara, 2004. 487 p.
6. *Mkhitaryan Yu.I.* Reform of the legal regime of self-regulation in the sphere of entrepreneurial activity // Bulletin of the Saratov state law Academy. 2020. No. 1 (132). P. 82–93.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10100

УДК 347.6

М.В. Ульянова

УВАЖЕНИЕ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ И ПРИНЦИП ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Введение: уважение традиционно рассматривалось как морально-нравственная категория, в рамках данного исследования предложено иное видение уважения как правовой категории, принципа семейного права. **Цель:** выявить правовую природу уважения в семейных правоотношениях, основываясь на работах специалистов в различных областях права, исследуя нормативные правовые акты как международного, так и внутреннего уровней, где закреплена категория «уважение прав», «уважение достоинства», в целях осуществления семейных прав; выявлены формы проявления принципа уважения. **Методологическая основа:** анализ и синтез, индукция и дедукция, аргументация, обобщение, исторический, сравнительно-правовой анализ. **Результаты:** установлено содержание категории уважения, ее взаимосвязь с иными понятиями, в т.ч. любви, свидетельствует о том, что уважение — принцип семейного права, осуществления семейных прав, а также сделан ряд полезных выводов для развития науки семейного права. **Выводы:** внесены предложения по развитию семейного законодательства в направлении, способствующем уважению прав членов семьи.

Ключевые слова: понятие уважения, любовь, уважение в правовом регулировании семейных отношений, принцип уважения в международном и российском правовом регулировании, уважение как правовая форма, проявление принципа уважения в нормах Семейного кодекса РФ.

M. V. Ulyanova

RESPECT AS A LEGAL CATEGORY AND THE PRINCIPLE OF FAMILY RIGHTS AND RESPONSIBILITIES

Background: respect has traditionally been regarded as a moral category; within the framework of the study, a different vision of respect as a legal category, the principle of family law has been proposed. **Objective:** to identify the legal nature of respect in family relations, based on the work of specialists in various fields of law, examining regulatory legal acts both at the international and domestic levels, which enshrines the category of respect for rights, respect for dignity, in order to exercise family rights; to reveal forms of manifestation of the principle of respect. **Methodology:** analysis and synthesis, induction and deduction, argumentation, generalization, historical, comparative legal analysis. **Results:** the author argues that the content of the category of respect, its relationship with other concepts, including love, indicates that respect is the principle of family law, exercising family rights, and a number of useful conclusions for the development of the science of family law has also been made. **Conclusions:** proposals have been made to develop family legislation in the direction that promotes respect for the rights of family members.

© Ульянова Марина Вячеславовна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Российский государственный университет правосудия); e-mail: maryulianova14@gmail.com
© Ulyanova Marina Vyacheslavovna, 2020
Candidate of law, Associate Professor, Civil law department (Russian State University of Justice)

***Key-words:** concept of respect, love, respect in the legal regulation of family relations, the principle of respect in international and Russian legal regulation, respect as a legal form, manifestation of the principle of respect in the norms of the Family Code of the Russian Federation.*

В ст. 1 Семейного кодекса РФ¹ (далее — СК РФ) закреплены такие категории как «уважение», «любовь», являющиеся общечеловеческими моральными ценностями, на которых основаны семейные отношения, что выделяет эту отрасль среди прочих. Любовь и уважение являются основанием возникновения отношений, мотивом, который позволяет сохранять семейные правоотношения в течение жизни человека, а также осуществлять свои естественные права в добровольном порядке, не прибегая к гарантиям и принудительным мерам со стороны государства. Необходимо подробнее исследовать указанные понятия, выявить их природу, выяснить, являются ли они правовыми понятиями, относят ли в науке их к принципам права или они имеют иную природу. Авторы в работах по другим отраслям права обращают внимание на неопределенность понятия «уважение» в контексте семейных отношений [1, с. 19–20], что нашло отражение и в практике рассмотрения дел ЕСПЧ².

Согласно лексическому толкованию, «уважение» — почтительное отношение, основанное на признании чьих-нибудь достоинств. «Достоинство» — это качество, совокупность моральных качеств, уважение этих качеств [2, с. 152]. В соответствии с лексическим значением «уважение» взаимосвязано с такими понятиями как интересы другого и любовь, «уважать — считаться с кем-нибудь, принимать во внимание, соблюдать чьи-нибудь интересы, любить» [2, с. 713]. Любовь — это чувство самоотверженной, сердечной привязанности [2, с. 286].

Одним из первых актов, в котором закреплён характер отношений между супругами, родителями и детьми — любить и уважать (почитать), является п. 22 Домостроя [3, с. 6], далее в ст. 106, 107 в Своде законов Российской империи³. Таким образом, личные отношения были подвергнуты регулированию правом, т.е. обладали признаком формальной определенности, присущим принципам права.

Категория «уважение» в теории права подвергнута исследованию, ее определяют как правовую форму [4, с. 8–15]. Традиционно в семейном праве уважение относят к моральным ценностям [5, с. 9], к «социальным регуляторам» [6, с. 8]. В ряде работ (например, О.Ю. Ильиной, Л.Б. Максимович), которые посвящены исследованиям различных институтов семейного права, упоминается об уважении, однако детальной проработки именно этого понятия не представлено [7, с. 34; 8, с. 4–6], но позиция авторов ясна и интересна.

Оригинальную мысль высказал П.А. Якушев. Автор определяет уважение как традиционную ценность, относят это к регуляторам семейных отношений [9, с. 58; 10]. Е.В. Гордеюк — уважение и любовь относит к нематериальным благам, к объектам брачных правоотношений [11, с. 4–6], принципу правового регулирования [12, с. 4]. Следует отметить значимый интерес авторов к осмысле-

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // Российская газета. 1996. 27 янв.

² Постановление ЕСПЧ от 6 октября 2005 г. по делу «Морис против Франции» (жалоба № 11810/03). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2020).

³ См.: Свод законов гражданских. Российской империи. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1900. С. 17–18. К 1900 году личные отношения в семье стали предметом правового регулирования.

нию категории «уважения» в рамках научных работ по семейному праву. Исходя из лексического значения уважение — это отношение, поэтому сложно назвать отношение объектом. Следует согласиться, что «любовь и уважение» выступают как «содержание добрачного, брачного и послебрачного отношений» [12, с. 4].

О.Ю. Ильина в своей работе исследует категории «уважение прав», «уважение к правам и благополучию детей», однако далее не раскрывает содержание понятия подробнее [7, с. 34].

Л.Б. Максимович, исследуя право ребенка выражать свое мнение, описывая поведение родителей по отношению к ребенку, применительно к учету мнения детей пишет об «уважении их человеческого достоинства (п. 1 ст. 65 СК РФ)», заменяя тем самым негативную формулировку закрепленную законодателем об «унижении человеческого достоинства» [8, с. 4–6]. Полагаю, автор тонко и верно подметила, что именно выражение своего мнения и учет мнения ребенка и есть проявление уважения к нему, уважение достоинства ребенка. Такая позиция подтверждается и исследованиями, проведенными в Уэльсе, где усыновители, уважая мнение ребенка, его «предыдущие семейные связи», положительно относились к желанию ребенка общаться с его родственниками, братьями и сестрами, предоставляя такую возможность [13, с. 1–23].

П.А. Якушев в своих работах выделяет «уважение к старшим» [9, с. 14]. Подобная позиция требует уточнения, поскольку суживает значение этой категории. Безусловно, старшее поколение заслуживает уважения, но уважения заслуживают и другие лица, в т.ч. дети, братья, сестры и другие субъекты, иные лица, осуществляющие семейные права. В рамках исследований по иным отраслям права авторы, исследуя принцип уважения, пишут, что достоинство человека есть признание ценности и «уникальности каждого человека, создание надлежащих условий для достойного существования и всестороннего развития его как личности» [14, с. 15–20], независимо от возраста. Взаимная любовь и уважение, закрепленные в ст. 1 СК РФ, относятся ко всем «отношениям, регулируемым семейным законодательством» (ст. 2 СК РФ), что позволяет судить об их направленности относительно осуществления прав всеми субъектами этих отношений.

Таким образом, в результате анализа ряда работ можно выделить следующее: уважение — это не только общечеловеческая, моральная ценность, регулятор социальных отношений, является основой семейных отношений, но и правовая категория. Понятие «уважение» многогранно, и сводить его только к одному из его возможных проявлений значит обеднять его.

С позиции правового исследования вызывает интерес, являются ли семейные отношения, основанные на «взаимной любви и уважении», значимыми для общества; возможно ли урегулировать их в нормах объективного семейного права; если это правовая категория, то к чему следует ее относить.

В семейных отношениях уважение — один из столпов совместной жизни супругов. В XIX в. и ранее при отсутствии свободы брака и самостоятельности выбора спутника жизни, ряд авторов считают что основа прочных отношений внимание и уважение супругов друг к другу [15; 16; 17]. Г.Ф. Шершеневич, поддерживая настроение своей эпохи, писал что «к семейным правам не должны быть причислены установленные законом права на взаимную любовь, уважение, почтение, потому что это мнимые права, лишенные санкции, — право имеет дело только с внешним миром, но не душевным» [18, с. 528–529]. Уважение и

любовь относили к душевной сфере человека, на которую сложно воздействовать посредством норм права.

Современные авторы также не имеют единого мнения. Е.В. Гордеюк полагает, что «взаимная любовь и уважение не поддаются правовому регулированию», имеют особый период существования. «Основания возникновения — определенные личностные явления, обстоятельства, качества, способствующие возникновению у человека определенных чувств», т.е. всецело категории, определяющие духовную жизнь человека. Защита, по ее мнению, таких нематериальных благ как уважение, «происходит опосредовано через защиту отдельных субъективных прав членов семьи» [11, с. 4–6]. С.Ю. Филиппова пишет, что «с позиции юриспруденции установление наличия или отсутствия любви и уважения не представляется возможным и необходимым» [19, с. 3–7]. Такая позиция действительно свидетельствует об оценочном характере этих категорий. Уважение относится к правам и ожидать санкций за их нарушение неверно, это скорее характеристика отношения к субъективным правам другого лица, к возможности их осуществления, т.е. критерия требования к субъекту, который определяет поведение человека. Логично говорить об уважении как о принципе осуществления семейных прав. Возведение уважения в ранг принципа послужит «гарантией охраны прав» [20, с. 4]. Именно проявление уважения, уважения к правам, является формой обратной злоупотреблению правом. Эта категория связанная с категорией «злоупотребление», служит обеспечению беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав. Таким образом, логично, что принцип уважения является бинарным принципу злоупотребления.

В Конвенции о правах ребенка⁴ употреблены термины «уважение прав» (ст. 13, 29), «уважение к правам» (ст. 40), «уважение человеческого достоинства ребенка» (ст. 28), «воспитание уважения к правам человека», к родителям ребенка и т.д. вплоть до того, что государства, подписавшие Конвенцию соглашаются, что образование ребенка должно быть направлено на «воспитание уважения к ...» (ст. 29), хотя единообразия в каких-то вопросах не обнаруживается, однако все сочетания подтверждают, что основополагающим фактором является почтительное отношение, основанное на признании качеств. Международные договоры, ратифицированные РФ, основаны на «уважении прав», «уважении достоинств человека», признании достоинств⁵, тем более что они имеют приоритет над нормами семейного законодательства (ст. 6 СК РФ).

Современные представления об уважении прав и достоинств нашли свое отражение в международном праве [21; 22; 23, с. 107–125], в конституционном и других отраслях права [14, с. 15–20; 1, с. 19–21]; проявление уважения имеет вполне материальные, правовые формы. Поэтому важно подвергнуть исследованию работы авторов относительно понимания содержания уважения в международном праве, а также в конституционном и других отраслях прав РФ.

⁴ См.: Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

⁵ См.: Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 дек.; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбург 16 сентября 1963 г.), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбург 22 ноября 1984 г.)) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

Принцип уважения прав человека впервые на международном уровне был закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций⁶. Согласно тексту Женевской Декларации прав ребенка, принятой Лигой нации на своей сессии V в 1924 г., «человечество должно давать детям лучшее из всего, что оно имеет», проявление уважения заключается в том, что «ребенку должна предоставляться возможность нормального развития, как материального, так и духовного...». Далее указывается, что «ребенок должен быть накормлен; больному ребенку должен быть предоставлен уход; отсталому ребенку должна быть оказана помощь; порочные дети должны быть исправлены; сиротам и беспризорным детям должно быть дано убежище и все необходимое для их существования» [24, с. 37–38]. Таким образом, уважение сводится к необходимости обеспечить ребенку определенный набор жизненно важных потребностей, действиями «родителей, мужчин и женщин»⁷. Логично сделать вывод, что уважение к ребенку относится не только к обязательствам государства, а к действиям и поведению конкретных субъектов — мужчин и женщин.

Если обратиться к Конвенции о правах инвалидов, то там закреплено «поощрение уважения присущего им (инвалидам) достоинства»⁸. Возможно, это особенности перевода или смыслового содержания слов в иностранном языке. В русском языке, слово «уважение» в одном из его значений и есть признание достоинств.

Авторы придерживаются позиции интегративного правопонимания, указывают, что «принцип уважения достоинства человека является основополагающей формой права»; это позволяет определить его сущность и «обеспечить его сбалансированное применение». Далее авторы пишут, что «сущность уважения достоинства состоит именно в том, что это неотъемлемое свойство человека как высшей ценности. ...это свойство рассматривается как основа признания и уважения всех его прав и свобод». Более того, «вне зависимости от того, обладает ли человек свойствами личности, способен ли он осознавать характер своих действий, является ли он порядочным гражданином или особо опасным преступником, он все равно обладает „достоинством”» [14, с. 15–20]. Несомненно, что уважение следует проявлять не только к «старшему поколению», но и к родившемуся ребенку, к супругу, к другим родственникам и иным лицам.

Поэтому конституционный принцип уважения достоинства человека является основой признания и осуществления прав и свобод человека во всех сферах его жизни [14, с. 15–20]. Наиболее разработана категория принципа уважения прав в уголовном праве и процессе [25, с. 200–205; 26, с. 17; 24, с. 107–125]. Логичен вывод о существовании принципа уважения в семейной сфере и в семейном праве, где конкретизирован порядок его реализации.

Следует согласиться с позицией тех авторов [1, с. 19–21; 27, с. 132], которые выделяют две формы «принципа уважения достоинства человека», т.к. он состоит из двух взаимозависимых и взаимосвязанных элементов. С одной стороны, в широком его понимании, данный принцип призывает всех субъектов права уважать человеческое достоинство. С другой стороны, содержание данного

⁶ См.: Устав Организации Объединенных Наций (принят в Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. 1956. Вып. XII. С. 14–47.

⁷ См.: Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.)// Российская газета. 1998. 10 дек.

⁸ См.: Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорк 13 декабря 2006 г.) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7, с. 45–67.

принципа подразумевает обязанность государства гарантировать достоинство личности, охранять его и защищать. В данном контексте можно говорить о принципе уважения как о «публично правовой ценности» [14, с. 15–20], так и о частном характере принципа уважения применительно к отдельным субъектам семейных отношений, осуществления их прав на основе уважения. Уважение относится к оценочной категории, которая сочетает в себе, помимо правовых, философские, духовные, нравственно-этические аспекты, что создает некоторые трудности в определении и в правоприменении.

Принцип «уважения достоинства человека» тесно соотносится со многими общепризнанными принципами права, и в первую очередь с такими, как уважение прав человека и охрана прав человека. Эта взаимосвязь четко просматривается во многих международно-правовых актах.

Таким образом, следует говорить о принципе уважения в семейном праве, о его отраслевом характере. Проявляясь в поведении субъектов семейных прав, этот принцип выступает критерием их поведения и соответственно принципом осуществления семейных прав и исполнения обязанностей.

Основой для подобного утверждения помимо норм международных договоров является и внутреннее национальное регулирование. В Конституции РФ закреплён конституционный принцип уважения чести и достоинства личности, который детализирован в отраслевом законодательстве (ст. 21 Конституции РФ, ст. 9 УПК РФ). Эта категория давно разрабатывается специалистами в области уголовного процесса, но не имеется специальных исследований в сфере семейного права.

Безусловно, можно опираться на высказывания патриархов права XIX в., но следует учитывать, что на тот момент теория защиты прав личности и законодательное их регулирование в актах как Российской империи, так и мирового сообщества находились на ином уровне. Современные представления о правах человека, об уважении личности, ушли намного дальше, и актуальным является исследование проявления международного и конституционного принципа уважения в нормах семейного права.

На необходимость закрепления уважения в качестве принципа обращает внимание Н.Н. Петурова. Свои выводы она делает на основании сравнительного исследования современного права Швейцарии и Франции, которые базируются на принципах «уважения самоопределения» и «автономии воли лица» в сфере обеспечения защиты прав и интересов лиц с ментальными и психическими расстройствами. Автор аргументировано доказывает «необходимость применения этих принципов в российском праве для повышения уровня гарантий защиты прав лиц, нуждающихся в опеке и попечительстве» [28, с. 10]. Основываясь на мнении автора, логично добавить, что опека взаимосвязана с семейными отношениями (воспитание, забота об опекаемом), поэтому проявлением принципа уважения являются закрепление в законе и реализация возможности выбора как способа закрепления воли, так и личности опекуна.

Представляется обоснованным выделение принципа уважения как самостоятельного принципа, который в своей основе имеет закрепление в нормах международного права, выделен как принцип в национальных системах зарубежных стран, имеет свое проявление в ряде норм СК РФ, и возможно, осознание его как принципа позволит модернизировать правовое регулирование для беспре-

пятственного осуществления семейных прав и исполнения обязанностей, без принуждения со стороны государства и вмешательства в дела семьи.

В современном СК РФ в ст. 1 закреплено, что семейное законодательство «исходит из необходимости укрепления семьи и построения семейных отношений на чувствах взаимного... уважения». Представляется, что современное регулирование семейных отношений направлено именно на развитие уважения субъектов, осуществляющих семейные права. Проявлением этого является возможность супругов, хотя и в рамках допустимых законом, но самостоятельно определять формы и способы своего поведения.

Именно на это ориентируется законодатель, предоставляя возможность урегулировать имущественные отношения между супругами посредством заключения брачного договора, в личных неимущественных отношениях заключить соглашение об определении порядка общения с ребенком, соглашение об уплате алиментов и т.д. Проявлением уважения между супругами является решение вопросов по взаимному согласию. Стремление найти баланс прав, не пересекая границу прав другого лица. Думается, в целях совершенствования правового регулирования и правоприменения, исходя из уважения к участникам отношений, соглашение следует называть «соглашение о содержании...», т.к. стороны могут никогда и не дойти до суда и не взыскать алименты.

В отношении проявления уважения к детям, в т.ч. уважения их достоинств является норма, закрепленная в ст. 57 СК РФ о праве ребенка выражать свое мнение при решении внутри семьи вопросу, затрагивающих его интересы, ранее приводилось, высказывание Л.Б. Максимович, подтверждающее это.

Думается, именно необходимостью закрепить уважение ребенка в качестве нормы была направлена запретительная ст. 58 СК РФ. Общественность восприняла имена с нетрадиционным сочетанием букв и цифр, либо имена имеющие определенные отсылки к неприличным этапам в истории человечества, как явление умаляющее достоинство ребенка, проявление неуважения к личности.

Исходя из понимания уважения, следует обратить внимание и на отношения супругов друг к другу, некоторые авторы определяют «супружескую верность» [9, с. 16] как ценность, не поддающуюся правовому регулированию. Полагаю, супружеская верность — это оценочная категория, которая не может быть определена однозначно, но имеет прямое отношение к уважению. То, что одному благо, то для другого может быть оскорблением, неуважением, пренебрежительным отношением к его достоинствам⁹. В ст. 31 СК РФ закреплена обязанность супругов «строить свои отношения на основе взаимоуважения и взаимопомощи». Эти понятия не являются уже только нравственными, они получают вполне легальное, правовое наполнение. Наличие взаимности уважения, проявления почтения к супругу, признании его достоинств, проявляющиеся в конкретных волевых действиях, что видимо и позволяет браку существовать и осуществлять субъективные супружеские права и обязанности.

Таким образом, можно выделить несколько правовых форм проявления принципа уважения. Первая — относится к публичным отношениям — уважение со стороны государства к семейным правам субъектов отношений, что проявляется в правовом регулировании, в возможностях субъектов самостоятельно определять порядок, способ, поведения, заключать договоры, регулирующие отношения

⁹ Подобные семьи в истории известны: В. Маяковский и Л. Брик, А. Тарковский, Л.Д. Ландау.

внутри семьи, позволяющих осуществлять семейные права и исполнять обязанности. А вторая форма проявления принципа уважения — это почтительное отношение, признание достоинств другого человека — члена семьи, будь то ребенок или супруг, родственник или иное лицо, осуществляющее семейные права.

Уважение тесно связано с категорией «любовь», хотя и граничит с ним, но не совпадает в полном объеме. В то же время в правовой литературе выделяют «любовь», «уважение», «чувства» как однопорядковые категории, составляющие нематериальные блага в сфере нравственности как объекты брачных правоотношений [11, с. 4–6]. По-видимому, различия состоит в следующем: любовь относится к чувствам, которые испытывает человек, во внешнем проявлении они могут выступать и в виде действий, основанных на уважении прав, достоинства.

В международных договорах¹⁰ о правах ребенка указано, что ребенок должен расти в «атмосфере любви». Думается, любовь — это чувство, состояние лица, мотивация действий и благо (возможно ожидаемое). Включив в правовое регулирование эту категорию, законодатель хотел подчеркнуть особенность семейных отношений, отрасли семейного права и значение эмоционального состояния. В отношениях супругов — любовь определяющий принцип семейного права, подразумевающий свободу заключения брака. Но так как ни одна из наук не дала всеобъемлющего толкования понятия любовь, то и возможность урегулировать правовыми средствами отношения пока не увенчались успехом.

Категория «любовь» не имеет правового содержания, не имеет эмоциональную природу, относится к категориям нравственным, является социальным регулятором межличностных отношений, связана с «уважением», но отличается от него.

Таким образом, есть основания считать, что любовь как явление неправового характера, при введении ее текст закона, будет находится во взаимосвязи с категорией уважения, что может быть подвергнута косвенному регулированию через нее, что подчеркивает особенности, показывает связь общечеловеческих ценностей и правового регулирования в семейных отношениях.

Уважение является правовой категорией. Принцип уважения в семейном праве — является детализированным общеправовым конституционным, порядок реализации его конкретизирован применительно к осуществлению семейных прав и исполнению обязанностей нормами СК РФ.

Библиографический список

1. Арутюнян Р.Т. Право на уважение семейной жизни в решениях суда по делам о депортации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 19–21.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. 798 с.
3. Домострой / отв. ред. Л.А. Дмитриев. СПб.: Наука, 2007. 399 с.
4. Момотов В.В. Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России // Судья. 2019. № 4. С. 8–15.
5. Нечаева А.М. Семья и закон. М.: Наука, 1980. 128 с.
6. Беспалов Ю.Ф. Некоторые проблемы осуществления, охраны и защиты прав ребенка в Российской Федерации // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М., 2018. 352 с.

¹⁰ См.: Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

7. *Ильина О.Ю.* Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 267 с.
8. *Максимович Л.Б.* Право ребенка выражать свое мнение: содержание и границы // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 4–6.
9. *Якушев П.А.* Институт брака: традиционное и правовое регулирование в России и странах Европы. Владимир: Атлас, 2017. 118 с.
10. *Якушев П.А.* Споры о детях: традиционные семейные ценности и судебная практика: М.: Проспект, 2018. 124 с.
11. *Гордеюк Е.В.* Нематериальные блага в сфере нравственности как объекты брачных правоотношений // Семейное и жилищное право 2016. № 3. С. 4–6.
12. *Гордеюк Е.В.* Личные неимущественные права и иные нематериальные блага как объекты брачных прав по семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
13. Rights and Relationships of Children who are Adopted from Care // International Journal of Law, Policy and the Family, Vol. 33. Issue 1. April 2019. P. 1–23.
14. *Умнова И.А., Стальнова А.С.* Конституционный принцип уважения достоинства человека: общие подходы в правопонимании и российская конституционная практика // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 15–20.
15. *Полянский П.Л.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в Российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 400 с.
16. *Сиверцева Т.Ф.* Семья в развивающихся странах Востока (социально-демографический анализ). М.: Норма, 1985. 164 с.
17. *Серебрякова М.Н.* Семья и семейная обрядность в турецкой деревне (новейшее время). М.: Наука, 1979. 168 с.
18. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 719 с.
19. *Филиппова С.Ю.* Гражданско-правовые средства достижения цели построения семьи путем фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 3–7.
20. *Закиров А.Ф.* Уважение чести и достоинства личности — принцип Российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск. 2004. 24 с.
21. *Нешатаева Т.Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3.
22. *Тункин Г.И.* Теория международного права. М.: Зерцало, 2000. 416 с.
23. *Грачева С.А., Рафалюк Е.Е.* Обеспечение прав человека в рамках европейской и межамериканской интеграции (компаративистский анализ) // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 107–125.
24. Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М.: Инфра-М, 2002. 944 с.
25. *Сильнов М.А., Василенко А.А.* Реализация конституционного принципа уважения чести и достоинства личности при получении показаний // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.) / отв. ред. В.В. Ершов. М.: РГУП, 2018. 264 с.
26. *Шатохин И.Д.* Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 24 с.
27. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2002. 336 с.
28. *Петурова Н.Н.* Правовое регулирование опеки и попечительства в отношении совершеннолетних лиц в России, Франции и Швейцарии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 208 с.

References

1. *Harutyunyan R.T.* the Right to respect for family life in court decisions on cases of deportation // Constitutional and municipal law. 2018. No. 8. P. 19–21.
2. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. Moscow, 1987. 798 p.
3. *Domostroy* / ed. L. A. Dmitriev. SPb.: Nauka, 2007. 399 p.
4. *Momotov V.V.* Respect for the court as a legal category: reality and prospects in Russia. 2019. No. 4. P. 8–15.
5. *Nechaeva A.M.* Family and law. Moscow: Nauka, 1980, 128 p.
6. *Bespalov Yu.F.* Some problems of implementation, protection and protection of children's rights in the Russian Federation // Rights of the child in the Russian Federation: legislation, law enforcement, Russian science: materials of the International scientific and practical conference. M., 2018. 352 p.
7. *Ilina O.Yu.* Interests of the child in the family law of the Russian Federation. Moscow: Gorodets, 2006. 267 p.
8. *Maksimovich L.B.* The right of the child to Express his opinion: contents and borders // Family and housing law. 2018. No. 6. P. 4–6.
9. *Yakushev P.A.* Institute of marriage: traditional and legal regulation in Russia and Europe. Vladimir: Atlas, 2017. 118 p.
10. *Yakushev P.A.* Disputes about children: traditional family values and judicial practice: Moscow Prospect, 2018.
11. *Gordeyuk E.V.* Immaterial benefits in the sphere of morality as objects of marriage legal relations // Family and housing law 2016. No. 3. P. 4–6.
12. *Gordeyuk E.V.* Personal non-property rights and other non-material goods as objects of marriage rights under the family legislation of the Russian Federation: author. dis. ... kand. the faculty of law. Sciences. M., 2017.
13. Rights and Relationships of Children who are Adopted from Care // International Journal of Law, Policy and the Family, Vol. 33. Issue 1. April 2019. P. 1–23.
14. *Umnova I.A., Stalnova A.S.* the constitutional principle of respect for human dignity: General approaches to legal understanding and Russian constitutional practice // Constitutional and municipal law. 2016. No. 10. P. 15–20.
15. *Polyansky P.L.* Legal regulation of marriage and family relations in Russian society: historical and legal research. Moscow: Zertsalo-M, 2016. 400 p.
16. *Sivertseva T.F.* Family in the developing countries of the East (socio-demographic analysis). Moscow: Norma, 1985. 164 p.
17. *Serebryakova M.N.* Family and family rites in the Turkish village (modern times). Moscow: Nauka, 1979, 168 p.
18. *Shershenevich G.F.* Course of civil law. Tula: Autograph, 2001. 719 p.
19. *Filippova S.Yu.* Civil-legal means of achieving the goal of building a family by actual marriage relations // Family and housing law. 2010. No. 3. P. 3–7.
20. *Zakirov A.F.* Respect for the honor and dignity of the individual-the principle of the Russian criminal process: author. dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences. Izhevsk, 2004. 24 p.
21. *Neshatayeva T.N.* the Court and generally recognized principles and norms of international law // Vestnik VAS RF, 2004. No. 3.
22. *Tunkin G.I.* Theory of international law. Moscow, 2000. 416 p.
23. *Gracheva S.A., Rafalyuk E.E.* Ensuring human rights in the framework of European and inter-American integration (comparative analysis) // Journal of Russian law. 2014. No. 12. P. 107–125.
24. International acts on human rights: collection of documents / comp. V.A. Kartashkin, E.A. Lukashova. M., 2002. 944 p.
25. *Silnov M.A., Vasilenko A.A.* Implementation of the constitutional principle of respect for the honor and dignity of the individual when receiving evidence // Ensuring the

constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings: materials of the round table (December 19, 2017) / ed. V.V. Yershov. M.: rsup, 2018. 264 p.

26. *Shatokhin I.D.* the Principle of respect for and observance of human and civil rights and freedoms in operational and investigative activities: author's abstract ... Cand. the faculty of law. Sciences. SPb., 2018. 24 p

27. Comment to the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms and the practice of its application / ed. by V.A. Tumanov, L.M. entina. M.: Norm, 2002. 336 p.

28. *Peturova N.N.* Legal regulation of guardianship and guardianship in relation to adults in Russia, France and Switzerland: dis. ... Cand. Moscow, 2019. 208 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10101

УДК 347.12

В.О. Пучков

ЦИФРОВЫЕ ОБЪЕКТЫ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ
ДОКТРИНЕ: QUO VADIS?*

Введение: статья посвящена феномену цифровых объектов и проблемам их концептуализации в качестве объектов гражданского права. **Цель:** определить юридическую сущность цифровых объектов в качестве объектов гражданского права. В этой связи своими ключевыми задачами автор видел следующие: определение признаков традиционных и новых (цифровых) объектов гражданских прав, а также выявление различий между формой и содержанием цифровых объектов с точки зрения гражданского права. **Методологическая основа:** представлена философской герменевтикой как основным философским средством познания, метанаучными средствами познания (системным подходом, классической логикой) и традиционными методами правоведения — юридической догматикой и юридической экзегезой. **Результаты:** в статье обосновывается, что определение правового режима цифровых объектов должно осуществляться аналогично правовому режиму информации *per se*. С теоретико-методологических позиций анализируются существующие в цивилистической доктрине концепции информации как объекта гражданских прав (информация — вещь, информация — иное имущество, информация — имущественное право и т.п.). Формулируется тезис о том, что цифровой объект представляет собой программный компьютерный алгоритм, имеющий экономическую ценность и внешне выраженный в электронной (цифровой) форме в качестве криптовалюты, виртуального имущества и иных подобных явлений, признаваемых в обществе экономическими благами, но в то же время не закрепленных в гражданском законодательстве в качестве объектов гражданских прав. В связи с этим в статье подвергается сомнению тезис об идентичности цифрового объекта и его визуализированного образа. **Вывод:** автор доктрины на основе анализа данных цивилистической доктрины обосновывает надуманный характер проблемы правового режима цифрового объекта и доказывает оправданность его отсутствия в перечне объектов гражданских прав.

Ключевые слова: гражданское право, цивилистическая доктрина, методология, философия, цифровой объект, цифровой образ, объект гражданских прав, исключительное право.

V.O. Puchkov

DIGITAL OBJECTS IN THE CIVILIST DOCTRINE: QUO VADIS?

Background: the article deals with phenomenon of digital objects and the problems of their conceptualization as objects of civil law. **Objective:** to determine the legal nature of

© Пучков Владислав Олегович, 2020

Магистр юриспруденции, соискатель Уральского государственного юридического университета, исполняющий обязанности руководителя практики разрешения коммерческих споров ООО «Правопроцесс»; e-mail: puchkovandpartners@gmail.com

© Puchkov Vladislav Olegovich, 2020

Master of law, postgraduate degree seeker, Ural State Law University, acting head of the commercial dispute resolution practice of Pravoproцесс LLC

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-29-16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий».

*digital objects as objects of civil law. In this regard, the author sees his key tasks as determining the characteristics of traditional and new (digital) objects of civil rights, as well as identifying differences between the form and content of digital objects from the point of view of civil law. **Methodology:** is represented by philosophical hermeneutics as the main philosophical means of cognition, meta-scientific means of cognition (systematic approach, classical logic) and traditional methods of legal science (legal dogmatic and legal exegesis). **Results:** the article substantiates that the definition of the legal regime of digital objects should be carried out similarly to the legal regime of information per se. The concepts of information as an object of civil rights (information-a thing, information — other property, information — property rights, etc.) are analyzed from theoretical and methodological positions. The thesis is formulated that a digital object is a software computer algorithm that has an economic value and is externally expressed in electronic (digital) form as a cryptocurrency, virtual property, and other similar phenomena that are recognized in society as economic benefits, but at the same time are not enshrined in civil law as objects of civil rights. In this regard, the article questions the thesis about the identity of a digital object and its visualized image. **Conclusions:** based on the analysis of data from the civil doctrine, the author substantiates the far-fetched nature of the problem of the legal regime of a digital object and proves the justification for its absence from the list of objects of civil rights.*

Key-words: civil law, civil law doctrine, methodology, philosophy, digital object, digital image, civil rights' object, exclusive right.

Развитие цифровых технологий, их активное внедрение в разнообразные сферы общественной жизни опосредуют трансформацию общественных отношений и соответственно релевантные изменения их правовой формы. С точки зрения Ч. Гира, дигитальность (digitality) — это основной маркер культуры современного общества, выражающийся в первую очередь в формировании самостоятельной от сферы материальных вещей сферы цифровых артефактов, особых объектов, созданных интеллектом человека и включающихся в актуальный имущественный оборот наряду с традиционными объектами [1, с. 27–45]. В этой связи, рассматривая динамику моделей социокультурного поведения человека в условиях глобальной информатизации и технологизации социальных процессов через призму социальной антропологии, Л.С. Яковлев небезосновательно утверждает о том, что параллельно с современной научно-технической революцией происходит и антропологическая революция; суть ее, по мнению исследователя, состоит в глобальном изменении мышления человека, форм его социальной жизни, обусловленном процессами цифровизации, и приводящему к фундаментальным изменениям в ценностно-целевых структурах общества в целом, к перенесению основных контекстов социальных процессов из сферы материального мира в цифровую сферу¹ [2, с. 58–59].

Таким образом, тот факт, что в сферу экономического оборота встраиваются так называемые «цифровые объекты», является закономерным, а признание данных объектов в качестве реального экономического блага — фундаментальной характеристикой аксиологии современного общества. Такая ситуация опосредует необходимость юридической концептуализации «цифровых объектов» в качестве объектов гражданских правоотношений. Однако в этой связи возникают, на наш

¹ Об обусловленности изменений в социокультурной сфере факторами научно-технического прогресса см.: [3, с. 162; 4, с. 290–291; 5, р. 101; 6, р. 45].

взгляд, две фундаментальные проблемы доктринального плана, рассмотрение которых составляет центральный предмет настоящего исследования.

Первая состоит в необходимости выделения общих признаков, свойственных в равной степени и традиционным объектам гражданских прав, и новым цифровым объектам, с целью признания за последними качества объектов гражданских правоотношений. Дело в том, что в актуальной цивилистической доктрине не сложилось единого подхода к определению признаков объектов гражданских правоотношений. Так, в их числе В.А. Лапач называет дискретность (определенность и обособленность), юридическую привязку к субъекту, системность и легальную определенность [7, с. 140–167]. Наряду с данными признаками ученые выделяют такие свойства объектов гражданских правоотношений как способность обеспечивать имущественные интересы субъектов [8, с. 362], а также удовлетворять их иные потребности [9, с. 56–59], доступность [10, с. 89–90], индивидуализацию [11, с. 69] и др. Думается, что многообразие выделяемых в цивилистической доктрине признаков объектов гражданских правоотношений обусловлено неоднозначностью политико-правовых оснований, в связи с которыми тот или иной предмет или явление законодательно регламентируется в качестве объекта гражданских прав.

Ярким примером, иллюстрирующим данный тезис, является включение в перечень объектов гражданских прав информации в ранее действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК) и последующее исключение ее из этого перечня Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2015 г.)². Примечательно, что ч. 1 ст. 5 принятого ранее Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 2 декабря 2019 г., далее — Закон об информационных технологиях)³ продолжала (и продолжает) указывать на то, что «информация может являться *объектом... гражданских и иных правовых отношений* (курсив наш. — В.П.)», а, к примеру, п. 6 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (в ред. от 1 мая 2019 г.)⁴ упоминает информацию в числе объектов внешнеторговой деятельности (товаров, услуг и интеллектуальной собственности). Такая рассогласованность правового регулирования свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в законодательстве не выработан концептуально единый подход к определению правового режима информации, ее юридических свойств применительно к правоотношениям различной отраслевой принадлежности; такая ситуация обуславливает, в свою очередь концептуальную неопределенность правовой доктрины (которая, как мы уже отмечали ранее, остается по преимуществу позитивистской и в юридическом, и в философско-методологическом смысле). Очевидно, что информация в современную эпоху вне всякого сомнения является благом, и в этом смысле исключение информации из перечня объектов гражданских прав

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ч. I, ст. 5497.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 3448.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 4850.

в ст. 128 ГК⁵ было весьма критически оценено некоторыми юристами [12, с. 29; 13, с. 116; 14, с. 13].

Таким образом, перечень признаков, позволяющих отнести тот или иной предмет или явление к числу объектов гражданских прав, в законодательстве и правовой доктрине однозначно не определен. При этом нельзя не обратить внимания на то, что перечень видов объектов гражданских прав сформулирован в ст. 128 ГК по принципу *numerus clausus*⁶. Тем самым, любой «информационный объект» (криптовалюта, игровое имущество, персональный аккаунт в социальной сети и т.п.) должен быть для целей его определения в качестве объекта гражданских правоотношений отнесен или к вещам (иному имуществу, имущественным правам), или к результатам работ и оказанию услуг, или к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности (средствам индивидуализации), или же к нематериальным благам. На этот счет, в литературе также имеются противоречивые теоретические позиции. Так, к примеру, характеризуя правовой режим так называемого виртуального (игрового) имущества (*virtual property*), Т.Р. Хубиев и А.А. Серветник приходят к выводу, что с точки зрения гражданского права виртуальное имущество следует квалифицировать «как вещи и собственность» [15, с. 6]; при этом отдельный вид виртуального имущества — игровое имущество — названные авторы предлагают включить в ст. 128 ГК в качестве самостоятельного объекта гражданских прав [15, с. 6]. Д.Е. Кравченко и М.Е. Кравченко относят виртуальное имущество к числу объектов интеллектуальной собственности [16, с. 412]. А.В. Лисаченко, в свою очередь, полагает, что виртуальное имущество в целом соответствует юридическим признакам вещей, что оправдывает распространение на него соответствующего правового режима [17, с. 108–109]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что правовой режим цифровых объектов в гражданском праве является во многом неопределенным; оправданность «подведения» реалий цифрового гражданского оборота под ту или иную цивилистическую конструкцию (вещи, имущественного права, результата интеллектуальной деятельности и т.д.) при этом, как правило, обосновывается исследователями в контексте иностранного правового опыта и практического удобства. Однако в доктринальном и научно-методологическом аспектах соответствующая проблематика рассматривается крайне редко, что тем самым обуславливает ситуацию несогласованности различных доктринальных подходов, противоречивости судебной практики.

В целом же можно сделать вывод, что общие признаки различного рода цифровых объектов (криптовалюты, «виртуального имущества» и т.п.) и традиционной системы объектов гражданских прав определяются исследователями исходя из их терминологического соответствия («имущество» — «виртуальное имущество», «валюта» — «криптовалюта»). Но вместе с тем такое механическое придание цифровым объектам свойств, присущих традиционным объектам гражданских прав, только исходя из идентичности терминов, которыми обозначаются и те, и другие, видится нам совершенно необоснованным методологически.

⁵ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

⁶ Хотя при этом сам *перечень* объектов гражданских прав сформулирован в соответствии с принципом *numerus apertus* применительно к имуществу (ст. 128 ГК) и нематериальным благам (ст. 150 ГК).

Здесь представляет безусловный интерес следующее замечание А.Н. Латыева: «...до Великой французской революции, — пишет он, — правовой режим нематериальных объектов не смешивался с вещно-правовым. Вызванное революцией движение за отмену привилегий должно бы было уничтожить и авторское право, что, в свою очередь, пришло бы в противоречие с идеологией Просвещения. Выход был найден в признании авторских прав видом права собственности. Так в лексикон континентальных юристов вошло словосочетание „интеллектуальная собственность”... История этого института, — продолжает далее А.Н. Латыев, — является показательным примером того, как образное выражение, будучи понято как юридическая конструкция, повлекло целую череду недоразумений (курсив наш. — В.П.)»⁷ [18, с. 21]. Ситуация, о которой пишет А.Н. Латыев, во многом схожа с той, о которой мы говорим, поскольку в обоих случаях истоком правовой проблемы является смешение термина и понятия, научной метафоры⁸ и юридической конструкции, формы и содержания, т.е. по сути — методологическая неопределенность цивилистической доктрины.

В этом смысле мы переходим ко второй проблеме — проблеме разграничения содержания и формы цифровых объектов применительно к их характеристикам в качестве объектов гражданских правоотношений. Известно, что объекты цифрового пространства — это нематериальные объекты, идеальные формы, которые существуют «вне индивидуальной головы и воспринимаются... как внешние, чувственно созерцаемые, телесно осязаемые «объекты» (курсив наш. — В.П.), — писал в связи с этим Э.В. Ильенков. — Однако, если вы на этом основании отнесете, скажем, «Лебединое озеро» или «Короля Лира» в разряд материальных явлений, вы совершите принципиальную философско-теоретическую ошибку. Театральное представление — это именно представление. В самом точном и строгом смысле этого слова — в том смысле, что в нем представлено нечто иное, нечто другое» [23, с. 234]. Таким образом, внешние формы выражения цифровых объектов (к примеру, визуализированный образ виртуального (игрового) имущества) некорректно отождествлять с их действительным содержанием, которое представляет собой выполненная на определенном языке программирования система информационных алгоритмов, которая при помощи специальных технических и технологических средств преобразуется в электрический сигнал, посредством которого происходит формирование чувственно воспринимаемых характеристик цифрового объекта [24, с. 4–5]. Внешний образ цифрового объекта опосредуется, таким образом, за счет имманентной связи различных видов информации: синтаксической (т.е. набора знаков, закодированных для целей электронной обработки информации), семантической (т.е. информации, опосредующей формирование определенного внешнего образа) и структурной (собственных информационных алгоритмов, используемых телекоммуникационным устройством для целей восприятия синтаксической и семантической информации) [25, с. 57; 26, с. 25–26;

⁷ Подчеркнем, что в настоящее время смешение собственности в классическом понимании и интеллектуальной собственности недопустимо хотя бы *ex lege*, поскольку п. 3 ст. 1227 ГК, посвященный соотношению интеллектуальных и вещных прав, регламентирует общее правило, в силу которого положения о вещных правах не подлежат применению к интеллектуальным правам. Однако следует констатировать, что несмотря на это смешение интеллектуальных и вещных прав до сих пор иногда встречается в исследовательской литературе (см., например: [19, с. 23]).

⁸ О значении метафор для формирования научного дискурса и методологического оформления научной теории см.: [20, с. 46; 21, с. 147; 22, с. 125–128].

27, р. 192]. «Цифровой объект, — пишет в связи с этим М.С. Аль-Бахри, — это объект, состоящий из структурированной последовательности бит, имеющий название, уникальный идентификатор и атрибуты, описывающие его свойства. «... в идентификации цифровых объектов возникает сложность, т.к. человек воспринимает не сами биты, а их отображение с помощью программного обеспечения. Таким образом, чем больше в этом процессе задействуется сенсорный аппарат человека, тем субъективнее вопрос, что именно считать сущностью цифрового объекта (курсив наш. — В.П.)» [28, с. 47].

В связи с этим, что с позиции гражданского права считать сущностью цифрового объекта только его внешний образ, воспринимаемый органами чувств человека в качестве изображения, видеоряда и т.п., недопустимо, поскольку в данном случае происходит неоправданное отождествление внешней формы выражения цифрового объекта и его содержания. При этом данные технических наук позволяют достоверно судить о том, что содержанием любого цифрового объекта выступает именно информация [29, с. 159; 30, р. 19; 31, р. 178]. Из изложенного, на наш взгляд, следуют два важных теоретико-методологических вывода.

Во-первых, любой цифровой объект предстает в той или иной форме (как виртуальное имущество, криптовалюта и т.д.) только по своим внешним и функциональным характеристикам; содержанием такого объекта является в этом смысле именно информация. Во-вторых, можно заключить из изложенного, информация является исходным, конституирующим началом самого феномена цифровых объектов. Тем самым с точки зрения гражданского права определение правового режима цифровых объектов напрямую опосредуется определением правового режима информации *per se*, а формулирование содержания гражданско-правового понятия «цифровой объект» должно, исходя из методологических оснований нашей концепции, осуществляться через формулирование содержания родового понятия «информация» [32, с. 56–61].

Концептуальная сущность природы информации как феномена современного общества в философском смысле основывается на двух базовых категориях — отражении и различии. Именно в такой логике рассматривает информацию, в частности, А.Д. Урсул [33, с. 19]. Различие в этом смысле предстает как определенное отношение объектов; «...информация имеет место там, — пишет А.Д. Урсул, — где среди некоторого тождества существует или появляется определенное различие» [33, с. 70]. Различие объектов воспринимается человеком посредством отражения, и в данном контексте выраженный в определенном компьютерном коде «семантический аспект информации выражает отношение между информацией как компонентом отражения и отражаемым объектом, так сказать, «передатчиком» информации» [33, с. 51]. Тем самым компонент различия в информации задает ее объективное содержание (т.е. отношение между объектами *per se*), а компонент отражения, имманентно присущий как самой информации (в качестве свойства отражаемости), так и воспринимающему ее субъекту (в качестве когнитивного процесса отражения), позволяет интерпретировать объективное содержание информации и в связи с этим опосредует феномен «субъективной информации» [33, с. 67]. Тем самым «субъективная информация» — это те чувственно воспринимаемые человеком внешние формы выражения компьютерного кода, которые существуют в виде «виртуального имущества», криптовалюты и прочих цифровых объектов, вовлеченных в гражданский оборот, а сам указан-

ный компьютерный код — это, в свою очередь, и есть объективное содержание информации.

Объективное содержание информации, как верно замечает А.Н. Латыев, по своей сути нематериально [18, с. 24]. Информация *per se* существует в концептуальном пространстве коммуникации как совокупность сигналов, которые объективно не имеют материального выражения, а только могут быть зафиксированы на материальном носителе, нетождественном самой информации, или иным образом оформлены для целей их восприятия человеком⁹. Поэтому, с нашей точки зрения, на информацию не может быть однозначно распространен гражданско-правовой режим вещи или иного имущества¹⁰. Здесь «достаточным показателем, — по верному замечанию А.Н. Латыева, — может быть невозможность восстановления положения, имевшего место до несанкционированного разглашения информации. Можно, конечно, восстановить доступ к информации, но невозможно стереть ее из памяти лиц, получивших к ней доступ» [21, с. 24].

Однако не смотря на это в отечественной доктрине гражданского права встречаются методологически противоречивые интерпретации юридической сущности информации. Так, рассматривая специфику объектов внешнеторговой деятельности, А.В. Губарева пишет: «Под информацией как правовым понятием следует понимать... информацию, закодированную в знаках, закрепленную определенным образом на носителе (в виде букв, магнитной записи, звуков)» [36, с. 100]. Однако если следовать такой логике, то закономерно возникает вопрос: означает ли, к примеру, уничтожение материального носителя информации уничтожение и самой информации? Очевидно, что это не так, поскольку в силу своей нематериальности информация способна существовать и вне какого-либо материального носителя. Так, простейший акт речевой коммуникации по существу представляет собой информационный процесс, однако при этом передаваемая посредством такого акта информация не имеет какого-либо материального носителя (а признание в качестве такового, к примеру, речевого аппарата человека видится нам совершенно бессмысленным). Материальный носитель в этом смысле является лишь формой передачи информации, формой ее существования вовне, так же, как компьютерное изображение является формой выражения информации как компьютерного кода.

Следовательно, предложенное А.В. Губаревой понимание информации прямо противоречит ее действительной сущности. Далее в ходе своих рассуждений А.В. Губарева закрепляет свой тезис: «В силу своей *физической природы* (курсив наш. — В.П.) информация выступает как свойство объектов и процессов. Поэтому возможно ее опосредованное регулирование нормами, регулирующими общественные отношения *по поводу объективированных форм представления информации* (курсив наш. — В.П.)...» [36, с. 103–104]. Приведенное утверждение видится нам не только доктринально необоснованным, но и неверным по существу, поскольку в законодательстве содержатся однозначные положения о недопустимости смешения информации с ее объективированными формами.

⁹ В этой связи нам видится не вполне обоснованным утверждение М.М. Валеева о том, что существование информации возможно «только в объективной форме» ([34, с. 17]).

¹⁰ Исключением здесь может быть, по нашему мнению, только доменное имя, которое *de facto* признано судебной практикой объектом вещно-правовых притязаний и вещно-правовой защиты (см.: [35, с. 195–223]).

Примером может служить п. 1 ст. 1227 ГК¹¹, который предусматривает, что интеллектуальные права на результаты интеллектуальной деятельности (которые, бесспорно, являются информацией) не зависят от вещных прав на материальный носитель, в котором эти результаты выражаются. Так, вопреки утверждению автора ни прямо, ни опосредованно положения ГК РФ о правовом режиме материального носителя результата интеллектуальной деятельности не могут распространяться на сам результат интеллектуальной деятельности.

Таким образом, А.В. Губарева не различает формальный и содержательный аспекты информации, что приводит ее к неверному выводу о том, что правовой режим информации идентичен правовому режиму различных форм ее представления. Однако парадоксальным является в этом смысле итоговый вывод А.В. Губаревой относительно юридической природы информации: «Информация сама по себе не может быть подвергнута физическому воздействию *в силу своей нематериальности* (курсив наш. — В.П.). Вещь может быть виндцирована, исполнитель услуг может быть понужден к исполнению в натуре, контрафактные товары могут быть конфискованы. *Ничто из этого не применимо к информации* (курсив наш. — В.П.)» [36, с. 104]. С этим выводом мы, бесспорно, не можем не согласиться. Однако сам ход построения А.В. Губаревой концепции правового режима информации видится нам методологически неверным, поскольку, изначально отождествляя информацию с материальным носителем, А.В. Губарева в дальнейшем делает прямо противоположный вывод об их нетождественности, и более того — о нематериальной природе информации. Источником допущенной указанным автором теоретико-методологической ошибки является, по нашему мнению, именно следование философско- и юридико-позитивистским установкам в научном правопознании (поскольку ранее А.В. Губарева указывает на необходимость юридической концептуализации информации исходя именно из нормативного содержания действующего законодательства) [36, с. 97].

Подобным образом строятся и рассуждения В.А. Дозорцева. Так, указанный исследователь подвергает сомнению сам факт существования субъективных гражданских прав в отношении информации. Выдвигая такой тезис, В.А. Дозорцев отмечает, что обладание информацией представляет собой «не право, а фактическое состояние» [37, с. 7], в связи с чем доступ к информации в какой-либо форме (в т.ч. и в форме пользовательского аккаунта в социальной сети) носит «не правовой, а фактический характер» [37, с. 7]. В результате В.А. Дозорцев делает весьма категоричный вывод о том, что лицо, в распоряжении которого находится информация, располагает «именно информацией, а не правами, которых нет» [37, с. 7].

Следует отметить, что такая концепция информации, основанная на фактическом отождествлении ее правового режима с правовым режимом вещи (либо с правовым режимом ее материального носителя), в целом является характерной для актуального российского законодательства. Достаточно отметить, что ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

¹¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации: часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 18 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ч. I, ст. 5496.

Федерации» (в ред. от 3 августа 2018 г.)¹² говорит именно о передаче инсайдерской информации в терминах вещного права. Однако такой подход в силу изложенного выше представляется нам неверным.

С нашей точки зрения, в силу нематериальности информации *per se* ее нельзя однозначно считать вещью (имуществом). Потому неправомерным видится и распространение вещно-правового режима на электронные формы выражения информации, цифровые объекты. Однако следует отметить, что информация в ее символьном, сигнальном выражении, следствием которого становится визуальное оформление цифрового объекта (т.е. информация в электронной, цифровой форме), всегда создается самим человеком, являясь в этом смысле результатом его интеллектуального труда. Тем самым, с нашей точки зрения, информацию как совокупность цифровых кодов, конституирующих чувственно воспринимаемые характеристики цифрового объекта, правомерно рассматривать в качестве результата интеллектуальной деятельности. В формально-юридическом аспекте основания такого утверждения базируются на общем понятии информации, содержание которого сформулировано в п. 1 ч. 1 Закона об информационных технологиях (сведения, сообщения, данные независимо от формы их представления). В таком контексте информацией является любой из результатов интеллектуальной деятельности, указанных в п. 1 ст. 1225 ГК [38, с. 12]. Такой подход вытекает из самой сущности результата интеллектуальной деятельности как «индивидуально-определенной... информации, созданной в результате интеллектуального труда» [39, с. 106]. Создание информации творческим трудом человека, таким образом, является смыслообразующим началом результата интеллектуальной деятельности как объекта гражданского правоотношения и гражданско-правовой охраны [40, с. 38; 41, с. 51].

При таком подходе цифровые объекты также целесообразно рассматривать в качестве результата интеллектуальной деятельности, объединяющего в себе черты, присущие базе данных и программе для электронно-вычислительных машин, применительно к исходному компьютерному коду, конституирующему цифровой объект на уровне программного алгоритма, и внешнему интерактивному образу этого объекта. Концептуализация цифровых объектов как результатов интеллектуальной деятельности служит в связи с этим основанием различения визуальной и программно-кодовой составляющей цифрового объекта. В такой логике визуальная составляющая цифрового объекта не является самостоятельным объектом гражданских прав и служит лишь внешней формой выражения его состояния (например, принадлежности «виртуального имущества» конкретному лицу). Экономическую ценность в качестве блага представляет в связи с этим именно программно-кодовая составляющая цифрового объекта (информация), поскольку именно она опосредует его онтологию *per se*. В этой связи нам представляется верным следующее замечание М.А. Рожковой: «С позиций теории гражданского права передача информации от одного лица к другому недопустима — возможен лишь переход (передача) имущественных прав на информацию» [42, с. 45]. Предлагаемая концепция информации в целом (и цифровых объектов в частности) в качестве результата интеллектуальной деятельности согласуется, с нашей точки зрения, с обоснованным выводом М.А. Рожковой о том, что свойством оборотоспособности обладают не сами цифровые объекты *per se*, а

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4193.

исключительные (имущественные) права на них¹³. В качестве примера можно привести решение суда Германии, когда там пришли к выводу о том, что объектом наследственного правопреемства выступает не сам аккаунт, а совокупность прав, связанных с его использованием (в первую очередь — право доступа к аккаунту). Полагаем, что такой подход допустимо распространить и на правовой режим остальных цифровых объектов.

Концепция цифрового объекта в качестве результата интеллектуальной деятельности снимает, с нашей точки зрения, и теоретико-прикладные затруднения, связанные с гражданско-правовой (и в целом с юридической) квалификацией тех или иных действий с цифровыми объектами. В таком контексте, к примеру, неправомерное получение криптовалюты будет рассматриваться как нарушение исключительного (имущественного) права на соответствующий программный код, принадлежащего другому лицу, а не в качестве необоснованного присвоения криптовалюты как имущества.

Правда, следует сделать оговорку: предлагаемый подход все-таки небесспорен. Основанием возможных возражений против предлагаемой позиции относительно гражданско-правовой характеристики цифровых объектов является, на наш взгляд, специфика правоотношений, складывающихся между участниками онлайн-игр (в т.ч. и по поводу внутриигрового виртуального имущества). Во-первых, любое правоотношение между такими лицами носит относительный характер (поскольку участником онлайн-игры может быть только лицо, прошедшее в установленном порядке регистрацию и присоединившееся к пользовательскому соглашению [45, с. 311]). Такая ситуация вступает в противоречие с традиционной концепцией исключительного права как абсолютного. Во-вторых, с точки зрения гражданского права сама онлайн-игра предстает в совокупности ее элементов (в т.ч. и внутриигрового имущества) как сложный объект, мультимедийный продукт, «расщепление» которого на составные объекты невозможно. Признавая возможность критики предлагаемого подхода в заданном контексте, обратимся в связи с этим к иностранной правовой доктрине.

Как отмечают Б.Т. Дюранске и Ш.Ф. Кейн, в доктрине англосаксонского права применительно к разрешению споров о принадлежности цифровых объектов разработан так называемый «тест магического круга» (Magic Circle Test) [46, с. 125]. Суть данного теста состоит в том, что «деятельность, имеющая место в виртуальном мире, подчиняется праву реального мира в том случае, если пользователь, участвующий в данной деятельности, во время ее осуществления разумно осознает или должен разумно осознавать, что она влечет последствия для реального мира» [47, р. 75]. В этом смысле правовые последствия в реальном мире влечет только такое поведение участников онлайн-игры, которое нарушает ее правила и влечет за собой реальные имущественные последствия (например, когда один игрок уничтожает виртуальное имущество, принадлежащее другому игроку и приобретенное последним за реальные деньги) [43, с. 112].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

во-первых, категория объекта гражданских прав в политико-правовом и культурно-аксиологическом контексте определяется через понятие блага; все

¹³ Подчеркнем, что такой подход утверждается и в практике цифрового гражданского оборота. Так, «согласно многим пользовательским соглашениям, виртуальные объекты представляют собой объект интеллектуальных прав, который участник виртуального мира использует на основании неисключительной лицензии» [43, с. 113]. См. также: [44, с. 11].

то, что в современном цифровом обществе признается благом, в юридическом смысле приобретает характеристики объекта гражданских прав. Сказанное опосредует возможность соответствующей концептуализации цифровых объектов;

во-вторых, цифровой объект представляет собой программный компьютерный алгоритм, имеющий экономическую ценность и внешне выраженный в электронной (цифровой) форме в качестве криптовалюты, виртуального имущества и иных подобных явлений, признаваемых в обществе экономическими благами, но в то же время не закрепленных в гражданском законодательстве в качестве объектов гражданских прав;

в-третьих, содержание цифрового объекта (то есть компьютерную кодовую информацию) недопустимо отождествлять с его внешней (цифровой) формой выражения. С этой позиции эта форма не является самостоятельным объектом гражданских прав;

в-четвертых, исходя из предлагаемых концепций правового режима цифровых объектов представляется целесообразным подчинить такие объекты правовому режиму результатов интеллектуальной деятельности (базы данных, программы для электронно-вычислительных машин). По такой логике свойством оборотоспособности обладает не сам цифровой объект, а исключительное, имущественное право на него.

Библиографический список

1. *Гир Ч.* Цифровая контркультура / пер. с англ. Д.В. Галкина // Гуманитарная информатика. 2004. Вып. 1.
2. *Яковлев Л.С.* Цифровые технологии в контексте антропологической революции // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8).
3. *Бердяев А.Н.* Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2.
4. *Рэдклифф-Браун А.Р.* Метод в социальной антропологии / пер. с англ. и заключ. ст. В. Николаева. М.: «КАНОН-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
5. *Krzywdzinski M., Gerber Ch., Evers M.* The Social Consequences of the Digital Revolution // Società e trasformazioni sociali. 2018. № 6.
6. *Nikoloski K.* Technology and Economic Development: Retrospective // Journal of Process Management – New Technologies, International. 2016. Vol. 4. № 4.
7. *Ланач В.А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002.
8. *Ахмадуллина А.Ф.* Инсайдерская информация как объект гражданских прав // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 2.
9. *Сорокин И.С.* Особенности классификации объектов гражданских прав в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (34).
10. *Новикова Н.А.* Юридическая природа прав на биологические материалы человеческого организма // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 8 (61).
11. *Шарикова М.В.* Понятие и признаки объектов гражданских прав // Проблемы права. 2015. № 4 (52).
12. *Богданов Е.В.* Информация как объект гражданских правоотношений // Гражданское право. 2018. № 5.
13. *Болтанова Е.С., Имекова М.П.* Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex Russica (Закон Русский). 2019. № 6 (151).

14. *Суслова С.И., Филатова У.Б.* Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2019. № 2.
15. *Хубиев Т.Р., Серветник А.А.* Виртуальные игры в рамках гражданского права // Отечественная юриспруденция. 2016. № 11 (13).
16. *Кравченко Д.Е., Кравченко М.Е.* Новое или неурегулированное старое // Российская юстиция в XXI веке: реалии, проблемы, перспективы. 2019. Вып. 3.
17. *Лисаченко А.В.* Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. 2014. № 2 (95).
18. *Латыев А.Н.* Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
19. *Прохоров А.Н.* Основные подходы к определению сущности понятия «интеллектуальная собственность» // Вестник ТюмГУ. Сер. Экономика. 2012. № 11.
20. *Кузьмина М.А.* Метафора как элемент методологии современного научного познания // Социологические исследования. 2006. № 2.
21. *Рикер П.* Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. Живая метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
22. *Тальягамбе С.* Зрительное восприятие как метафора (По поводу концепции Пауля Фейерабенда) // Вопросы философии. 1985, № 10.
23. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
24. *Ярышев С.Н.* Цифровые методы записи и воспроизведения видеoinформации. СПб: НИУ ИТМО, 2012.
25. *Войниканис Е.А., Якушев М.В.* Информация. Собственность. Интернет: Традиции и новеллы в современном праве. М.: Волтерс Клувер, 2004.
26. *Мefeldьева К.А.* Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
27. *Zech H.* Information as Property // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law. 2015. № 6.
28. *Аль-Бахри М.С.* Разработка моделей и методов идентификации устройств и приложений Интернета вещей на базе архитектуры цифровых объектов: дис. ... канд. техн. наук. СПб., 2019.
29. *Аль-Бахри М.С., Киричек Р.В.* Архитектура цифровых объектов как основы идентификации устройств Интернета вещей в сетях 5G/IMT-2020 // Интернет вещей и 5G (INTHITEN 2017): 3-я Международная научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. А.Е. Кучерявого. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2017.
30. *Durand A.* Digital Object Architecture and the Handle System. Los Angeles: ICANN Office of the CTO, 2019.
31. *Lyons P.A., Kahn R.E.* Blocks as Digital Entities: A Standards Perspective // Information Services & Use. 2018. Vol. 37. № 3.
32. *Коллин К.К.* Структура реальности и феномен информации // Открытое образование. 2008. № 5.
33. *Урсул А.Д.* Природа информации: философский очерк. 2-е изд. Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2010.
34. *Валеев М.М.* Вещи как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
35. *Рожкова М.А.* Права на доменное имя // Право в сфере Интернета: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018.
36. *Губарева А.В.* Рецепция российским законодательством соглашений Всемирной торговой организации. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011.

37. *Дозорцев В.А.* Система правового регулирования товарных информационных отношений // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1997. № 9.
38. *Черкасова О.В.* Защита интеллектуальной собственности: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017.
39. *Новосельцев О.В.* Интеллектуальная собственность в системе гражданского права: проблемы правопонимания // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики: сборник научных трудов. / под ред. В.Н. Лопатина. М.: Юрайт, 2008. Т. 1
40. *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М.: Статут, 2005.
41. *Соболев А.А.* Соотношение категорий результата интеллектуальной деятельности и секрета производства (ноу-хау) // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2014. № 2 (12).
42. *Рожкова М.А.* Информация как объект гражданских прав // III Сибирские правовые чтения: сборник научных статей / отв. ред. В.И. Осейчук. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2019.
43. *Архипов В.В.* Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Правоведение. 2013. № 2 (307).
44. *Долинская В.В.* Понятие и классификация юридических фактов // Гражданское право: юридические факты: учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев. М.: Проспект, 2017.
45. *Останина Е.А.* Основание присоединения к многопользовательской онлайн-игре — договор с участием потребителей // Право в сфере Интернета: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018.
46. *Дюранске Б.Т., Кейн Ш.Ф.* Виртуальные миры, реальные проблемы // Правоведение. 2013. № 2 (307).
47. *Duranske B.T.* Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago: ABA Publishing, 2008.

References

1. *Gir Ch.* Digital Counterculture / trans. from English by D.V. Galkin // Humanitarian Informatics. 2004. No. 1.
2. *Yakovlev L.S.* Digital Technologies in the Context of the Anthropological Revolution // International Journal of Cultural Studies. 2012. No. 3 (8).
3. *Berdyayev A.N.* Man and Machine // Questions of philosophy. 1989. No. 2.
4. *Radcliffe-Brown A.R.* Method in Social Anthropology / transl. from English and conclusion. art. by V. Nikolaev. М.: “CANON-Press-Ts”, “Kuchkovo Field”, 2001.
5. *Krzywdzinski M., Gerber Ch., Evers M.* The Social Consequences of the Digital Revolution // Società e trasformazioni sociali. 2018. No. 6.
6. *Nikoloski K.* Technology and Economic Development: Retrospective // Journal of Process Management - New Technologies, International. 2016. Vol. 4. No. 4.
7. *Lapach V.A.* The System of Civil Rights: Theory and Judicial Practice. St. Petersburg: Publishing House “Legal Center Press”, 2002.
8. *Akhmadullina A.F.* Insider Information as an Object of Civil Rights // Uchenye zapiski Kazan University. Series “Humanities.” 2016. T. 158. Book. 2.
9. *Sorokin I.S.* Features of the Classification of Civil Rights in the Context of Civil Law Reform // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 4 (34).
10. *Novikova N.A.* The Legal Nature of the Rights to Biological Materials of the Human Body // Society: politics, economics, law. 2018. No. 8 (61).
11. *Sharikova M.V.* The Concept and Features of Objects of Civil Rights // Problems of law. 2015. No. 4 (52).

12. *Bogdanov E.V.* Information as an Object of Civil Relations // Civil Law. 2018. No. 5.
13. *Boltanova E.S., Imekova M.P.* Genetic Information in the System of Civil Rights // Lex Russica (Russian Law). 2019. No. 6 (151).
14. *Suslova S.I., Filatova U.B.* Objects of Civil Rights in the Formation of the Information Space of Russia // Prolog: Journal of Law / Prologue: Law Journal. 2019. No. 2.
15. *Khubiev T.R., Servetnik A.A.* Virtual Games within the Framework of Civil Law // Domestic jurisprudence. 2016. No. 11 (13).
16. *Kravchenko D.E., Kravchenko M.E.* New or Unsettled Old // Russian Justice in the XXI Century: Realities, Problems, Prospects. 2019. No. 3.
17. *Lisachenko A.V.* The Law of Virtual Worlds: New Objects of Civil Rights // Russian Law Journal. 2014. No. 2 (95).
18. *Latyev A.N.* Property Rights in Civil Law: the Concept and Features of the Legal Regime: diss. ... cand. of law. Yekaterinburg: Ural State Law Academy, 2004.
19. *Prokhorov A.N.* The Main Approaches to Determining the Essence of the Concept of "Intellectual Property" // Bulletin of the Tyumen State University. Series "Economics". 2012. No. 11.
20. *Kuzmina M.A.* Metaphor as an Element of the Methodology of Modern Scientific Knowledge // Sociological studies. 2006. No. 2.
21. *Ricer P.* Metaphorical Process as Cognition, Imagination and Sensation. Living Metaphor // Theory of Metaphor. M.: Progress, 1990.
22. *Tagliagamba S.* Visual Perception as a Metaphor (Regarding the concept of Paul Feyerabend) // Questions of philosophy. 1985. No. 10.
23. *Ilyenkov E.V.* Philosophy and Culture. M.: Politizdat, 1991.
24. *Yaryshev S.N.* Digital Methods of Recording and Playing Back Video Information. St. Petersburg: NRU ITMO, 2012.
25. *Voinikanis EA, Yakushev M.V.* Information. Ownership. Internet.: Traditions and Short Stories in Modern Law. M.: Walters Clover, 2004.
26. *Methodieva K.A.* Digital Data as an Object of Civil Regulation in Germany, USA and Russia: diss. ... cand. of law. M., 2019.
27. *Zech H.* Information as Property // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law. 2015. No. 6.
28. *Al-Bahri M.S.* Development of Models and Methods for Identifying Devices and Applications of the Internet of Things Based on the Architecture of Digital Objects: diss. ... cand. of tech. sciences. SPb.: St. Petersburg State University of Telecommunications prof. M.A. Bonch-Bruevich, 2019.
29. *Al-Bahri M.S., Kirichek R.V.* The Architecture of Digital Objects as the Basis for Identifying IT devices in 5G / IMT-2020 networks // Internet of Things and 5G (INTHITEN 2017): 3rd international scientific and technical conference of students, graduate students and young scientists / edited by A.E. Cucheryavogo. SPb.: St. Petersburg State University of Telecommunications prof. M.A. Bonch-Bruevich, 2017.
30. *Durand A.* Digital Object Architecture and the Handle System. Los Angeles: ICANN Office of the CTO, 2019.
31. *Lyons P.A., Kahn R.E.* Blocks as Digital Entities: A Standards Perspective // Information Services & Use. 2018. Vol. 37. No. 3.
32. *Colin K.K.* The Structure of Reality and the Phenomenon of Information // Open Education. 2008. No. 5.
33. *Ursul A.D.* The nature of information: philosophical essay. 2nd ed. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, 2010.
34. *Valeev M.M.* Things as Objects of Civil Legal Relations: extended abstract diss. ... cand. of law. Yekaterinburg, 2003.

35. *Rozhkova M.A.* Rights to a Domain Name // Law in the Field of the Internet: Collection of articles / head of authors' collective, ed.by Doctor of law M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2018.
36. *Gubareva A.V.* Reception of Russian Agreements of the World Trade Organization: Monograph. Yekaterinburg: Publishing House Ural State Law Academy, 2011.
37. *Dozortsev V.A.* The System of Legal Regulation of Commodity Information Relations // Scientific and technical information. Ser. 1. 1997. No. 9.
38. *Cherkasova O.V.* Intellectual Property Protection: Textbook. Univ. Yekaterinburg: Publishing House Ural. University, 2017.
39. *Novoseltsev O.V.* Intellectual Property in the Civil Law System: Problems of Legal Understanding // Intellectual Property. Actual Problems of Theory and Practice: Collection of scientific papers. / Ed. by V.N. Lopatin. M.: Yurayt, 2008. T. 1
40. *Dozortsev V.A.* Intellectual Rights: Concept. System. The Tasks of Codification. Collection of articles / Research private law center. M.: Statute, 2005.
41. *Sobolev A.A.* The Correlation of the Categories of the Result of Intellectual Activity and the Secret of Production (know-how) // Bulletin of the Urals Federal District. Security in the information field. 2014. No. 2 (12).
42. *Rozhkova M.A.* Information as an Object of Civil Rights // III Siberian legal readings: a collection of scientific articles / resp. ed. V.A. Oseychuk. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2019.
43. *Arkhipov V.V.* Virtual Law: the Main Problems of a New Area of Legal Research // Jurisprudence. 2013. No. 2 (307).
44. *Dolinskaya V.V.* The Concept and Classification of Legal Facts // Civil law: legal facts: a textbook for bachelors / otv. ed. V.V. Dolinskaya, V.L. Slesarev. M.: Prospect, 2017.
45. *Ostanina E.A.* The Basis for Joining a Multiplayer Online Game is a Contract with the Participation of Consumers // Internet Law: Collection of articles / head of authors' collective, ed.by Doctor of law M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2018.
46. *Duranske B.T., Kane Sh.F.* Virtual Worlds, Real Problems // Jurisprudence. 2013. No. 2 (307).
47. *Duranske B.T.* Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago: ABA Publishing, 2008.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10102

УДК 347.91

Т.М. Цепкова, О.А. Бахарева

КЛАССИФИКАЦИЯ ДЕЛ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ КАК ОСНОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Введение: семья играет немаловажную роль в жизни каждого человека и общества в целом, поэтому исследование разновидностей дел, возникающих из семейных отношений, и их дальнейшая классификация помогают определить и учесть в последующем процессуальные особенности в ходе судебного рассмотрения. **Цель:** исследование классификации дел, возникающих из семейных отношений по различным основаниям. **Методологическая основа:** совокупность методов общенаучного и частнонаучного познания, среди которых методы формально-логического, системного анализа, синтеза и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** проанализированы особенности классификации дел, возникающих из семейных отношений по различным основаниям. **Выводы:** исследование классификации дел, возникающих из семейных отношений по различным основаниям, позволяет четче выявить их процессуальные особенности.

Ключевые слова: классификация, материально-правовой признак, процессуальный признак, дела из семейных правоотношений.

T.M. Tsepkova, O.A. Bakhareva

CLASSIFICATION OF CASES FROM FAMILY LEGAL RELATIONS AS THE BASIS FOR DETERMINING THE PROCEDURAL FEATURES OF THEIR PROCEEDINGS

Background: the family plays an important role in the life of each person and society as a whole, so the study of the types of cases arising from family relations and their classification helps to determine and then take into account the identified procedural features in the course of their consideration and resolution in court. **Objective:** to study the classifi-

© Цепкова Татьяна Митрофановна, 2020
Кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_gp@ssla.ru

© Бахарева Ольга Александровна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_gp@ssla.ru

© Tsepkova Tatyana Mitrofanovna, 2020
Candidate of legal Sciences, Professor of civil process (Saratov State Law Academy)
© Bakhareva Olga Aleksandrovna, 2020
Candidate of legal Sciences, associate Professor of civil process (Saratov state law Academy)

cation of cases arising from family relations on various grounds. Methodology: it is a set of methods of General scientific private scientific knowledge, including methods of formal logical, system analysis, synthesis and comparative legal method. Results: the features of classification of cases arising from family relations on various grounds are analyzed. Conclusions: the study of the classification of cases arising from family relations on various grounds, allows us to identify their procedural

Key-words: *the classification of the material legal basis procedural basis, the case of family relationships.*

Институт семьи затрагивает интересы не только отдельного человека, но и общества в целом. Семейные правоотношения можно подразделить на следующие разновидности: отношения, возникшие в связи со вступлением в брак, прекращением брака и признанием его недействительным; личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи — супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными); отношения, возникающие в связи с устройством в семью детей, оставшихся без попечения родителей (в результате смерти родителей, лишения их родительских прав, ограничения их в родительских правах, признания родителей недееспособными, болезни родителей, длительного отсутствия родителей, уклонения родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов), а также в других случаях отсутствия родительского попечения. В процессе жизнедеятельности между участниками перечисленных правоотношений могут возникать различные конфликтные ситуации, разрешить которые возможно только через суд.

Дела, которые возникают из семейных правоотношений, можно разграничить по различным основаниям, проведя их классификацию.

Так, по материально-правовому признаку дела можно подразделить на дела, возникающие в связи расторжением брака (ст. 22, 23 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2020 г.)¹), признанием его недействительным (ст. 27 СК РФ); о разделе имущества супругов (ст. 38 СК РФ), о взыскании алиментов (ст. 80, 81 СК РФ); дела, связанные с воспитанием детей: о месте жительства ребенка, если родители проживают раздельно (ч. 3 ст. 65 СК РФ), об устранении препятствий в общении с ребенком его близких родственников (ч. 3 ст. 67 СК РФ), о возврате ребенка, удерживаемого не на основании закона или решения суда (ч. 1 ст. 68 СК РФ), о лишении родительских прав (ч. 1 ст. 70 СК РФ), ограничении в родительских правах (ч. 1 ст. 73 СК РФ), о восстановлении в родительских правах (ч. 2 ст. 72 СК РФ), об отмене ограничения родительских прав (ст. 76 СК РФ), об установлении отцовства (ст. 49 СК РФ), об оспаривании отцовства (ст. 52 СК РФ), об усыновлении ребенка и отмене усыновления (ст. 125, 140 СК РФ), о перемене фамилии детей (ст. 134 СК РФ). В основу такой классификации положены одновременно спорный интерес и субъектный состав. Практическое значение такой классификации заключается в том, что она используется для обобщения судебной практики и формирования судебной статистики, а также способствует выявлению процессуальных особенностей при рассмотрении дел возникающих из семейных правоотношений.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2020. № 6, ст. 589.

Выделяя в основе классификации объект защиты нарушенного или оспоренного права, можно выделить дела, возникающие из имущественных и неимущественных отношений. К делам, имеющим имущественный характер, относятся: дела о разделе совместно нажитого имущества супругами, о взыскании алиментов и пр. Дела, имеющие в своей основе защиту прав и интересов, благ, которые не подлежат оценке и являются неимущественными. Это такие дела, которые связаны с воспитанием детей, расторжением брака, признанием его недействительным.

Градация дел, связанная с характером санкций семейно-правовой нормы представляет собой требования, которые направлены на реализацию права, связанного с взысканием алиментов, которые связаны с применением мер семейно-правовой ответственности, например, признание брака недействительным, либо мер защиты — ограничение родительских прав.

Проведение классификации по процессуальному признаку имеет не менее важное практическое значение.

Если основанием классификации является вид судопроизводства, то следует отметить, что дела рассматриваются в исковом производстве, в рамках которого осуществляется защита нарушенного права субъективного характера (п. 1 ч. 1 ст. 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 24 апреля 2020 г.)²). В приказном производстве возможно взыскание алиментов на ребенка, при условии, что это не связано с установлением отцовства, оспариванием отцовства, привлечением иных заинтересованных лиц (абз. 5 ст. 122 ГПК РФ)³. В особом производстве рассматриваются требования об установлении юридических фактов (родственных отношений, факта нахождения на иждивении, факта регистрации рождения, усыновления (удочерения), брака, расторжения брака, смерти, факта признания отцовства⁴), об усыновлении ребенка (п. 1, 2 ч. 1 ст. 262, п. 1, 2, 3, 4 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ)⁵.

В качестве основания классификации дел искового производства можно привести разграничение дел в зависимости от вида исков или, иначе, от способа требуемой у суда защиты истцом. Так, к искам о присуждении относятся требования о взыскании алиментов, об отобрании ребенка от лица, незаконно его удерживающего. Исками о признании являются требования связанные с подтверждением или отсутствием определенных прав и обязанностей: требования об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, об устранении препятствий в общении с ребенком его близких родственников (одного из родителей, бабушки, дедушки, сестре, братьев). К преобразовательным искам можно отнести требования о лишении родительских прав или их восстановлении, об ограничении родительских прав или отмене ограничения, установлении отцовства или его оспаривании, отмене усыновления.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; Российская газета. 2020. № 92.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 № 16 (в ред. от 26 декабря 2017 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (в ред. от 17 декабря 2013 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6; 2014. № 2.

Исходя из субъектного состава дел, из семейных правоотношений можно выделить требования, рассмотрение которых проходит с участием прокурора (ст. 45 ГПК РФ) и органов опеки и попечительства (ст. 46, 47 ГПК РФ). Так, в делах о лишении, ограничении родительских прав, признании брака недействительным, установлении отцовства, отмене усыновления прокурор и органы опеки и попечительства принимают участие как в форме обращения в суд в «чужих» интересах, так и в форме дачи заключения по делу. В делах же о восстановлении в родительских правах, усыновлении ребенка — только в форме дачи заключения по делу⁶.

Заслуживающей внимания является классификация, в основе которой лежит наличие государственного интереса. В последнее время, к сожалению, многие авторы перестали обращать на нее внимание. Вместе с тем существуют дела, в которых присутствует государственный интерес (лишение родительских прав, ограничение родительских прав, отмена усыновления), и дела, в которых государственный и личный интерес совпадают (усыновление ребенка, возврат родителям ребенка, удерживаемого не на основании закона или решения суда, установление отцовства и др.), а также дела, затрагивающие личные интересы субъектов (расторжение брака, признание брака недействительным и др.). Дела, вытекающие из семейных правоотношений, традиционно относятся к частному праву, между тем во многих из них присутствует и государственный интерес. Подтверждением тому является то, что четкой грани между интересом «частным» и «публичным» нет. Для государства семья представляет собой важнейший компонент, без которого немислимо существование общества. Одной из важных задач государства является укрепление семьи и создание условий надлежащего воспитания детей [1, с. 435], что находит свое закрепление в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ⁷.

Анализируя категории дел, составляющих рассматриваемую классификацию, необходимо обратить внимание на те из них, в которых присутствует государственный интерес. Все они, так или иначе, затрагивают права и интересы ребенка, процессуальное положение которого является дискуссионным. Поскольку нарушаются права и интересы ребенка, то он выступает субъектом правоотношений, а следовательно должен занимать процессуальное положение истца.

В Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка» находит отражение политика государства относительно судебной защиты прав и интересов ребенка, сформулированы ее цели, направленные на недопущение их дискриминации, указаны гарантии прав ребенка, содействующие физическому, интеллектуальному, психическому, нравственному развитию⁸. Такие же цели обозначены и перед судебными инстанциями.

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (в ред. от 26 декабря 2017 г.) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7; 2018. № 4.

⁷ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

⁸ См.: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июня 2020 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3802; 2019. № 42, ч. II, ст. 5801.

Правам несовершеннолетнего противостоят обязанности его родителей. В случае невыполнения обязанностей родителей возникают неблагоприятные последствия. Таким образом, проявляется наличие государственного интереса относительно исследуемых гражданских дел. Именно поэтому, исходя из положений семейного и гражданского процессуального законодательства, функция защиты прав ребенка путем обращения возложена государством на прокурора и государственные органы, органы местного самоуправления по делам о лишении родительских прав, об ограничении родительских прав, об отмене усыновления.

Совпадение личного и государственного интересов можно встретить, например, в делах по поводу спора о месте жительства ребенка, в делах, касающихся усыновления ребенка. В перечисленных категориях дел реализуются положения ст. 38 Конституции РФ о всемерной защите детства со стороны государства. В ходе судебного разбирательства обязательно участие органов опеки и попечительства, которые предоставляют в суд заключение о соответствии усыновления интересам ребенка. М.В. Антокольская верно замечает, что в настоящее время усыновление необходимо рассматривать не с биологической точки зрения, а с социальной, т.е. заявителей, которые стали усыновителями, нужно воспринимать как лиц, имеющих статус социального отца или матери. Поэтому государство должно учитывать их интересы, исходя из данной позиции [2, с. 310].

К делам в которых главенствует личный интерес обратившихся в суд за защитой, следует отнести дела о расторжении брака. Приоритет частного интереса прослеживается в том, что суд в настоящее время не выясняет мотивы расторжения брака и не вторгается в личную жизнь граждан, состоящих в браке, если супруги выражают общее согласие на расторжение брака. Для суда причины (нравственные и иные), лежащие в основе невозможности совместной семейной жизни, неважны и само расторжение брака для судебных органов не относится к мерам ответственности, а значит ответчик по таким делам не может быть подвергнут государственному или общественному принуждению.

Таким образом, представленная классификация дел, возникающих из семейных правоотношений, помогает выявить имеющиеся процессуальные особенности для каждой исследуемой категории дел.

Библиографический список

1. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) / под ред. И.К. Пискарева. М.: Издательский дом «Городец», 2005. 512 с.
2. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М.: Юристъ. 2002. 336 с.

References

1. Features of consideration and resolution of certain categories of civil cases (claim proceedings) / ed. I.K. Piskarev. M.: Publishing house „Gorodets”, 2005. 512 p.
2. *Antokolskaya M.V.* Family law: textbook. 2002. 336 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10103

УДК 347.9

Т.А. Комарова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СПОСОБ НЕДОПУЩЕНИЯ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ИЛИ ПРЕПЯТСТВИЕ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Введение: идентификация ответчика в исковом производстве и должника в приказном производстве – новое требование ГПК РФ, установленное для истца и взыскателя. Для анализа данного законодательного положения необходимо понять: какова цель его введения; условия применения; правовые последствия несоблюдения. **Цель:** изучить и проанализировать новые нормы ГПК РФ, предусматривающие такой порядок подачи искового заявления, заявления о вынесении судебного приказа, при котором необходимым условием является идентификация ответчика (должника). **Методологическая основа:** общие методы научного познания (в т.ч. диалектический и системный анализ, метод перехода от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному и др.). **Результаты:** автором предпринята попытка проанализировать предпосылки принятия обозначенных норм, их целесообразность, а также предложена конкретная правовая конструкция, с помощью которой возможно облегчить практическое применение положений об идентификации и привести их в соответствие с основополагающими принципами права. **Выводы:** каждый планируемый к принятию нормативный акт необходимо подвергать всестороннему, полному, комплексному изучению и анализу на предмет его соответствия основополагающим принципам права, а механизм правового регулирования, обусловленный принятием нового законодательного положения должен быть справедливым в отношении всех субъектов, на которых распространяется его действие.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, идентификация должника, идентификация ответчика, судебный приказ, иск, исковое производство, приказное производство.

Т.А. Komarova

IDENTIFICATION IN CIVIL PROCEEDINGS: A WAY TO PREVENT RIGHTS' VIOLATION OR AN OBSTACLE TO THE EXERCISE OF JUDICIAL PROTECTION

Background: identification of the defendant in claim proceedings and the debtor in writ proceedings – a new requirement of the civil code of the Russian Federation, established for the plaintiff and the claimant. To analyze this legal provision, it is necessary to understand: what is the purpose of its introduction, the conditions of application, as well as the legal consequences of non-compliance. **Objective:** to study and analyze the new rules of the civil procedure code of the Russian Federation, which provide for such a procedure for filing a claim, an application for a court order, in which the necessary condition is the identification

© Комарова Татьяна Алексеевна, 2020

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: komarowata1990@yandex.ru

© Komarova Tatyana Alekseevna, 2020

Candidate of law, senior lecturer, Civil procedure department (Saratov State Law Academy)

*of the defendant (debtor). **Methodology:** general methods of scientific knowledge (including dialectical and system analysis, transition from abstract to concrete and from concrete to abstract, etc.). **Results:** the author attempts to analyze the prerequisites for the adoption of the designated norms, their expediency, and also offers a specific legal structure that can facilitate the practical application of the provisions on identification and bring them in line with the fundamental principles of law. **Conclusions:** each planned normative act should be subjected to a comprehensive, complete, comprehensive study and analysis for its compliance with the fundamental principles of law, and the mechanism of legal regulation due to the adoption of a new legislative provision should be fair to all subjects covered by it.*

Key-words: *civil proceedings, identification of the debtor, identification of the defendant, court order, claim, claim proceedings, writ proceedings.*

Современная реформа и модификация системы судебной власти в Российской Федерации заставляет вновь вспомнить те стандарты и принципы, которым она должна соответствовать. Представляется правильным, что, продолжая реформировать систему правосудия, законодатель в первую очередь должен стремиться к установлению верховенства права и достижению модели правового государства в Российской Федерации.

Осуществить это возможно только при условии, что вновь принимаемые нормативные акты, регламентирующие судопроизводство (в работе рассматривается гражданское судопроизводство), будут соответствовать требованиям разумности и справедливости. В данном аспекте хотелось бы обратить внимание на вступившие в силу в марте 2020 г. положения ГПК РФ, согласно которым изменены, а точнее существенно дополнены требования к содержанию искового заявления, заявления о вынесении судебного приказа. Попытаемся проанализировать необходимость таких изменений, а главное, порядок их применения на практике при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Нарушение права, порождая потребность в защите, чаще всего влечет за собой судебный процесс. В большинстве случаев средством защиты нарушенных или оспоренных прав в гражданском судопроизводстве является иск. Удачно на наш взгляд, высказывание, что исковое производство представляет собой квинтэссенцию судебных принципов и процедур, совершенным средством защиты права, пришедшим на смену самообороне, самозащите, самоуправству [1, с. 4–5]. Вместе с тем исковая форма защиты наиболее универсальная, но не единственная. Так, большое количество дел в судах общей юрисдикции (особенно мировыми судьями) рассматриваются в приказном производстве.

К ускоренной, сокращенной и упрощенной форме отправления правосудия по гражданским делам относится судебный приказ. У приказного производства имеются свои сущностные характеристики, раскрывающиеся через его характерные признаки. Приказное производство в Российской Федерации было введено для «защиты истцов, заявляющих свои требования в бесспорном порядке, а его появление предопределили изменения в экономической сфере, развитие рыночных отношений и активизация делового оборота участников гражданско-правовых отношений» [2, с. 196]. Являясь способом удовлетворения требований взыскателя, имеющих бесспорный характер, гражданское производство повышает оперативность судебной защиты, разгружает суды, т.к. в приказном производстве разрешаются дела, не требующие развернутой процедуры рассмотрения. По мнению Ю.В. Ефимовой, в порядке приказного производства происходит

лишь исполнение требований взыскателя, а не осуществляется правосудие [3, с. 10]. На наш взгляд, приказное производство является видом гражданского судопроизводства, обладает процессуальной формой, а не представляет собой некую «допроцессуальную, альтернативную процедуру», как считают некоторые ученые [4, с. 296].

Форма и содержание искового заявления установлены ст. 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), аналогичные требования в отношении заявления о вынесении судебного приказа определены в ст. 124 ГПК РФ. Так, основной источник, регламентирующий гражданское судопроизводство, определяет, что истцу необходимо указать наименование суда, наименование и сведения об истце, раскрыть, каким именно образом нарушены его права либо какова угроза их нарушения, определить цену иска, если он подлежит оценке. Также исковое заявление должно содержать обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства, сведения о соблюдении досудебного порядка, сведения о попытках примирения. Заявитель в приказном производстве аналогичным образом предоставляет суду информацию о себе, своих требованиях и обстоятельствах, на которых они основаны, прилагает необходимые документы. Несомненно, и в иске и в заявлении о вынесении судебного приказа должны быть обозначены сведения об ответчике (должнике). Так, до вступления в силу всех положений Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ¹ в заявление о вынесении судебного приказа достаточно было сообщить суду имя должника, его место жительства или место нахождения, место рождения и место работы гражданина-должника (если они известны). Истец же при подаче заявления и вовсе не должен был предоставлять суду сведения о трудоустройстве и месте рождения ответчика, даже если и обладал ими. Однако новые нормы процессуального законодательства, обусловленные обозначенным выше ФЗ № 451-ФЗ, обязали истца (в исковом производстве), заявителя (в приказном производстве) указывать в исковом заявлении (заявлении о вынесении судебного приказа) следующие сведения об ответчике (должнике): фамилия, имя, отчество (при наличии), место жительства, дату и место рождения, место работы (если они известны) и один из идентификаторов. Под идентификатором подразумеваются, например, такие данные, как страховой номер индивидуального лицевого счета, идентификационный номер налогоплательщика, серия и номер документа, удостоверяющего личность, основной государственный регистрационный номер индивидуального предпринимателя, серия и номер водительского удостоверения или свидетельства о регистрации транспортного средства. Предполагается, что установление таких требований позволит избежать ситуаций, когда так называемые бесспорные долги взыскиваются с других лиц — допустим, при совпадении ФИО. Например, с гражданки Т.Е. Смирновой судебным приставом-исполнителем была ошибочно взыскана денежная сумма, а также установлен запрет на совершение регистрационных действий в отношении ее квартиры, во исполнение постановления судебного пристава-исполнителя Свердловского отдела судебных приставов г. Иркутска списаны денежные средства, а затем наложен арест на счета гражданина С.В. Петренко². И таких случаев, когда

¹ См.: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 49, ст. 7523.

² URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 09.06.2020).

исполнительное производство возбуждается в отношении полных тезокдолжников, на практике можно встретить множество, т.к. в такой большой стране, как Российская Федерация, фамилия, имя, отчество, дата и даже место рождения у граждан могут совпадать.

Федеральный закон от 17 октября 2019 г. № 343-ФЗ³ на 180 дней отложил вступление в силу норм, устанавливающих обязательность указания одного из идентификаторов ответчика (должника). Разработчики названного закона предполагали, что за полгода должен быть создан правовой механизм истребования персональных данных, необходимых для предоставления в суд при подаче заявления. Однако по истечении 180 дней, т.е. после 20 марта 2020 г., ситуация не изменилась. Попрежнему не разработан порядок практического применения пп. 3 ч. 2 ст. 124, пп. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ. Попробуем на примере проиллюстрировать, какие сложности это может вызвать.

Если спор вытекает из договорных отношений, то сведения об ответчике (должнике) известны истцу (заявителю), так как один из идентификаторов чаще всего отражен в том или ином договоре. Однако это не касается публичного договора. Публичный договор — это договор, «заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится»⁴.

По мнению Г.А. Калашниковой, публичные договоры составляют львиную долю в общей массе заключаемых в обществе сделок [5, с. 5]. И с этой позицией, действительно, сложно не согласиться. Так, публичным, например, является договор розничной купли-продажи, перевозки пассажиров общественным транспортом, обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и др. Также к числу публичных относится большинство договоров коммунальной сферы обслуживания. Например, договор на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами⁵, договор теплоснабжения⁶ (для единой теплоснабжающей организации). Их условия публикуются в средствах массовой информации, и договоры считаются заключенными с момента, когда вторая сторона на них откликнется. Поскольку субъекты жилищно-коммунальной отрасли обычно не имеют доступа к таким идентификаторам, у них возникнет сложность с подачей заявлений о вынесении судебных приказов в отношении должников потребителей коммунальных услуг, неплательщиков взносов за капитальный ремонт, за вывоз и утилизацию твердых коммунальных отходов. Ввиду того, что лица, получившие доступ к персональным данным, не имеют права раскрывать их третьим лицам без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом⁷; законных спосо-

³ См.: Федеральный закон от 17 октября 2019 г. № 343-ФЗ «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 42, ст. 5808.

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

⁵ См.: Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 26, ст. 3009.

⁶ См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4159.

⁷ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ст. 3451.

бов получения сведений о паспортных данных или другом идентификаторе у заявителей нет. Эти данные невозможно запросить в миграционной службе, налоговом органе, пенсионном фонде или в любом другом государственном органе, органе местного самоуправления. Таким образом, взыскателю никак не удастся получить обозначенные в пп. 3 ч. 2 ст. 124 сведения, идентифицирующие личность должника.

На наш взгляд, в данном случае просматривается нарушение принципа справедливости, так как во избежание ущемления прав одних лиц, а именно недопущения ошибочного взыскания по судебному приказу, одновременно являющемуся исполнительным документом, законодатель возлагает на заявителя такую процессуальную обязанность, которую исполнить законным способом не представляется возможным.

Разработчики проекта Федерального закона № 735817-7⁸ предложили ввести в ряд нормативных актов правовых конструкции, позволяющие взыскателям коммунальных платежей получать необходимые данные, идентифицирующие личность того или иного гражданина. Так, например, планируется установить обязанность предоставлять для органов, осуществляющих государственную регистрацию недвижимости, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, которым в соответствии с жилищным законодательством РФ вносится плата за жилое помещение и коммунальные услуги, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости сведения о персональных данных физических лиц. Логично возникает вопрос, почему такое приоритетное право предоставляется только поставщикам коммунальных услуг и аналогичным организациям, не является ли это нарушением права на равный доступ к правосудию? На наш взгляд, обозначенная выше проблема о невозможности предоставления сведений, указанных в пп. 3 ч. 2 ст. 124 ГПК РФ, таким образом решена быть не может. Федеральный закон «О персональных данных» не предусматривает «половинчатых» способов защиты и дает единые гарантии.

Отдельно стоит остановиться на исковом производстве. Как было отмечено выше, ст. 131 ГПК РФ также изложена в новой редакции, и идентифицировать необходимо не только должника, но и ответчика. Если им является юридическое лицо, то сделать это намного проще, т.к. сведения о регистрационных данных юридических лиц можно найти в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Однако возможны и такие случаи, когда, наоборот, истцом выступает юридическое лицо, а ответчиком — физическое. Например, парикмахерская, магазин, иное офисное помещение и т.д., находящиеся в нежилом помещении на первом этаже жилого дома, пострадали от затопления, произошедшего по вине жильцов квартир, расположенных на верхних этажах. В ГПК РФ для истца-гражданина предусмотрено исключение, и один из идентификаторов гражданина-ответчика указывается, если он известен истцу. Для истца — юридического лица такой оговорки в законе нет. Полагаем, что это не совсем разумно. Неизвестно, как в приведенном нами примере юридическое лицо, имущество которого пострадало, сможет получить данные (один из идентификаторов) виновника произошедшего и реализовать свое право на судебную защиту.

⁸ См.: Проект Федерального закона № 735817-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесен в Государственную Думу РФ текст по состоянию на 20 июня 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Резюмируя обозначенное выше, хотелось бы отметить, что за 180-дневный срок, отведенный Федеральным законом от 17 октября 2019 г. № 343-ФЗ на выработку правового механизма практического применения положений пп. 3 ч. 2 ст. 124 ГПК РФ, пп. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, каких-либо разъяснений Верховным Судом РФ так и не дано. Вместе с тем суды уже оставляют без движения иски, а также возвращают заявления о вынесении судебных приказов, то есть потребность в судебной защите нарушенных субъективных прав и интересов возникает, а непосредственно сама защита не происходит. На наш взгляд, данный законодательный пробел, несомненно, нуждается в правовом регулировании. Считаем необходимым внести изменения в гражданское процессуальное законодательство, а именно в ст. 124, 131 ГПК РФ. Так, ст. 124 ГПК РФ следует дополнить ч. 4 следующего содержания:

«4. В заявлении о вынесении судебного приказа взыскателем может быть заявлено ходатайство об истребовании судом сведений, предусмотренных в п. 3 ч. 2 настоящей статьи, которые взыскатель не может получить. При этом указанное ходатайство подлежит удовлетворению в случае предоставления подтверждения невозможности получения одного из идентификаторов гражданина-должника самостоятельно».

Вместе с этим в п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ целесообразно включить такое предложение:

«В исковом заявлении организации может быть заявлено ходатайство об истребовании судом сведений, идентифицирующих ответчика, которые истец не может получить. Ходатайство подлежит удовлетворению в случае предоставления подтверждения невозможности получения одного из идентификаторов ответчика самостоятельно».

Библиографический список

1. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе / О.В. Исаенкова, О.В. Николаиченко, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева / под ред. О.В. Исаенковой. М.: Юрайт, 2019. 183 с.
2. Загутин Д.С., Самыгин П.С., Ковалев В.В. Зарождение и эволюция приказного производства // Юрист-правоведъ. 2019. № 1. С. 193–197.
3. Ефимова Ю.В. Специализация гражданско-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 26 с.
4. Жилин Г.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ. М., 2003. 318 с.
5. Калашникова Г.А. Публичный договор: дис. ... канд. юрид. наук. 2002. Краснодар, 207 с.

References

1. The Claim and the Claim Form of Protection in Civil Proceedings/ O.V. Isaenkova, O.V. Nikolaichenko, T.V. Solovyova, N.N. Tkacheva; edited by O.V. Isaenkova. Moscow: Yurayt publishing house, 2019. 183 p.
2. Zagutin D.S., Samygin P.S., Kovalev V.V. The Origin and Evolution of Ordered Production // Jurist-pravoved. 2019. № 1. P. 193-197.
3. Efimova Yu.V. Specialization of Civil Procedural Activity: extended abstract of dis ... cand. of law. Saratov, 2005. 26 p.
4. Zhilin G.A. Commentary to the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Moscow, 2003. 318 p.
5. Kalashnikova G.A. Public Contract. dis ... cand. of law. 2002. Krasnodar, 207 p.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10104

УДК 343.3/7

А.Г. Блинов

СФЕРА ИССЛЕДОВАНИЙ ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЪЕКТ ОХРАНЫ*

***Введение:** в исследовании генома высших организмов и внедрении его результатов в здравоохранительную практику медицинское сообщество достигло внушительных успехов. Открыта технология CRISPR/Cas9, которая не только упрощает процедуру исправления наследственных дефектов, вызывающих тяжелые заболевания, но и расширяет возможности редактирования ДНК эмбриона с учетом пожеланий супружеских пар. Динамика развития биомедицинских технологий одновременно впечатляет и настораживает цивилизацию. Научно-технический прогресс порождает появление ранее неизвестных форм делинквентного поведения. В сложившейся ситуации на государство возлагается обязанность по формированию благоприятного правового климата, способствующего развитию экспериментальной практики с генетическим материалом и реализации юридического статуса субъектов инновационной деятельности. Встречающиеся факты нарушения прав и свобод пациента при исследовании ДНК требуют подключения механизма уголовно-правового удержания чрезмерно амбициозных ученых от проведения неконтролируемых экспериментов. **Цель:** наполнить содержанием правовую теорию, развивающую регулятивное и охранительное законодательство в сфере исследования генома человека. **Методологическая основа:** в качестве приоритетного используется диалектический метод научного познания в сочетании с формально-логическим и системным методами. Отдельные положения работы базируются на результатах контент-анализа зарубежного законодательства, регламентирующего правовой статус участников биомедицинских исследований. **Результаты:** современный этап развития технологии редактирования генома человека предъявляет нормотворцам требования, побуждающие их обратить взоры на регулятивный метод корректирования поведения участников биомедицинских экспериментов. Позитивное законодательство образует правовой механизм, обеспечивающий баланс интересов инновационной науки и конкретного пациента. Однако урегулированность социальных отношений не сохраняет их от*

© Блинов Александр Георгиевич, 2020

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Blinovag2008@yandex.ru

© Blinov Aleksandr Georgievich, 2020

Doctor of law, Professor, Head of Criminal and Penal Law department (Saratov State Law Academy)

* Исследование проведено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 18-29-14036 «Угрозы безопасности человечества в сфере исследования генома живых организмов и уголовно-правовая модель их предупреждения».

общественно опасных посягательств. Удержание отличающихся честолубием ученых от проведения неконтролируемых экспериментов с генетическим материалом, результаты которых могут привести к девальвации достоинства личности и утрате генетической уникальности человечества, входит в компетенцию уголовного закона. **Выводы:** совершаемые в рамках генетических исследований (либо злоупотребления результатами научно-технического прогресса) общественно опасные деяния условно можно разделить на две группы. Первую образуют действия (бездействие), которые опосредованно связаны с редактированием наследственной программы *Homo sapiens*. Основным объектом их посягательства выступают ценности, относящиеся к конституционным правам человека или здоровью населения (дискриминация по генетическим признакам, разглашение генетической информации, незаконный оборот генетического материала). Ко второй группе относятся общественно опасные деяния, исходящие от амбициозных ученых, направленные на редактирование ДНК эмбриона в целях рождения генетически модифицированных детей. Именно они представляют угрозу генетической безопасности человечества и требуют подключения механизма уголовно-правового противодействия преступности.

Ключевые слова: редактирование ДНК, регулирование генетических исследований, генетическая безопасность, уголовно-правовое предупреждение.

A.G. Blinov

SCOPE OF HUMAN GENOME RESEARCH AS A SUBJECT OF LEGAL REGULATION AND OBJECT OF PROTECTION

Background: medical community has achieved a great success in studying a human genome and implementing the results in health care practice. Discovered CRISPR/Cas9 technology does not only simplify the procedure of correcting pathological mutations that causing genetic diseases, but also gives the possibility of embryonic gene editing according to wishes of married couples. The dynamics of biomedical technology development is both impressive and alarming for civilization. Scientific and technological progress gives rise to previously unknown forms of delinquent behavior. In this situation, a state is obliged to create a favorable legal environment that promotes the development of experimental practice with genetic material and the implementation of legal status of innovation entities. The facts of violation of patient's rights and freedoms in DNA research require the involvement of criminal law mechanism to keep extremely ambitious scientists from conducting uncontrolled experiments. **Objective:** to give content to the legal theory developing regulatory and protective legislation in the sphere of human genome research. **Methodology:** dialectical method of scientific knowledge in combination with formal logical and systematic methods is used as a priority. Some provisions of the work are based on the results of content analysis of foreign legislation regulating the legal status of participants in biomedical research. **Results:** a current stage of human genome editing development encourages policy makers to turn their attention to regulatory method of correcting behavior of participants in biomedical experiments. Positive legislation forms a legal mechanism that balances the interests of innovation science and an individual patient. However, the regularity of social relations will not protect them from socially dangerous acts. It is the responsibility of criminal law to prevent ambitious scientists from conducting uncontrolled genetic experiments, the results of which may lead to the devaluation of human dignity and the loss of genetic uniqueness of humanity. **Conclusions:** socially dangerous acts committed in genetic research or abuse of scientific and technological progress can be divided into two groups. The first group is formed by an action (inaction), which is indirectly related to editing the hereditary program of *Homo sapiens*. Their main object are values related to constitutional human rights or public health (genetic discrimination, disclosure of genetic information, illegal trafficking

of genetic material). The second group includes socially dangerous acts coming from ambitious scientists, aimed at embryonic gene editing in order of birth of gene-edited babies. They are the ones that pose a threat to genetic security of humanity and require the involvement of criminal justice mechanism.

Key-words: *DNA editing, genetic research regulation, genetic security, criminal prevention.*

Начало XXI в. ознаменовалось крупными научными открытиями в медицине, благодаря которым удалось сохранить здоровье и спасти жизнь десяткам тысяч людей. Ученые сегодня могут выращивать из стволовых клеток пациента органы и заменять ими пришедшие в негодность части организма. Неоценимую помощь хирургам в проведении сложных операций оказывают роботы, с высокой точностью поражающие опухоли, независимо от их расположения в теле больного, оставляя без повреждений здоровые ткани. Технологии искусственного интеллекта помогают врачам диагностировать сложные заболевания на ранних стадиях развития и подбирать оптимальные методы лечения. Значительная часть уникальных разработок приходится на генетику. Ее представители разработали уникальные штаммы вирусов, разрушающие клетки рака мозга и молочной железы. По прогнозам специалистов, внедрение в практику здравоохранения достижений генной инженерии должно избавить человечество от сердечно-сосудистых заболеваний, исключить вероятность заражения ВИЧ-инфекцией, оправдать надежды людей покончить с врожденной слепотой и иными недугами. Быстро развивающиеся технологии изменения кода ДНК человека выходят за пределы научно-исследовательских лабораторий и становятся частью клинической практики. Уже сегодня специализированные учреждения предлагают родителям участвовать в «программировании» детей. Они готовы закладывать параметры здоровья будущего ребенка, что бы повысить его интеллектуальные и творческие способности, внешние показатели, уровень физической выносливости и т.д. Наступила эра генного редактирования в терапевтических целях.

Удовлетворяя социальный запрос на повышение качества жизни отдельной личности, экспериментальная генетика одновременно порождает проблему легитимности вмешательства в естественные природные процессы. Представители разных профессий и отраслей знаний высказывают полярные суждения относительно последствий вмешательства в наследственный аппарат *Homo sapiens*. Так, философы усматривают в развитии генетических технологий опасность исчезновения человека в его современном виде. По их мнению, человеческий вид сегодня стоит на пороге биологического, генетического, молекулярного и кибернетического произвола. Люди в традиционном понимании «с их душевными склонностями, слабостями, рефлексией, свободой выбора и моральными ценностями оказываются вытесненными биороботами, с отлаженным генетическим кодом и искусственно измененными эмоциями, лишенными рефлексии и свободы выбора» [1, с. 34–35].

Консервативной точки зрения по данному вопросу придерживаются сторонники широко представленных в нашей стране религиозных конфессий. Их официальная идеология отражена в Основах социальной концепции Русской

Православной Церкви¹, Заявлении Церковно-общественного совета по биомедицинской этике Русской Православной Церкви «О редактировании генома человека» [2, с. 123–124], Резолюции о генетике, геномной инженерии и геноме человека, принятой в Международной академии исламского фикха².

Христианство и ислам хотя и не отрицают достижений ученых в исследовании клеток высших организмов, но усматривают в них девальвацию человеческого достоинства и с настороженностью относятся к попыткам редактирования генома эмбриона. Так, Русская Православная Церковь «приветствует усилия медиков, направленные на врачевание наследственных болезней. Однако целью генетического вмешательства не должно быть искусственное «усовершенствование» человеческого рода и вторжение в Божий план о человеке»³.

Более категоричны в своих оценках теологи. По мнению протоиерея И.В. Аксенова, «достижения научно-технического прогресса в области геномной инженерии, обещающие человеку небывалые возможности преобразования окружающего мира и свободу от собственных биологических ограничений, на самом деле низводят человека до статуса объекта, который может быть спроектирован и сформирован по желанию третьих лиц» [3, с. 121].

Поднятая автором проблема носит социально значимый характер. Она затрагивает интересы многих семей. Каждый родитель желает передать малышу свойства организма, позволяющие максимально развить интеллектуальные и физические способности, эффективно противостоять тяжелым заболеваниям, существенно увеличить продолжительность счастливой жизни и т.п. Принимая во внимание изложенные обстоятельства, отдельные супружеские пары корректировку генетических параметров будущего ребенка считают вполне приемлемым методом, а у других она вызывает массу вопросов, преимущественно затрагивающих права и законные интересы новорожденного⁴. Совокупность приведенных доводов не позволяет однозначно ответить на вопрос: является ли технология коррекции ДНК эмбриона добром или злом?

Ученые-генетики связывают будущее медицины с развитием биотехнологий. Они единодушны в том, что создали инструментарий для исправления генетических отклонений у людей в любом возрасте. Врачи, по их мнению, «становятся корректором генетической инструкции по построению и функционированию организма человека» [4, с. 4].

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская православная церковь. Отдел внешних церковных связей. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/> (дата обращения: 23.04.2020).

² См.: Резолюция о генетике, геномной инженерии и геноме человека (Международная академия исламского фикха, 22 ноября 2013 г.) (на араб. яз.). URL: <https://www.iifa-aif.org/2416.html> (дата обращения: 23.04.2020).

³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская православная церковь. Отдел внешних церковных связей. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴ В рамках исследования по теме «Угрозы безопасности человечества в сфере исследования генома живых организмов и уголовно-правовая модель их предупреждения» научно-исследовательская группа провела социологический опрос. На поставленный перед респондентами вопрос «Допускаете ли Вы возможность вмешательства в геном эмбриона в целях коррекции интеллектуальных и физических свойств организма ребенка, отвечающих желаниям родителей?» 18,2% респондентов ответили положительно. 55,4% опрошенных не согласны участвовать в подобных экспериментах, 25,3% — затруднились дать какой-либо ответ. Иной вариант выбрали 1,1% граждан. Возможность создания «дизайнерских детей» мужчины допускают чаще (27%), чем женщины (10%). В социологическом исследовании участвовали 368 человек.

Идея избавления людей от серьезных наследственных заболеваний путем замены дефективных участков ДНК здоровыми звучит заманчиво и выглядит перспективной. Однако желание генетиков освободить человечество от недугов, физиологических и интеллектуальных ограничений может сопровождаться риском возникновения побочных эффектов. На нынешнем этапе развития научных знаний еще невозможно предвидеть все негативные последствия использования технологии редактирования гена для последующих поколений. Авторитетные эксперты связывают новации в биомедицине с опасностью появления лиц с генетическими мутациями. Принимая во внимание сказанное, они призывают амбициозных коллег к осторожности [5, с. 165–168].

Приведенные взгляды ученых, заинтересованных в физическом и духовном развитии человека, свидетельствуют о том, что консенсус о допустимости вмешательства в геном себе подобных не достигнут не только среди представителей гуманитарных наук, но и среди специалистов-естествоиспытателей. Обнаруженный конфликт интересов служит социальным основанием для вмешательства государства в научно-исследовательскую практику. Именно перед государством стоят задачи по мобилизации усилий научного сообщества, созданию условий для проведения экспериментов на высоком технологическом уровне, определению границ допустимого вмешательства в наследственную программу *Homo sapiens*, закреплению гарантий реализации правового статуса лиц, участвующих в биомедицинских исследованиях, организации тотального контроля над внедрением в здравоохранительную практику прорывных результатов генной инженерии. Для воплощения в жизнь перечисленных задач предполагается создание прочной юридической базы. По нашим подсчетам на ее выстраивание потребуется от 3 до 5 лет. За это время законодательной ветви власти следует принять ряд нормативных актов, сориентированных на оптимизацию регулятивного и охранительного законодательства.

На начальном этапе усилия отечественных нормотворцев необходимо направить на разработку пакета юридически значимых документов, упорядочивающих новаторскую деятельность ученых-генетиков. Сегодня правовая система нашего государства располагает минимальным количеством нормативных актов, регулирующих отношения по поводу осуществления генной инженерии и использования ее результатов в жизнедеятельности людей⁵. Скромная юридическая площадка не способствует ускоренному развитию технологий направленного изменения генома. Правовой вакуум ограничивает исследователей в реализации задуманных инновационных проектов, стесняет их в выборе методов творческой работы, лишает возможности ее планирования в определенных координатах, затрудняет конкурентоспособность на глобальных рынках. В таких условиях участники биомедицинских экспериментов испытывают дефицит в юридических нормах, формирующих их правовой статус, а достигнутые учеными научные результаты в силу своего нелегального происхождения не получают адекватной оценки со стороны профессионального сообщества.

⁵ См.: Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86 ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 28, ст. 3348; Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ (с изм. и доп. от 29 марта 2010 г. № 30 ФЗ) «О временном запрете на клонирование человека» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 21, ст. 1917; 2010. № 14. С. 1550; Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 49, ст. 5740.

С учетом изложенного в повестку федерального законодателя предлагаем включить вопрос о разработке и принятию нормативных актов, упорядочивающих социальные связи, которые сегодня признаются наиболее чувствительными. Речь идет об этических принципах биомедицинских исследований, о допустимых пределах вмешательства в генетическую природу человека, о получении и использовании биологического материала, о защите генетической информации. Алгоритм выстраивания новой ветви медицинского законодательства предполагает уточнение его предмета, метода действия, принципов реализации. Исходя из содержания деятельности ученых-генетиков предметом регулирования предлагаемых нормативных документов должны выступить отношения, обусловленные редактированием генома человека в профилактических, диагностических, терапевтических и репродуктивных целях. Придание упомянутым социальным связям юридической формы позволяет соблюсти баланс интересов науки, государства и отдельной личности. Социально-правовое назначение законодательных актов, вносящих упорядоченность в биомедицинские эксперименты, заключается в защите достоинства человека, составные компоненты которого могут быть затронуты исследовательскими проектами. При этом важно провести грань между доклиническими и клиническими испытаниями. Доклинические лабораторные исследования не предполагают воздействие на организм пациента. Они проводятся на биологических материалах и эмбрионах человека. Между тем их положение в правовом пространстве Российской Федерации не определено, поэтому опыты над ними зачастую критически оцениваются на страницах средств массовой информации. В большей степени оппоненты ученых-генетиков руководствуются эмоциональными, нежели рациональными основаниями. Они, как правило, исходят из чувства жалости к объектам научных исследований, приписывая им свойства и качества живых существ. Сугубо субъективный фактор отодвигает на второй план безопасность доклинических лабораторных экспериментов для человечества. Именно ей стоит придавать ключевое значение государству, решающему вопрос о легитимности проводимых учеными опытов.

Кардинально по-иному обстоит дело с клиническими исследованиями. Они проводятся в целях выявления факторов риска или причин какого-либо заболевания и предполагают непосредственное вмешательство в природу человека. Особую остроту ситуации придает то обстоятельство, что генетическое вмешательство в наследственную программу отражается не только на здоровье конкретного пациента, но и его потомков. В связи с этим законодатель должен максимально внимательно отнестись к упорядочиванию инновационной деятельности ученых правовыми средствами, а при обнаружении общественно опасных форм поведения своевременно прибегнуть к методу криминализации.

В механизме правового регулирования геномных исследований и применения их результатов на практике предположительно будет доминировать диспозитивный метод. Наделяя участников биомедицинских экспериментов совокупностью прав и обязанностей, он объективно формирует пространство для свободного развития медицинской науки в интересах человека. Данный тезис согласуется с позицией известного отечественного правоведа С.С. Алексеева, согласно которой надлежащее юридическое упорядочение и закрепление «общественных отношений нередко открывает простор для деятельности определенных групп людей, что обеспечивает развитие данных общественных отношений» [6, с. 11]. Исходя из сказанного, в новаторском творчестве ученые не должны ощущать излишней

скованности. Одновременно под запрет рекомендуем поставить отклоняющиеся от объективных норм поведения, угрожающие достоинству личности и генетической безопасности человечества.

По опыту зарубежных стран инновационную деятельность ученых-генетиков надлежит выстраивать на системе взаимосвязанных принципов. Они гарантируют свободу научных исследований, уважение человеческого достоинства, защиту основных прав и свобод лица, участвующего в биомедицинском эксперименте, приоритет благ отдельной личности над интересами науки, конфиденциальность генетической информации, недопущение дискриминации по генетическим признакам, компенсацию ущерба, причиненного воздействием на ДНК пациента⁶. В ранг принципов формируемого законодательства следует возвести требования, связанные с получением информированного добровольного согласия человека на участие в эксперименте.

При структурировании его содержания нельзя обойти вниманием вопросы, относящиеся к разъяснению основных категорий, используемых в нормативном акте. Легальное толкование социального и юридического смысла специальных терминов способствует уяснению предмета правового регулирования. В отдельной статье рекомендуется закрепить значение таких понятий, как геном человека, эмбрион, биологический образец, доклиническое лабораторное исследование, клиническое исследование, генетический тест, генетический скрининг, редактирование генома, наследственная информация и т.д. Их перечень может быть уточнен исходя из потребностей генетической науки и биомедицинской практики.

Важно уточнить и фиксировать на законодательном уровне нормы, образующие юридический статус исследователей и испытуемых. Наделение участников биомедицинского эксперимента набором субъективных прав и обязанностей гарантирует защищенность и избавляет от излишних опасений по поводу административного либо уголовного преследования. Принятые меры поспособствуют установлению баланса между свободой научного поиска, технологического развития и потребностями конкретного пациента. При таком подходе инновационная деятельность приобретет необходимую прозрачность, позволяющая контролирующим и судебным органам давать объективную оценку манипуляциям на уровне генома высших организмов и своевременно нейтрализовать исходящие от амбициозных ученых опасности.

Урегулированность отношений в сфере генетических исследований позитивным законодательством еще не гарантирует им сохранность от общественно опасных и иных вредоносных форм поведения. Принимая во внимание непредсказуемые последствия экспериментов, способных нарушить процесс естественного развития человека, специалисты в области правопедения предлагают разного рода юридические механизмы, социальное назначение которых состоит в удержании правоисполнителей от осуществления неконтролируемых манипуляций с генетическим материалом. Одни авторы приводят убедительные

⁶ См.: Закон Испании № 14/2007 от 3 июля 2007 г. о биомедицинских исследованиях (Ley 14/2007, de 3 de julio, de Investigación biomédica). URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/114-2007.t1.html (дата обращения: 10.05.2020); Закон США о запрете дискриминации на основании генетической информации от 2008 г. (Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008). URL: <https://www.eeoc.gov/laws/statutes/gina.cfm> (дата обращения: 10.05.2020); Закон ФРГ о генетических исследованиях людей от 31 июля 2009 г. (в ред. от 4 ноября 2016 г.) (Gesetz über genetische Untersuchungen bei Menschen (Gendiagnostikgesetz – GenDG). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gendg/BJNR252900009.html> (дата обращения: 10.05.2020).

аргументы в пользу дополнения административного законодательства нормами, устанавливающими ответственность за нецелевое использование технологий редактирования генома человека [7, с. 65–66]. Ученые-криминалисты выступают за увеличение в уголовном законодательстве числа наказуемых деяний за счет криминализации наиболее опасных форм злоупотреблений в биомедицине [8, с. 300–301; 9, с. 24–25; 10, с. 81]. Основываясь на суждениях авторов, представляющих разные юридические отрасли, может сложиться впечатление, что в гено-инженерной деятельности административное и уголовное законодательство обеспечивают сохранность одних и тех же ценностей. Сказанное актуализирует проблему межотраслевой дифференциации ответственности лиц, допустивших делинквентное поведение в сфере исследования генома человека.

Учитывая основание деления охранительного законодательства на уголовное и административное, к разряду административных деликтов законодатель относит виновные действия (бездействия), вредоносная сущность которых сконцентрирована в противоправности содеянного. Лицо, совершившее административное правонарушение, разрушает юридическую оболочку сложившихся в обществе отношений, не затрагивая их материального содержания. Так, провозглашая ответственность в ст. 6.3.1 КоАП РФ за правонарушения в области гено-инженерной деятельности, отечественный законодатель брал за основу уровень вредоносности злоупотреблений в рассматриваемом секторе социальной жизни. Она проявляется в отступлении от специальных предписаний, усложняющем упорядочивание оборота организмов и продукции, полученных в результате геномной инженерии. Деятельность лица по производству и использованию геном-модифицированной продукции, не прошедшей государственной регистрации, не способствует поддержанию здоровья населения. В то же время она не представляет опасности физическому и психическому состоянию организма конкретного гражданина или неперсонифицированной группы лиц.

Явление приобретает уголовно-правовую природу тогда, когда оно обладает качественными и количественными признаками общественной опасности. Исходя из смыслового значения общественная опасность представляет собой крайнее проявление вредоносности. В ее основе лежит вред, причиняемый материальному порядку [11, с. 214–224]. В сфере исследования генома *Homo sapiens* общественно опасное поведение честолюбивых ученых чревато причинением вреда либо созданием угрозы его причинения материальным благам, составляющим основу существования и развития человека. Речь идет о таких ценностях, как достоинство личности, ее неприкосновенность, естественный процесс эволюции человека как существа биосоциального, его генетическая уникальность.

Проблемы, относящиеся к нейтрализации угроз, исходящих от неконтролируемого экспериментирования на уровне генома высших организмов, в доктрине уголовного права достигли пика своей актуальности. Ученые выступают с предложениями расширить круг уголовно-правовых обязанностей лиц, вмешивающихся в ДНК человека. Большинство из них концентрирует внимание на опасностях, хотя и нуждающихся в противодействии уголовно-правовыми средствами, но не угрожающих генетической безопасности. Чаще всего упоминаются дискриминация человека по генетическим признакам, нарушение законодательства о временном запрете на клонирование человека, несанкционированное разглашение генетической информации, противоправное завладение генетическим материалом и его незаконный оборот, создание и использование

генного допинга, манипуляция с клетками эмбриона в целях изменения наследственной программы человека.

Обосновываемые модели уголовно-правовых норм, которые могли бы дать оценку общественно опасным деяниям, совершаемым в рамках исследования генома человека либо злоупотреблений результатами научно-технического прогресса в рассматриваемом секторе условно можно дифференцировать на две группы. Первую из них составляют нормы, не имеющие прямого отношения к уголовно-правовому обеспечению генетической безопасности человечества. Они удерживают правоисполнителей от совершения действий, которые лишь опосредованно связаны с редактированием генома. Основным объектом их охраны являются ценности, относящиеся к конституционным правам человека или здоровью населения. В описываемом вредоносном поведении информация, относящаяся к наследственной характеристике, выступает лишь фактором, способным поставить индивидуально определенное лицо в уязвимое состояние. Противодействие такого рода общественно опасным деяниям не требует внесения существенных изменений в уголовно-правовую материю. В частности, для предупреждения дискриминации человека по генетическим признакам достаточно расширить диспозицию действующей редакции ст. 136 УК РФ. Соответствующее предложение адресует отечественному законодателю Н.Е. Крылова [8, с. 296–297]. От неправомерного распространения сведений, относящихся к генетической информации, способна удерживать норма, ныне изложенная в ст. 137 УК РФ. Нужно лишь скорректировать ее содержание с учетом приведенных в уголовно-правовой литературе мнений [12, с. 218–219; 13, с. 611–617].

Вторую группу составляют запреты, адресатом воздействия которых выступают потребительски подходящие к общечеловеческим ценностям ученые, демонстрирующие готовность проводить клинические исследования генома человеческих эмбрионов в репродуктивных целях. Эксперименты с коррективкой наследственной программы *Homo sapiens* ставят под угрозу генетическую безопасность населения главным образом потому, что наука еще не в состоянии предсказать потенциальные риски. Технология изменения генетического кода в клетках еще далека от совершенства и может вызвать нежелательные мутации в организме человека. По оценкам экспертов, требуются годы исследований, прежде чем биомедицинская наука будет уверена в безопасности искусственного вмешательства в наследственную программу. На этот период нужна уголовно-правовая норма, которая под угрозой применения наказания удерживала бы ученых от реализации чрезмерно амбициозных проектов, не отвечающих социальным запросам. Пока международное и внутригосударственное правовое пространство не располагает такого рода охранительными нормами, группа авторитетных генетиков призывает ввести глобальный мораторий на клиническое использование инструментов редактирования ДНК в целях рождения генетически модифицированных детей [5, с. 165–168].

Разделяя опасение ведущих ученых-биологов, предлагаем закрепить в российском уголовном законодательстве норму, возлагающую на исследователей обязанность воздерживаться от проведения экспериментов с геномом эмбриона человека в репродуктивных целях. Законодателю рекомендуется рассмотреть возможность ее размещения в разделе IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» или разделе XII УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества». Принятое в итоге решение

напрямую будет зависеть от криминообразующих признаков, которые наполнят содержание новой нормы.

«Статья ... Посягательство на генетическую безопасность человечества

1. Незаконное клиническое исследование, направленное на редактирование генома эмбриона человека в репродуктивных целях, –

наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное из корыстных или иных низменных побуждений, –

наказывается штрафом в размере до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Таким образом, результаты проведенной работы позволяют сформулировать ряд теоретических выводов. Их суть заключается в том, что актуальность включения в уголовно-правовую материю рекомендованной нормы объясняется потребностью сохранения генетической уникальности человека как биологического вида. Чрезмерно рискованные опыты ученых не исключают наступления переломного момента, когда человек утратит возможность контролирования воздействия результатов научно технического прогресса на эволюционный процесс. Манипуляции с ДНК могут пагубно отразиться на дальнейшей судьбе не только конкретного физического лица, но и всего человечества. При этом уголовное право не формулирует самостоятельных правил проведения биомедицинских экспериментов. Исходя из социального назначения, оно возлагает на ученых-генетиков обязанность по воздержанию от совершения общественно опасного деяния и устанавливает ответственность за нарушение утвержденного порядка осуществления клинического исследования генома человека. Угроза привлечения к уголовной ответственности должна побуждать адресатов к осознанию пределов допустимой модели поведения, признаваемого правомерным. Нормативы проведения генетических исследований следует закрепить в регулятивном законодательстве. В рамках основного состава преступления его субъект действует чаще всего исходя из ложно понятых интересов науки и общества. Общественная опасность квалифицированного состава преступления отягощается корыстной и иной низменной мотивацией тщеславных исследователей.

Библиографический список

1. *Введенская Е.В., Ляуш Л.Б.* Проекты преобразования человека: истоки и перспективы // *Современные исследования социальных проблем.* 2016. № 4–2. С. 34–50.
2. Заявление Церковно-общественного совета по биомедицинской этике Русской Православной Церкви «О редактировании генома человека» // *Православие и проблемы биоэтики: сборник работ / отв. ред. И.В. Силуянова.* М., 2020. С. 123–124.
3. *Аксенов И.В.* Этические вопросы редактирования генома человека // *Православие и проблемы биоэтики: сборник работ / отв. ред. И.В. Силуянова.* М., 2020. С. 104–122.
4. *Ребриков Д.В.* Редактирование генома человека // *Вестник Российского государственного медицинского университета.* 2016. № 3. С. 4–11.

5. Adopt a moratorium on heritable genome editing / Eric Lander, Françoise Baylis, Feng Zhang, Emmanuelle Charpentier, Paul Berg and specialists from seven countries call for an international governance framework // *Nature*. 2019. 14 March. Vol. 567. P. 165–168.
6. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 186 с.
7. *Бурцев А. ., Васильев С.А.* Вопросы установления юридической ответственности за правонарушения, связанные с диагностикой и редактированием генома человека // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 8. С. 62–67.
8. *Крылова Н.Е.* Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Инфра-М, 2006. 320 с.
9. *Козаченко И.Я.* Генетические манипуляции: пределы допустимого // *Российское право: образование, практика, наука*. 2019. № 6. С. 23–26.
10. *Блинов А.Г., Герасимов А.М.* Теоретическая модель преступных деяний в сфере исследования генома человека и оценка их общественной опасности // *Вестник Омского университета*. Сер.: «Право». 2020. № 2. С. 76–85.
11. *Разгильдиев Б.Т.* Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2013. № 2. С. 214–224.
12. *Лапунин М.М.* Векторы влияния генетических исследований на безопасность общества: конъюнктура и конкретные инциденты // *Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко*. Саратов, 2019. С. 217–220.
13. *Blinov A.G., Lapunin M.M., Evstifeeva E.V., Yakovleva O.A.* Foreign Experience of Legal Regulation and Protection of Relations in the Sphere of Genome Editing // *Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives*, (eds) T. Kolmykova, E. Kharchenko. *Lecture Notes in Networks and Systems*. Cham: Springer, 2020. Vol. 111. P. 611–617.

References

1. *Vvedenskaya E.V., Laush L.B.* Projects of Human Transformation: Origins and Prospects // *Modern research of social problems*. 2016. No. 4-2. P. 34–50.
2. Statement of the Church Public Council on Biomedical Ethics of the Russian Orthodox Church “On the Human Genome Editing” // *Orthodoxy and Bioethics Problems. Collection of works / Ed. by I.V. Siluyanova*. M., 2020. P. 123–124.
3. *Aksenov I.V.* Ethical Issues in the Human Genome Editing // *Orthodoxy and Bioethical Issues. Collection of works / ed. by I.V. Siluyanova*. M., 2020. P. 104–122.
4. *Rebrikov D.V.* Human Genome Editing // *Bulletin of the Russian State Medical University*. 2016. No 3. P. 4–11.
5. Adopt a moratorium on heritable genome editing / E. Lander, F. Baylis, F. Zhang, E. Charpentier, P. Berg and specialists from seven countries call for an international governance framework // *Nature*. 2019. 14 March. Vol. 567. P. 165–168.
6. *Alekseev S.S.* Mechanism of Legal Regulation in Socialist State. M., 1966. 186 p.
7. *Burtsev A.K., Vasilyev S.A.* Issues of Establishing Legal Liability for Offenses Related to Diagnostics and Human Genome Editing // *Actual problems of Russian law*. 2019. No 8. P. 62–67.
8. *Krylova N.E.* Criminal Law and Bioethics: Problems, Discussions, Finding Solutions. M., 2006. 320 p.
9. *Kozachenko I.Y.* Genetic Manipulation: Acceptable Limits // *Russian law: education, practice, science*. 2019. No 6. P. 23–26.

10. *Blinov A.G., Gerasimov A.M.* Theoretical Model of Criminal Acts in the Sphere of Human Genome Research and Estimation of Their Public Danger // *Bulletin of Omsk University. Series "Law".* 2020. No 2. P. 76–85.

11. *Razgildiev B.T.* Public Danger of Crimes and Other Offences // *Library of a criminologist. A scientific journal.* 2013. No 2. P. 214–224.

12. *Lapunin M.M.* Vectors of Impact of Genetic Research on Public Safety: Situation and Specific Incidents // *Criminal Law Impact and Its Role in Crime Prevention (IV Saratov criminal law readings): Collection of articles on the results of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (Saratov, September 30 - October 1, 2019) / ed. by N.A. Lopashenko.* Saratov, 2019. P. 217–220.

13. *Blinov A.G., Lapunin M.M., Evstifeeva E.V., Yakovleva O.A.* Foreign Experience of Legal Regulation and Protection of Relations in the Sphere of Genome Editing // *Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives*, (eds) T. Kolmykova, E. Kharchenko. *Lecture Notes in Networks and Systems.* Cham: Springer, 2020. Vol. 111. P. 611–617.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10105

УДК 343

Ю.И. Бытко

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИСКУССТВЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ

Введение: Россия является первой страной мира, которая легализовала аборт, это случилось в 1920 г. Несмотря на то, что в настоящее время наблюдается тенденция к снижению количества таких операций, их число в стране составляет более полумиллиона в год, и это при том, что в связи с дефицитом населения на огромных российских просторах остаются неосвоенными значительные территории, богатые, на зависть другим народам, всевозможными полезными ископаемыми и колоссальными запасами пресной воды. В результате искусственного прерывания беременности многие женщины приобретают различные заболевания, высокой остается среди них и смертность. В обществе нет единодушного мнения по вопросу о запрете абортов. И поскольку в ближайшие годы такие операции не будут запрещены, актуализируется проблема совершенствования правового механизма обеспечения процедуры таких операций с тем, чтобы минимизировать их негативные последствия. **Цель:** осуществить сравнительный анализ норм УК и КоАП РФ для того, чтобы определить степень их согласованности с положениями Основ законодательства об охране здоровья граждан. **Методологическая основа:** диалектический метод, а также общенаучные и специальные методы научного познания (системный, систематический, догматический, сравнительный, логический и др.). **Результаты:** установлено, что некоторые действия, определенные в названных Основах как незаконное проведение искусственного прерывания беременности, не считаются по действующему законодательству ни преступлениями, ни административными проступками. **Выводы:** вносится предложение о внесении соответствующих изменений в ст. 123 УК РФ.

Ключевые слова: искусственное прерывание беременности, смертность, болезни, лицензирование, сертификация, экстренная помощь, операция, медицинское образование.

Yu.I. Bytko

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY

Background: Russia is the first country in the world to legalize abortion, it happened in 1920. Despite the fact that there is currently a downward trend in the number of such operations, their number in the country is more than half a million per year. And this is despite the fact that due to the lack of population in the vast Russian expanses, large territories remain undeveloped, rich, to the envy of other peoples, with all sorts of minerals and huge reserves of fresh water. As a result of artificial termination of pregnancy, many women acquire various diseases, mortality remains high among them. There is a unanimous opinion

© Бытко Юрий Ильич, 2020

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Bytko Yuri Ilich, 2020

Doctor of law, Professor, Criminal and criminal-executive law department (Saratov State Law Academy)

in society about the inadmissibility of artificial abortion. However, there is no consensus on banning them. And since such operations will not be prohibited in the coming years, the problem of improving the legal mechanism for ensuring the procedure for such operations in order to minimize their negative consequences is being updated. Objective: to carry out a comparative analysis of the norms of the Criminal code and Administrative Code of the Russian Federation in order to determine the degree of their consistency with the provisions of the Fundamentals of legislation on health protection. Methodology: dialectical method, as well as General scientific and special methods of scientific knowledge (system, systematic, dogmatic, comparative, logical, etc.). Results: it is established that certain actions defined in the above-mentioned Bases as illegal abortion are not considered either crimes or administrative offenses under current legislation. Conclusions: a proposal is made to amend article 123 of the Criminal code.

Key-words: artificial abortion, mortality, diseases, licensing, certification, emergency care, surgery, medical education.

Искусственное прерывание беременности в современной России остается актуальной проблемой. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

во-первых, Россия является самой крупной по площади страной мира. Между тем ее население составляет всего 146,5 млн чел, а плотность населения на один квадратный километр — 8,5 чел. Для сравнения, в Японии эти показатели составляют соответственно — 126 млн чел. и 333,6 чел., в Китае — 1 млрд, 408,5 чел. и 146 чел.;

во-вторых, на фоне значительного дефицита жизненного пространства во многих странах мира, в России остаются неосвоенными огромные пространства, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, где сосредоточены значительные запасы всевозможных полезных ископаемых и пресной воды. Одна из причин — дефицит людских ресурсов.

Между тем наблюдается тенденция к снижению уровня рождаемости в стране. Пик рождаемости отмечен в 2014 г. — 1 944 301 ребенок, затем наметился спад и в 2018 г. родилось всего 1 604 341 ребенок¹.

В-третьих, до 2015 г. Россия занимала первое место в мире по числу аборт-ов на 1000 женщин детородного возраста. Несмотря на наметившуюся в последующие годы тенденцию к уменьшению числа аборт-ов, их число остается значительным — 567 тысяч в 2018 г. Всего за 29 лет в стране сделано 55,6 млн аборт-ов — почти население Италии².

В-четвертых, в результате аборт-ов страна несет огромные материнские потери. Сотрудники ФГУ «Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. Академика В.И. Кулакова Росмедтехнологии» приводят следующие данные: доля умерших после аборт-а в структуре материнской смертности по федеральным округам колеблется от 14,6% до 30%. Аборт, как основная причина материнских смертей, составил: при самопроизвольном прерывании беременности — 13,7%, при легальных аборт-ах 5,5%, при аборт-ах по медицинским показаниям — 37%³.

¹ Таблица рождаемости по годам (Россия). URL: <https://worldtable.info/gosudarstvo/tablica-rozhdaemosti-po-godam-rossija.html> (дата обращения: 14.05.2020).

² Кол-во аборт-ов в России с 1990 по 2018 годы. URL: https://zen.yandex.ru/media/map_mind/kolvo-abortov-v-rossii-s-1990-po-2018-gody-5cf4ca2fdb8c7100afb30fa1 (дата обращения: 14.05.2020).

³ См.: Юсупова А.Н., Фролова О.Г., Волгина В.Ф., Дурасова Н.А. Аборт как причина материнской смертности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abort-kak-prichina-materinskoj-smertnosti> (дата обращения: 14.05.2020).

В контексте поставленной в этой статье проблемы, впечатляющими представляются следующие данные, приведенные этими же авторами: криминальные и внебольничные аборт, составляя в числе всех абортов 5%, сопровождаются смертью женщин в 43,8% случаев⁴. То есть, каждый второй такой аборт заканчивается смертью женщины.

Здесь сообщается, что криминальные аборт составляют 5% от числа всех абортов. Есть основания полагать, что их реальное число значительно больше, имея в виду что, по мнению специалистов Всемирной организации здравоохранения, точное число нелегальных абортов и частоту смертельных исходов после них определить практически невозможно⁵.

В-пятых, ежегодно в России от последствий аборта умирают 230–240 женщин. Среди причин смертности ведущее место занимают гнойно-септические осложнения, кровотечения, экстрагенитальные патологии в сроки аборта, травматическое повреждение органов малого таза, анестезиологические осложнения, легочная эмболия⁶. У многих женщин после аборта обнаруживаются всевозможные заболевания: у каждой третьей возникает угроза развития вторичного бесплодия, обусловленного неспособностью выносить ребенка; у 3–4% диагностируются послеабортные осложнения⁷.

Таким образом, вред искусственного прерывания беременности очевиден, однако в обществе нет единодушия по вопросу об отношении к этому явлению. За запрет абортов высказались духовные лидеры — патриарх Московский и всея Руси Кирилл, верховный муфтий России Талгат Таджуддин.

Главный раввин России Берл Лазар считает аборт неприемлемыми, но предлагает бороться с ними не запретами, а воспитательной работой. Аналогичного мнения придерживаются детский омбудсмен России А. Кузнецова и министр здравоохранения В. Скворцова⁸. Вместе с тем последняя считает, что решение об исключении абортов из ОМС должно носить взвешенный характер, чтобы принятые меры не привели к увеличению числа криминальных абортов и связанных с ними репродуктивных осложнений и материнской смертности⁹.

В 2015 г. депутат Госдумы Елена Мизулина инициировала законопроект о выводе абортов из системы ОМС и запрете абортов в частной медицине, однако он был отклонен Государственной думой.

Нет единства и среди активистов-общественников. Одни требуют, с целью повышения рождаемости, полностью запретить аборт. Другие предлагают вывести выполнение абортов (кроме осуществляемых по медицинским показаниям) из системы ОМС, чтобы они выполнялись только в частных клиниках и на платной основе. Третьи настаивают на запрете и абортов, и вспомогательных репродуктивных технологий.

⁴ См.: Юсупова А.Н., Фролова О.Г., Волгина В.Ф., Дурасова Н.А. Аборт как причина материнской смертности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abort-kak-prichina-materinskoj-smertnosti> (дата обращения: 14.05.2020).

⁵ Криминальные аборт: статистика. URL: <https://ria.ru/20100402/217357109.html> (дата обращения: 14.05.2020).

⁶ Летальный исход при аборте. URL: https://studwood.ru/2289300/meditsina/letalnyy_ishod_aborte (дата обращения: 14.05.2020).

⁷ Здоровье после аборта. URL: <https://medcentr-diana-spb.ru/abort-kontratseptsiya/zachem-vosstanavlivat-zdorove-posle-aborta-taunye-vragi-go>; Осложнения после аборта. URL: <https://info.wikireading.ru/78075> (дата обращения: 14.05.2020).

⁸ Аборт в России. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>; Голикова заявила о сокращении числа абортов в три раза за 18 лет: <https://www.interfax.ru/russia/686008> (дата обращения: 14.05.2020).

⁹ Аборт: скупые факты, сухие цифры. URL: <https://medvestnik.ru/content/articles/Aborty-skupye-fakty-suhie-cifry.html> (дата обращения: 14.05.2020).

При таком несовпадении общественных мнений по данному вопросу, вряд ли стоит надеяться на запрет абортов в ближайшее время. В связи с этим актуализируется проблема правового обеспечения процедуры таких операций, с тем чтобы минимизировать их неизбежные последствия.

Анализ ст. 123 УК РФ и практики ее применения позволяют констатировать следующее. В соответствии со ст. 36 Основ законодательства об охране здоровья граждан, искусственное прерывание беременности является законным, если проводится при следующих условиях: 1) письменном согласии женщины; 2) по социальным показаниям при сроке беременности до 22 недель; 3) по медицинским показаниям — независимо от срока беременности, но обязательно с согласия женщины; 4) только в рамках программы обязательного медицинского страхования (ОМС); 5) только в медицинских учреждениях, получивших лицензию на медицинскую деятельность; 6) только врачами, имеющими специальную подготовку¹⁰.

Таким образом, выполнение искусственного прерывания беременности, при несоблюдении одного из названных условий, является незаконным. Между тем законодатель в ст. 123 УК РФ признал обладающим качеством общественной опасности, свойственной преступлению, лишь одно нарушение — проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим специального высшего медицинского образования. Еще два правонарушения называет ст. 6.32 КоАП РФ: 1) нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья граждан о получении информированного добровольного согласия; 2) нарушение сроков (в т.ч. при наличии медицинских и социальных показаний), установленных законодательством в сфере охраны здоровья для проведения искусственного прерывания беременности.

Из того факта, что в соответствии со ст. 2.1. КоАП РФ, общественная опасность деяния не относится к числу конститутивных признаков административно наказуемого деяния, следует, что законодатель не считает названные в ст. 6.32 КоАП деяния общественно опасными, что представляется абсурдным, имея в виду, во-первых, что право на здоровье, в т.ч. на распоряжение им, относится к числу конституционных прав человека. Во-вторых, проведение искусственного прерывания беременности без согласия женщины, не только является незаконным в соответствии со ст. 36 Основ законодательства об охране здоровья, но и образует состав тяжкого преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ (умышленное прерывание беременности).

Ошибочным было бы считать, что остальные виды производства незаконного аборта являются уголовно наказуемыми в случаях, если они повлекли за собой по неосторожности смерть пациентки (ст. 109 УК РФ) или причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 118 УК РФ). Дело в том, что ч. 3 ст. 123 УК РФ предусматривает повышенную наказуемость того же деяния, которое предусмотрено ч. 1 этой же статьи, т.е. совершение деяния лицом, не имеющим специального медицинского образования, если это повлекло причинение по неосторожности смерти женщины или причинение ей тяжкого вреда здоровью. В то же время наступление тех же последствий в результате проведения искусственного прерывания беременности лицом, имеющим специальное высшее медицинское образование, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, действия такого субъекта следует квалифицировать только по ст. 109 или ч. 2 ст. 118 УК РФ.

¹⁰ Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2413/ (дата обращения: 14.05.2020).

Точно также, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ искусственное прерывание беременности, проведенное акушером-гинекологом со специальным высшим медицинским образованием в незарегистрированных в установленном порядке помещениях и (или) с использованием незарегистрированных аппаратов, оборудования, приборов, инструментов, что предусмотрено специальными правилами, утвержденными постановлением Правительства РФ № 291 от 16 апреля 2012 г. (с доп. от 8 декабря 2016 г. № 1327), если при этом не наступили последствия, названные в ч. 3 ст. 123 УК РФ.

Более того, проведение подобной операции, будучи одним из незаконных деяний, в соответствии с Основами законодательства об охране здоровья граждан, не является даже административно наказуемым правонарушением, что представляется неправомерным, как и то, что не признается правонарушением осуществление искусственного прерывания беременности в каком-то помещении при отсутствии договора с иным медицинским учреждением для обеспечения возможности экстренной госпитализации пациентки.

Единственным извинительным обстоятельством, исключающим правовую ответственность за проведение искусственного прерывания беременности, может признаваться состояние крайней необходимости, когда, в частности, будет бесспорно установлено, что эмбрион погиб в утробе матери или в других случаях, когда отказ от такой операции угрожает жизни и матери, и эмбриона.

В связи с последней оговоркой нельзя не упомянуть о следующем утверждении. А.К. Романов пишет, что внося в 2003 г. изменения в ст. 123 УК РФ, законодатель перешел от концепции криминальности аборта и его наказуемости к концепции ответственности за превышение пределов крайней необходимости [1, с. 103]. Представление о проведении искусственного прерывания беременности, как об акте крайней необходимости является ошибочным.

Известно, что в соответствии со ст. 39 УК РФ, акт крайней необходимости осуществляется исключительно для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц. Беременность — естественное состояние женщины, достигшей детородного возраста и не является обстоятельством, угрожающим ни здоровью и жизни женщины, ни тем более здоровью и жизни других лиц. Единственно возможный случай осуществления вынужденного искусственного прерывания беременности в качестве акта крайней необходимости, о чем говорилось выше, может явиться развитие заболевания матери или эмбриона, угрожающее жизни обоих.

Изложенное позволяет сделать вывод, что диспозиция ст. 123 УК РФ не вполне согласуется с Основами законодательства об охране здоровья граждан и в нее следует внести следующее изменение, а именно ч. 1 ст. 123 УК РФ изложить в следующей редакции: Проведение искусственного прерывания беременности с нарушением правил, предусмотренных ст. 36 «Основ законодательства об охране здоровья граждан», за исключением случаев, предусмотренных ст. 6.32 КоАП РФ.

Библиографический список

1. Романов А.К. Об уголовной ответственности за незаконное производство аборта // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 23 (602). С. 103–120.

References

1. Romanov A.K. On Criminal Liability for Illegal Abortion // Vestnik MGLU. 2010. Vol. 23 (602). P. 103–120.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10106
УДК 343.1

П.С. Абдуллоев

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ПЕРЕДАЧИ ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ИНОСТРАННОМ ГОСУДАРСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Введение: в рамках института передачи лиц, процесс передачи осужденного из одного государства в другое для отбывания наказания занимает особое место. Международные договоры и национальное законодательство постсоветских стран не предусматривают единых условий передачи осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в иностранном государстве. **Цель:** комплексное исследование, раскрытие правовой природы, определение и разработка более эффективного механизма передачи лиц. **Методологическая основа:** используются методы: сравнительно-правовой, конкретно-исторический, юридико-догматический, восхождения от абстрактного к конкретному, статистический, формально-логический, анализ, синтез, дедукция и индукция, а также системно-структурный подход. **Результаты:** условия необходимые для передачи осужденных должны оцениваться совокупно. Иными словами, отсутствие одного условия может повлиять на весь исход процесса передачи, т.е. при несоблюдении одного из условий государство может отказать в передаче лица. **Выводы:** отсутствие или нарушение условий выступает в качестве основания отказа в передаче осужденных, основание для отказа зависит от нарушения условий передачи. То есть соблюдение условий обеспечивают передачу осужденных, и наоборот, несоблюдение является основанием отказа в передаче.

Ключевые слова: международное сотрудничество, процессуальные условия, передача осужденного, постсоветские страны, международные договоры, уголовно-процессуальное законодательство, иностранное государство.

P.S. Abdulloev

PROCEDURAL TERMS OF SURRENDER OF THE CONVICTED TO DEPRIVATION OF LIBERTY FOR SERVING PUNISHMENT TO FOREIGN STATE ON THE EXAMPLE OF POST — SOVIET COUNTRIES

Background: in the scope of the institution of surrender of persons “surrender of the convicted for serving sentence to foreign state” as a kind of surrender plays an important role. International contracts and national legislation of post — soviet countries don't provide single conditions of surrender of persons convicted for serving sentence in foreign state. **Objective:** complex research, to find out legal nature, definition and working out more

© Абдуллоев Парвиз Саъдуллоевич, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Таджикского национального университета, заместитель декана по науке и международным отношениям юридического факультета Таджикского национального университета; e-mail: 1986_parviz.a@mail.ru

© Abdulloev Parviz Sadulloevich, 2020

Candidate of sciences (law), docent of the chair of justice and prosecutor's supervision of law faculty of Tajik national university, vice-dean of the faculty on science and international relations

effective mechanism. Methodology: methods of comparative — legal, concrete — historic, juridical — dogmatic, rising from abstract to concrete, statistic, formal — logic, analysis, synthesis, deduction and induction as well as systematic — structural approach. Results: being conditions necessary for surrender of the convicted and they are appreciated in complex. By other words, the absence of one condition may influence to all final process of surrender that is under not obeying of one condition state may refuse in surrender of person. Conclusion: author comes to conclusion that absence or breaking condition as the base of the refusal in surrender of the convicted. From one hand condition ensure surrender of the convicted, on the other hand on — the contrary is the base for the refusal in surrender.

Key-wards: *international cooperation, procedural conditions, surrender of convicted, post-soviet countries, international contracts, criminal procedural legislation, foreign state.*

В последние годы сравнительно-правовой интерес к постсоветским исследованиям заметно вырос, в т.ч. в рамках уголовно-процессуальной науки. Международные договоры и национальное законодательство постсоветских стран [1] предусматривают следующие условия передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в иностранном государстве:

лицо является гражданином или имеет постоянное место жительства на территории иностранного государства. В УПК постсоветских стран данный вопрос решен следующим образом: «лицо ... является гражданином этого иностранного государства» (ст. 473 УПК Белоруссии); «передача лица ... в государство, гражданином которого оно является» (ст. 484 УПК Таджикистана); «выдача лица... в государство, гражданином которого оно является» (ст. 559 УПК Туркменистана); «лицо является гражданином государства исполнения приговора» (ст. 606 УПК Украины), (УПК России); УПК Казахстана предусматривает передачу иностранцев (ст. 603 УПК Казахстана), а под «иностранцем» понимается «осужденный судом Республики Казахстан к лишению свободы, а равно гражданин Республики Казахстан, осужденный судом иностранного государства к лишению свободы...» (ст. 602). В УПК Киргизии этот вопрос решен с некоторыми недостатками. В ст. 528 «Основания для передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является» указываются «лица без гражданства, постоянно проживающие», а при регламентации условия (ст. 530) предусматривается только «гражданин»;

приговор суда вступил в законную силу и должен быть окончательным. В национальном законодательстве постсоветских государств этот вопрос решен не единообразно: «имеется вступивший в законную силу приговор» (ст. 473 УПК Белоруссии); «после вступления приговора в законную силу» (ст. 603 УПК Казахстана); «приговор суда вступил в силу»; (ст. 766 УПК Латвии); «обвинительное решение должно быть окончательным» (ст. 552 УПК Молдовы); «после вступления приговора в законную силу» (ст. 484 УПК Таджикистана); «после вступления приговора в законную силу» (ст. 559 УПК Туркменистана); «если приговор набрал законную силу» (ст. 606 УПК Украины). В большинстве указанных норм УПК речь идет о законной силе приговора, а УПК Молдовы предусматривает и окончательность обвинительного решения (хотя имеется в виду приговор);

двойная криминализация. Данному вопросу уделено особое внимание в национальном законодательстве Латвии, Молдовы и Украины. Согласно ст. 766 УПК Латвии «деяние, за которое назначено наказание, считается преступным по закону иностранного государства». Аналогичные нормы предусматривает ст. 552 УПК

Молдовы: «деяние, за которое было осуждено лицо, является преступлением согласно уголовному кодексу страны, гражданином которой является осужденный». С одной стороны, деяние в иностранном государстве должно быть преступлением, а с другой — нормы уголовного закона иностранного государства предусматривают для таких преступлений наказание в виде лишения свободы. Поскольку в данном случае нельзя изменить меру наказания другим наказанием, не связанным с лишением свободы;

срок, оставшийся для отбывания наказания. Законодательство Белоруссии предусматривает срок «не менее шести месяцев» (ст. 473 УПК Белоруссии). Аналогичный срок предусмотрен ст. 488 УПК Эстонии. Законодательство Грузии (ч. 9 ст. 43 закона Грузии), Латвии (ст. 766 УПК Латвии) и Молдовы (ст. 552 УПК Молдовы) предусматривают срок не менее 6 месяцев и в исключительных случаях передачу на оставшийся срок отбывания наказания менее 6 месяцев. Исключительные случаи устанавливаются сторонами на основе соглашения. Страны Центральной Азии допускают передачу лиц до отбытия ими наказания в виде лишения свободы (ст. 484 УПК Таджикистана, ст. 603 УПК Казахстана, ст. 530 УПК Кыргызстана, ст. 559 УПК Туркменистана). По нашему мнению необходимо учитывать практику Среднеазиатских государств по данному вопросу, поскольку эти государства при передаче допускают как минимум один барьер.

Одним из важных условий при передаче лиц является согласие лица о передаче. Большинство нормативно-правовых актов постсоветских стран предусматривают согласие осужденных как условие передачи. В качестве примера можно привести следующие положения о согласии: «имеется согласие лица» (ст. 473 УПК Белоруссии); «с согласия осужденного» (ст. 484 УПК Таджикистана) и «с согласия осужденного» (ст. 559 УПК Туркменистана). Наряду с согласием осужденного, если он не может выразить свою волю, может дать согласие о передаче его законный представитель: «с согласия осужденного либо лица, а в случае его неспособности к свободному волеизъявлению — с согласия его законного представителя» (ст. 603 УПК Казахстана).

По мере развития международного сотрудничества по уголовным делам надо подумать о других основаниях передачи, осужденных без их согласия. Здесь речь идет о тех лицах, которые в государствах их гражданства, постоянного места жительства или на территории других государств совершили преступления и укрывались на территории другого государства и впоследствии на территории этого государства совершали преступления и здесь в отношении них назначили уголовное наказание в виде лишения свободы. С целью своевременного раскрытия преступления и наказания таких лиц необходимо решать вопрос об эффективности международного сотрудничества в целом, а не по видам, поскольку осужденные не дают свое согласие о передаче в государство, которое угрожает им уголовным преследованием. После исполнения наказания возможно выдать это лицо, но если наказание еще не отбыто, существует большая вероятность, что многие доказательства могут исчезнуть. В случае решения данного вопроса, государство, которое передает лицо, должно гарантировать государству вынесения приговора, что оно примет все меры для сохранения доказательств.

Гарантия исполнения приговора со стороны компетентных органов иностранного государства не очень распространена в национальном законодательстве постсоветских государств, поскольку международные стандарты и международные договоры предусматривают возможности в отношении осужденных,

применение помилования и амнистии. Хотя суд того государства, где вынесен приговор, предпринимает все меры, чтобы приговор был исполнен.

При передаче лиц необходимо согласие государства вынесения приговора и государства исполнения приговора. Согласие государства осуществляется по воле компетентных лиц или органов государства. Ни в коем случае государство гражданства или постоянного места жительства, осужденного не вправе заставлять другое государство передать или принять осужденных. Например, в УПК Молдовы и Украины написано: «оба государства-стороны согласились на перевод» (ст. 552 УПК Молдова); «если государство принятия приговора и государство исполнения приговора согласны на передачу осужденного» (ст. 606 УПК Украины). В УПК России в отдельном виде не отражены условия передачи осужденных. А.А. Крымов отмечает, что «УПК РФ в качестве условий передачи называет осуждение к лишению свободы и ходатайство осужденного либо его представителя, а также просьбу компетентного органа государства с согласия осужденного» [2].

Причины отказа от производства по передаче осужденных во многом зависят от государств и их воли по соблюдению/несоблюдению условий передачи осужденных, которые предусматриваются международными договорами и нормами национального законодательства.

Библиографический список

1. *Абдуллоев П.С.* Материалы по международному сотрудничеству в сфере уголовного процесса постсоветских стран. Душанбе, 2017. 716 с.
2. *Крымов А.А.* Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 637 с.

References

1. *Abdulloev P.S.* Materials on international cooperation in the criminal process of post-Soviet countries. Dushanbe, 2017. 716 c.
2. *Krymov A.A.* The criminal procedural activity of bodies and institutions of the penal system of Russia: Dis. ... Dr. jur. sciences. M., 2019. 637 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10107

УДК 343.265

Л.В. Григорьева

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ФИЗИЧЕСКОГО И ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Введение: в статье анализируется физическое и психическое принуждения как самостоятельный вид обстоятельств, исключающих преступность деяния. Автором подчеркивается прикладное значение данного института необходимостью пересмотра места непреодолимого принуждения в системе уголовного права, обосновывается потребность в формировании более четких критериев непреодолимого принуждения для повышения эффективности действия современного УК РФ. **Цель:** рассмотреть понятия «физическое принуждение» и «психическое принуждение» не только в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния, но и в качестве критерия оценки поведения лица в других уголовно-правовых институтах. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности (диалектический, сравнительный, анализ, формально-юридический). **Результаты:** преодолимое физическое и психическое принуждение является самостоятельным видом обстоятельств, исключающих преступность деяния. Непреодолимое физическое принуждение порождает бездействие при отсутствии признака вины, а потому требует закрепления в гл. 5 УК РФ. **Выводы:** непреодолимое физическое принуждение порождает бездействие при отсутствии признака вины, а потому требует закрепления в гл. 5 УК РФ.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, физическое принуждение, психическое принуждение.

L.V. Grigorieva

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PHYSICAL AND MENTAL COERCION AS A CIRCUMSTANCE THAT PRECLUDES CRIMINALITY OF AN ACT

Background: the article analyzes physical and mental coercion as an independent type of circumstances that exclude criminality of the act. The author emphasizes the applied significance of this institution, emphasizes the need to review the place of irresistible compulsion in the criminal law system, justifies the need to form clearer criteria of irresistible compulsion to improve the effectiveness of the modern criminal code of the Russian Federation. **Objective:** to consider the concepts of “physical coercion” and “mental coercion” not only in the circumstances excluding the criminal act, but also as a criterion for assessing a person’s behavior in other criminal law institutions. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality (dialectical, comparative, analysis,

© Григорьева Людмила Викторовна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Lgrigorieva2013@yandex.ru
© Grigorieva Lyudmila Victorovna, 2020
Candidate of law, Associate professor, Criminal and criminal executive law department (Saratov State Law Academy)

formal legal ones). **Results:** *surmountable physical and mental coercion is an independent type of circumstances that exclude the criminality of the act. Irresistible physical coercion gives rise to inaction when there is no sign of guilt, and thus it requires fixing in Chapter 5 of the Criminal Code of the Russian Federation. Conclusions:* *irresistible physical coercion causes inaction in the absence of a sign of guilt, and therefore requires fixing in chapter 5 of the CCRF.*

Key-words: *circumstances that exclude criminal acts, physical coercion, mental coercion.*

Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния — один из уголовно-правовых институтов, имеющих давнюю историю. Так в Русской правде содержится упоминание о том, что можно убить ночного вора, т.е. обороняться, причинив вред посягающему лицу [1, с. 49]. Идея данного уголовно-правового института в том, что иногда, в отдельных сложных жизненных ситуациях, умышленное причинение вреда не должно наказываться. При этом поведение человека, причиняющее вред, вполне соотносится с категорией деяния в рамках современных психологии и юриспруденции и подлежит правовой оценке, как осознанные волевые телодвижения. Такое деяние обладает свойством общественной опасности, т.е. причиняет вред человеку или государственным интересам, интересам общественной безопасности, а также нарушает права и свободы других лиц или общества, т.е. соответствует признаку противоправности. Описанное выше поведение человека в сущности совпадает с признаками преступления, предусмотренными в ч. 1 ст. 14 УК РФ, включая общественную опасность, запрещенность его в статьях Особенной части УК РФ (большее число статей запрещает причинять вред чужим жизни, здоровью, экологии, имуществу и др.) И закономерно возникает вопрос о разграничении преступного поведения от правомерного причинения вреда.

Ключевой чертой, обеспечивающей отличие такого причинения вреда от уголовно-наказуемого, выступает сложная жизненная ситуация, в которой физическому лицу крайне трудно выбрать правильную и абсолютно безопасную линию поведения. Обстоятельства для него складываются таким образом, что приходится выбирать из двух зол — либо плохо будет самому человеку, либо он, чтобы избежать вреда для себя, причинит его кому-то еще.

Классическим примером обстоятельства, получившего закрепление в гл. 8 УК РФ, можно считать физическое и психическое принуждение (ч. 1 и ч. 2 ст. 40 УК РФ), которые и образуют ту самую, трудную для принятия верного решения, ситуацию. Принуждаемое лицо, в стремлении избежать ущерба для своих интересов, причиняет вред чужим интересам и (или) правам.

Однозначного определения «принуждения» в тексте закона или теории права не существует, хотя используется для описания обстоятельства, исключаящего преступность деяния, предусмотренного ст. 40 УК, а также обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание, предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 61 и п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ соответственно. Свойствами принуждения обладают уголовное наказание (ч. 1 ст. 43 УК РФ), меры уголовно-правового характера (ст. 90, 91, 97–104 УК РФ). Кроме того, термин «принуждение» характеризует некоторые составы преступлений, определяя их объективную сторону: ст. 120, ч. 2 ст. 141, ст. 142, ч. 1 ст. 144, 163, 179, ч. 1 ст. 240, 283.1, 302 УК РФ. Следует отметить, что в одних составах (ст. 179, ч. 2 ст. 302, ч. 1 ст. 333 УК РФ) при-

нуждение описывается путем указания на насилие, в других (ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142 УК РФ) принуждение считается альтернативой насилию. Таким образом, категория принуждения шире, чем насилие, а объединяющим их началом выступает отсутствие воли адресата на совершаемые в его отношении действия.

Отграничить «насилие» от «принуждения» существенно сложнее. Во-первых, принуждают именно путем насилия (связывание, причинение вреда здоровью) или угрозы его применения (шантаж, обещание убить или покалечить). Во-вторых, насилие представляет собой принудительное физическое или психическое воздействие на человека, т.е. совершение действий, нарушающих физическую неприкосновенность личности, либо угрожающих причинением вреда (включая словесные способы). В-третьих, также как и насилие, принуждение может быть физическим и психическим.

Физическое принуждение предполагает воздействие на организм человека (весь организм [2, с. 27], ткани человека [3, с. 82], части тела [4, с. 52]), в результате которого страдает его физическое здоровье либо физическая неприкосновенность. Психическое воздействие выделяется по признаку места «приложения силы», т.е. сюда относятся любые способы манипулирования сознанием человека (угроза физического либо любого другого вида вреда, шантаж, гипноз), с целью заставить его совершить [5, с. 16; 6, с. 12] необходимые манипулятору поступки. Обе характеристики можно справедливо отнести как к описанию вида принуждения, так и вида насилия.

С учетом сказанного, принципиальную разницу между насилием и принуждением в уголовно-правовом поле выделить не получается.

Д.В. Кузнецов, проводя сравнение «насилия» и «принуждения», делает вывод о том, что насилие имеет характер абсолютного зла, потому преследует цель разрушительную. В свою очередь принуждение, по его мнению, преследует достижение созидательного эффекта и действует избирательно [7, с. 19]. Аналогичную позицию можно встретить и в других источниках [8].

Таким образом, принуждение — это применение насилия к лицу с целью добиться от него определенной линии поведения. Следовательно, важнейшим его элементом, отличающим от любого другого насилия, будет цель — «создание необходимости» (или нужды) для другого человека выбрать конкретную линию поведения в соответствии с волей принуждающего лица, а не своей собственной.

Положение относительно свободы воли в ситуации насильственных действий и их влияния на правовую оценку деяния принуждаемого лица, требует отдельного комментария. Волевой компонент вины как психологической основы преступления в уголовном праве, включает в себя две подсистемы: субъективную и объективную. В первой — речь идет о реализации в поступке своей собственной воли (своего желания наступления вероятных последствий). Во второй — о наличии возможности свободно выбрать линию поведения и актуализировать собственные потребности. Как и во всех обстоятельствах, исключая преступность деяния, принуждение, указанное законодателем в ст. 40 УК РФ, парализует объективную возможность свободы выбора, сокращая его до двух вариантов поведения: либо плохо будет принуждаемому, либо иным лицам. Сам вред оказывается неминуем.

Сформулированный в ч. 1 ст. 40 УК РФ постулат о непреодолимом принуждении, которое, однозначно, делает поведение лица, подвергнутого такому воздействию, непроступным, в полной мере не вписывается в устойчивую

и слаженную схему гл. 8 УК РФ. Человек, полностью лишенный возможности руководить своими поступками (а непреодолимое принуждение исключительно физического характера подразумевает именно такое состояние) — вынужденно бездействует, а не выбирает между двумя неудобными вариантами (как при необходимой обороне, крайней необходимости и др.). В его поведении нет воли, а значит и вины. Таким образом, обстоятельство, описанное в ч. 1 ст. 40 УК РФ, не относится к исключительным сложным жизненным ситуациям. Принуждаемое таким способом лицо становится инструментом, неодушевленным предметом в руках злоумышленника, аналогично тем лицам, о которых законодатель пишет в ч. 2 ст. 33 УК РФ, раскрывая признаки «посредственного исполнителя»: лицо, совершившее преступление, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ. Иными словами, лиц, в чьем поведении отсутствует вина. Следовательно, место предписания закрепленного сейчас в ч. 1 ст. 40 УК РФ — в гл. 5 УК РФ [9, с. 141].

Положения ч. 2 ст. 33 УК РФ дают возможность привлекать к уголовной ответственности тех злоумышленников, которые собственноручно не выполняли объективную сторону запрещенного деяния, но чья воля проявилась в действиях или бездействиях принуждаемого лица. В поведении второго нет вины, а следовательно, и уголовной ответственности, в то время как принуждающий демонстрировал и интеллектуальный, и волевой компоненты вины, а потому обязан ответить как за факт принуждения, так и за вред, причиненный принуждаемым лицом.

Предписание ч. 2 ст. 40 УК РФ отмечает возможность применения физического или психического насилия в качестве средства преодолимого принуждения, к которому принято относить любое воздействие, не лишаящее человека свободы выбора линии поведения. Рассматривать данную категорию через призму пресловутой «свободы выбора» как имманентного, естественного права человека в наше время проблематично. Мало кто станет отрицать тот факт, что осознание гражданином потребностей и формирование желаний всегда происходит внутри жизненных обстоятельств и ситуаций. Мотив любого человеческого поступка также появляется на фоне синтеза внутренних переживаний субъекта и внешних факторов, актуализирующих те или иные потребности. Корыстный мотив всегда сопровождается недостаточным количеством материальных средств, насильственный — наличием в пределах доступа «подходящей жертвы», которая гарантированно не сможет оказать достойного сопротивления и др. Сказанное не позволяет четко выделить границу между наличием полной и неполной свободы выбора, также как и конкретизировать объем этой свободы.

Нормативное предписание характеризует преодолимое принуждение как не лишаящее возможности принуждаемого «...руководить своими действиями», т.е. создающее ситуацию ограниченного выбора. Критериями такого ограничения, о котором говорит законодатель в ч. 2 ст. 40 УК РФ, следует считать сужение количества вероятных линий развития событий, при котором остаются лишь два варианта поведения. В результате любого из них плохо будет принуждаемому либо иным лицам, а наступление предполагаемого вреда неизбежно. Представленное объяснение преодолимого принуждения помогает понять разницу между свободой воли (которая всегда несколько ограничена, но есть в большинстве жизненных ситуаций) и ограниченностью альтернативных линий поведения, в

которой человек выбирает вынужденно между двумя адресатами вреда (собой и иными лицами). Оценивать качество совершенного выбора безусловно необходимо, исходя из тщательного анализа обстоятельств принуждения, личностей участников данной ситуации, их жизненного опыта, интенсивности применения насилия и скорости развития инцидента.

Следует отметить, что сокращение характеристики преодолемого принуждения до двух вариантов развития событий в направлении наступления неизбежного вреда низводит институт ст. 40 УК РФ до частного случая крайней необходимости [10, с. 174], тем более, что законодатель буквально настаивает на предложенной аналогии, ссылаясь на ст. 39 УК РФ.

Анализ требований, предъявляемых к лицам, действующим в рамках правомерной крайней необходимости, известен: наличие реальной опасности, вызвавшей к жизни необходимость причинения вреда; невозможность в принципе избежать причинения вреда; оценка лицом видов вреда, потенциально угрожающих его интересам и интересам третьих лиц. Этот перечень позволяет сделать вывод о предельном сходстве рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния с преодолемым принуждением. С позиции объяснения цели причинения вреда в сравниваемых видах уголовно-правовых институтов также наблюдается общность. В обоих случаях вред причиняется ради устранения возникшей опасности, источниками которой могут быть как природные, техногенные факторы, так и поведение людей.

В то же время игнорировать ключевую черту института физического и психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, нельзя. Статья 40 УК РФ создана не только ради решения вопроса об ответственности принуждаемого лица, но и для правильной юридической оценки принуждающего. Даже в ситуации преодолемого насилия имеется промежуточная цель — вынудить другого человека причинить вред, совершить преступление. Крайняя необходимость не основана на конфликте двух личностей, совершающих запрещенные в уголовном законе деяния.

Сложность исследуемого нами уголовно-правового института не ограничивается сходством с ситуацией необходимой обороны (есть посягательство на принуждаемое лицо), крайней необходимости (наличие опасности, которую надо устранить), исполнением приказа (реализация чужой воли в силу субординации). Вопрос корректной оценки поведения преодолемого принуждаемого лица сопряжен с институтом соучастия, потому что фактически совершают преступление двое, а, значит, принуждающий в зависимости от его действий будет либо исполнителем, либо соисполнителем, организатором, либо подстрекателем. И вменение ему одной из этих ролей напрямую зависит от сущности использованного принуждения. Следовательно, принуждение нельзя приравнивать к ситуации крайней необходимости.

К сожалению, ни на нормативном, ни на правоприменительных уровнях не выработаны ориентирующие признаки преодолемости принуждения. Потребность дифференцировать правовые последствия причинения вреда при преодолемом и непреодолимом психическом принуждении уже не вызывает научных дискуссий. Страх, как главный инструмент манипулирования людьми, имеет настолько глубокие корни в сознании, что позволяет рассматривать некоторые виды психического воздействия с позиции невозможности ему противостоять. Например, угроза убийством принуждаемого (или его близких), сопряженная

с требованием причинить смерть третьему лицу как средство избавления от этой угрозы. Рассматривая этот вид угрозы, следует отметить, что, во-первых, опасность смерти способна парализовать волю большинства физических лиц. Во-вторых, правила о неравнозначности устраняемого и причиняемого вреда, которые законодатель требует использовать в процессе принятия решения принуждаемым лицом, здесь не работают. Точнее, причинение смерти третьему лицу для спасения другой жизни будет рассматриваться как убийство, что в сущности лишает смысла существование ст. 40 УК РФ.

Таким образом, мы приходим к выводам, что непреодолимое физическое принуждение порождает бездействие при отсутствии признака вины, а потому требует закрепления в гл. 5 УК РФ.

Преодолимое физическое и психическое принуждение является самостоятельным видом обстоятельств, исключающих преступность деяния. Для эффективного его применения необходимо проработать проблемные вопросы учета и характеристики преодолимости психического насилия, предложить на уровне Постановления Пленума Верховного суда РФ критерии преодолимого насилия в целом, как это сделано по вопросам необходимой обороны.

Библиографический список

1. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство Древней Руси: 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература. 1984. Т. 1. 432 с.
2. Козаченко И.Я., Сабитов Р.Д. Уголовно-правовое понятие насилия // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та. 1981. С. 18–28.
3. Ткаченко В.И. Насилие, не опасное и опасное для жизни и здоровья, как уголовно-правовая категория // Государство и право. 1992. № 12. С. 79–82.
4. Иванцова Н.В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань. 2005. 388 с.
5. Расторопов С.В. Борьба с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью граждан в исправительных колониях. М.; Рязань: Изд-во Рязанского филиала Московского ин-та экономики и права. 2000. 117 с.
6. Безверхов А.Г. Понятие и виды насилия в уголовном праве России: вопросы право-творчества и правоприменения // Уголовное право. 2014. № 4. С. 11–18.
7. Кузнецов Д.В. Реформаторская деятельность П.А. Столыпина в свете изучения вопроса о соотношении понятий «насилие» и «принуждение» // Вестник Омского университета. Сер.: «Исторические науки». 2015. № 1 (5). С. 19–29.
8. Фалькина Т.Ю., Чашников В.А. О соотношении понятий «принуждение» и «насилие» // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Московского ун-та МВД России. 2015. № 1. С. 41–43.
9. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: Знание, 2000. 279 с.
10. Кобзева Е.В. О физическом и психическом принуждении, как обстоятельстве, исключающем преступность деяния // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 172–175.

References

1. Russian Legislation of the X–XX Centuries: Legislation of Ancient Russia. In 9 volumes / ed. by O. I. Chistyakova. M.: Legal literature. 1984. Vol. 1. 432 p.
2. *Kozachenko I.Ya., Sabitov R.D.* Criminal Law Concept of Violence // Criminal Law and Improvement of Measures to Combat Crime. Intercollegiate collection of scientific papers. Sverdlovsk: publishing house of Sverdl. Univer. 1981. P. 18–28.
3. *Tkachenko V.I.* Violence, Not Dangerous and Dangerous for Life and Health, as a Criminal-legal Category // State and law. 1992. No. 12. P. 79–82.
4. *Ivantsova N.V.* Reflection and Assessment of Socially Dangerous Violence in Criminal Law: Questions of Theory and Practice: dis. ... doc. of law. Kazan, 2005. 388 p.
5. *Rastoropov S.V.* The Fight against Intentional Infliction of Serious Harm to the Health of Citizens in Correctional Colonies. Moscow; Ryazan: Publishing house of the Ryazan branch of the Moscow State University. Institute of Economics and law. 2000. 117 p.
6. *Bezverkhov A.G.* Concept and Types of Violence in the Criminal Law of Russia: Issues of Law-making and Law Enforcement // Criminal law. 2014. No. 4. P. 11–18.
7. *Kuznetsov D.V.* Reformatory Activity of P. A. Stolypin in the Light of Studying the Question of the Relationship between the Concepts of «Violence» and «Coercion» // Bulletin of Omsk University. Series «Historical Sciences». 2015. No. 1 (5). P. 19–29.
8. *Falkina T.Yu., Chashnikov V.A.* On the Correlation of the Concepts «Coercion» and «Violence» // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. UN-TA MVD of Russia, 2015, No. 1. P. 41–43.
9. *Milyukov S.F.* Russian Criminal Legislation: Experience of Critical Analysis. SPb., 2000. 279 p.
10. *Kobzeva E.V.* On Physical and Mental Coercion as a Circumstance that Excludes Criminality of an Act // Criminal Law Impact and Its Role in Crime Prevention (IV Saratov criminal law readings): collection of articles based on the materials of the IV all-Russian scientific and practical conference (Saratov, September 30 – October 1, 2019) / ed.by N.A. Iopashenko; [ed. by A.V. Golikov]. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2019, P. 17–175.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10108

УДК 343.01

К.О. Копшева

ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И НАКАЗАНИЯ С ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТЬЮ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Введение: влияние на желание лица совершить преступление могут оказывать как биологические, так и социальные особенности личности. Однако решающее значение среди всех признаков личности имеет ее общественная опасность, которая соизмеряется уровнем (степенью) готовности лица совершить преступление. Чем выше риск его совершения, тем выше степень общественной опасности лица. Уголовное наказание также должно иметь социальное предназначение, оно проявляется в возможности удержать лицо от совершения преступления, что значимо для характеристики общественной опасности. Уголовный закон России в целом, и уголовное наказание в частности тем эффективнее, чем эффективнее оно понуждает лицо воздерживаться от совершения преступления. **Цель:** теоретическое обоснование преваляирования социальных черт в личности преступника, а также социально-позитивного предназначения уголовного наказания и уголовного закона России в целом. Указанная цель достигается путем решения следующих задач: раскрыть биологические и социальные причины совершения преступлений; определить общественную опасность лица, совершившего преступление, ее степень и характер; выявить социальное предназначение уголовного наказания и отечественного уголовного закона. **Методологическая основа:** общенаучные (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучные (юридико-догматический) методы. **Результаты:** установлено, что не существует определенного «преступного типа», свойственного всем преступникам, однако всех их объединяет одно свойство — общественная опасность. Это доказывает то, что если лицо совершило преступление, то оно опасно само по себе, независимо ни от каких других признаков. Чем реальнее вероятность совершения преступления, тем выше уровень опасности такого лица. **Выводы:** правильное определение признаков, характеризующих лицо совершившее преступление, установление взаимосвязи готовности лица совершить преступление и его степени общественной опасности, выявление социальной сущности уголовного наказания позволят правильно осмыслить предназначение отечественного уголовного закона в целом, а также определить наиболее эффективные направления применения уголовно-правовых норм в частности.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление, общественная опасность, «преступный тип», личность преступника, готовность совершить преступление, наказание, кара, удержание от совершения преступления.

© Копшева Кристина Олеговна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kristina25.80@mail.ru

© Kopsheva Kristina Olegovna, 2020

Candidate of law, associate Professor of the Department of criminal and Executive law (Saratov state law Academy)

К.О. Kopsheva

**RELATIONSHIP OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY TRAITS
AND PUNISHMENT TO THE PUBLIC DANGER OF THE PERSON
WHO COMMITTED THE CRIME**

Background: a person's desire to commit a crime can be influenced by both their biological and social characteristics, which are inextricably linked. However, crucial among all the characteristics of a person is its social danger, which is measured by the level (degree) of readiness of a person to commit a crime. The higher the risk of its Commission, the higher the degree of public danger of the person. Public danger is a characteristic of the social essence of the criminal. Criminal punishment should also have a social purpose, which is manifested in the possibility of deterring a person from committing a crime, which is also important for the social danger of the person. Russian criminal law in General, and criminal punishment in particular, is more effective the more effectively it forces a person to refrain from committing a crime. **Objective:** theoretical substantiation of the prevalence of social traits in the personality of the offender, as well as socially positive purpose of criminal punishment and criminal law of Russia as a whole. This goal is achieved by solving the following tasks: to reveal the biological and social causes of crimes; to determine the social danger of the person who committed the crime, its degree and nature; to identify the social purpose of criminal punishment and the domestic criminal law. **Methodology:** general scientific (dialectical, analysis, comparison) and private scientific (legal-dogmatic) methods. **Results:** it was found that there is no specific "criminal type" characteristic of all criminals, however, they all share one common property — social danger. This proves that if a person has committed a crime, it is dangerous in itself, regardless of any other signs. The more realistic the likelihood of a crime being committed, the greater the risk of such a person. **Conclusions:** proper identification of symptoms that characterize the person who committed the crime, linking the readiness of persons to commit a crime and degree of public danger, the identification of the social nature of criminal punishment would allow the right to understand the purpose of domestic criminal law in General, and to determine the most efficient areas of application of criminal law.

Key-words: the person who has committed a crime, public danger, «criminal type», the personality of the criminal, readiness to commit a crime, punishment, restraint from committing a crime.

Проблема определения специфических свойств лица, совершившего преступление, не теряет своей актуальности. Изначально привлекалась антропологическая наука, наиболее выдающимся представителем которой был Ч. Ломброзо, он считал, что преступников или большую их часть можно отличить по своеобразным чертам внешности. Выделяя особенную группу «прирожденных преступников» он полагал, что такой человек — есть одновременно некая смесь болезненных отклонений и атавизма¹. Отечественный ученый С.В. Познышев обозначал некий «преступный тип», который складывается из определенных психических особенностей человека, подталкивающий его совершить преступление или, по крайней мере не уклоняться от совершения преступления, если представится такой случай [1, с. 31]. Конечно, каждый человек обладает

¹ *Чезаре Ломброзо. Преступный человек (сборник) / перевод Г. Гордон, К. Тетюшинова, С. Раппопорт, Н. Житкова, К. Толстой. URL: [http://litrus.net/book/read/171420/Prestupnyj_chelovek_\(sbornik\)?p=17](http://litrus.net/book/read/171420/Prestupnyj_chelovek_(sbornik)?p=17) (дата обращения: 18.09.2019).*

определенным набором черт и особенностей, в т.ч. касающихся особенностей характера и психики, которые могут привести к совершению преступления, однако, говорить о том, что преступников объединяют какие-то одинаковые признаки, что может составлять их определенный тип — нельзя.

Современные ученые, изучающие этот вопрос, условно делятся на две группы. Одни из них утверждают, что в контексте уголовного права, и в т.ч. назначения наказания, можно говорить о личности преступника, поскольку он отличается от обычных людей, т.е. можно говорить об особом типе личности, обязательным качеством которого является общественная опасность. Развивая данную позицию, отдельные ученые выделяют типологии личности преступников. Так например, Н.С. Лейкина выделяет такие типы преступников, как: особо опасные, совершившие умышленные насильственные преступления; корыстные, нарушители общественного порядка; не считающиеся с правилами человеческого общежития; неосторожные преступники [2, с. 17]. Вторая группа ученых отстаивает свои утверждения о том, что, поскольку не существует каких-либо особых качеств, объединяющих преступников в особую группу, и объединяет их только то, что все они преступили закон, логичнее говорить не о личности преступника, а о лице, совершившем преступление [3, с. 65].

Не вдаваясь в подробности определения данных дефиниций, необходимо отметить, что действительно, не бывает не только определенного «типа преступника», но и двух одинаковых преступников. Кто-то совершит преступление ситуационно и больше никогда не будет его совершать, другой, являясь не единожды осужденным, продолжит преступную деятельность; один совершит насильственное преступление, а другой — корыстное; кто-то играет особо активную роль в совершении преступления, другой же является рядовыми исполнителем; различно и отношение к совершенному деянию. Таким образом, у каждого преступника свое предназначение и своя социальная роль в обществе, что естественно накладывает отпечаток на институты уголовного права, и в т.ч. на институт назначения и индивидуализации наказания. Но у каждого из них, несмотря на все отличия, есть один общий признак — это их общественная опасность, и у каждого преступника она своя.

Относительно понимания общественной опасности преступника имеются два подхода: ретроспективный и перспективный. В ретроспективном понимании общественная опасность рассматривается как совокупность свойств, побудивших лицо к совершению преступления, или в принципе свойства, указывающего на то, что лицо способно совершить преступление. Перспективное понимание указывает на то, насколько лицо готово совершить преступление в будущем, и чем реальнее эта возможность, тем выше степень его опасности. Лицо, совершившее преступление, не может рассматриваться отдельно от содеянного. Нельзя рассматривать индивида отдельно от его поведения, предшествующего совершению преступления, его личностных качеств, а также совершенного преступления. Нельзя учитывать только причины совершения отдельного преступления, равно как и готовность совершить преступление.

Изучая личность преступника и влияние на нее определенных факторов, ученые пришли к выводу, что можно выделить несколько групп обстоятельств:

1. Обстоятельства, характеризующие лицо в момент совершения преступления и его отношение к совершенному деянию и наступившим последствиям.

2. Обстоятельства, предшествующие совершению преступления (причины и условия совершения преступления).

3. Обстоятельства, характеризующие лицо после совершения преступления (например, явка с повинной).

4. Обстоятельства, которые не зависят от момента их возникновения, но которые должны существовать на момент назначения наказания (например, тяжелая болезнь виновного) [4, с. 380–381]. Тем более, что лицо, которое было опасно на момент совершения преступления, может утратить общественную опасность к моменту назначения наказания, или она может быть существенно снижена. Поэтому, говоря об общественной опасности, необходимо учитывать как ретроспективные, так и перспективные составляющие.

На общественную опасность влияют различные характеристики личности преступника: социальные, т.е. его жизненные установки и цели, моральные качества, его нравственность; развитие личности, характеризующееся его уровнем знаний, практических навыков, квалификацией; психические и эмоциональные особенности, такие как воля, уровень эмоций, наличие каких-либо непатологических расстройств психики, свойства памяти и восприятия окружающего мира; биологические характеристики: патологические изменения психики, особенности характера и темперамента, врожденные инстинкты. Безусловно, определенные биологические признаки влияют на общественную опасность. Так определенные психические расстройства или психические аномалии обуславливают совершение насильственных преступлений. Основываясь на исследованиях известного ученого Ю.М. Антоняна, больше половины лиц, совершивших насильственные преступления, страдают психическими аномалиями. Так, согласно статистике при совершении разбоев, хулиганств, грабежей задействовано больше лиц, страдающих алкоголизмом; при совершении убийств, изнасилований, хулиганств в основном преступники страдают психопатическими расстройствами и органическими заболеваниями нервной системы; большинство изнасилований и хулиганств совершают лица, страдающие олигофренией; а шизофреники в большинстве случаев совершают убийства и хулиганства [5, с. 56–57]. Однако сами по себе эти заболевания не являются прямой причиной криминального поведения и многое зависит от социальных факторов, в частности, воспитания, коррекционных мероприятий по поводу вышеназванных заболеваний, условий жизни. Все характеристики личности взаимосвязаны и взаимозависимы. Если человек является рецидивистом, то вполне объяснимо, что он имеет низкий уровень социальной ответственности, четкие криминальные установки, отрицательное отношение к правилам человеческого общежития, недостаточное интеллектуальное развитие, возможно определенные психологические и психические патологии. Все это оказывает влияние на повышение степени общественной опасности данного лица. Но в то же время крайне опасным может быть и лицо, которое совершает преступление впервые, а его предшествующее поведение не несло собой общественной опасности.

В контексте общественной опасности лица можно говорить не только о ее степени, но и о ее характере. В данном случае, как указывает Б.В. Волженкин, необходимо ориентироваться на объект преступного посягательства. Соответственно, чем значимей объект уголовно-правовой охраны и чем больший вред данному объекту может причинить преступник, тем он опасней [6, с. 118].

Общественная опасность лица, совершившего преступление, напрямую зависит от степени тяжести преступления, совершенного им. Но не всякое преступление свидетельствует об общественной опасности лица. То есть общественная опасность преступника может быть меньше или больше общественной опасности совершенного им преступления. Например, некоторые составы преступлений, с так называемой административной преюдицией, свидетельствует либо о мизерной общественной опасности, либо о ее отсутствии вовсе. Однако не все статьи с административной преюдицией свидетельствуют о сниженной общественной опасности лица. Например, ст. 116 и 116.1 УК РФ наоборот подтверждает высокую степень общественной опасности, поскольку подтверждает высокую вероятность совершения не только повторного аналогичного преступления, но совершения преступления, которое может причинить вред не только телесной неприкосновенности, но здоровью и жизни, что подтверждается многочисленными примерами из практики.

Исходя из того, что преступление — это явление социальное, а в личности преступника также преобладают социальные характеристики, наказание имеет социальное предназначение, должно подталкивать лицо совершившее преступление к социально полезному поведению, к корректировке правосознания, что служит в такой цели как предупреждение совершения новых преступлений. Чем эффективнее наказание окажет воздействие на формирование социально полезных качеств виновного, тем эффективнее будет достигнута цель предупреждения. Именно поэтому в преступном поведении лица берется за основу социальная направляющая, поскольку, если бы роль играло сугубо биологическое начало, какой смысл был бы вообще назначать ему наказание? В таком случае единственной целью наказания выступала бы кара.

Эффективное наказание становится таковым тогда, когда имеющиеся запретительные уголовно-правовые нормы предупреждают преступное поведение, удерживают лицо от совершения преступления, притупляя у него желание совершить преступление. В настоящее время индивид, совершивший преступление и отбывший наказание, имеет высокую степень общественной опасности. Человек получает криминальные навыки, он менее подвержен страху быть привлеченным к уголовной ответственности и понести уголовное наказание. Все это свидетельствует о крайне высокой, реальной возможности совершения преступления вновь. Это положение очень хорошо реализуется в поведении рецидивистов. После двух-трех раз реального отбывания наказания в виде лишения свободы, такому лицу становится не только безразличен тот факт, что его снова привлекут к уголовной ответственности, поскольку у него уже стерто чувство стыда, страха, есть устоявшиеся антисоциальные направленности в поведении, но он даже видит в этом некие положительные черты, что в свою очередь повышает степень общественной опасности преступника.

Именно поэтому наказание прежде всего должно иметь цель перевоспитание лица, т.е. формирования у него уважительного отношения к обществу, выработки положительных привычек, правосознания. В настоящее же время основной сутью наказания остается кара, хотя она и не заявлена в качестве основной цели наказания. А это значит, что наказание не перевоспитывает, не формирует положительную личность для социума, не исправляет лицо и не предупреждает совершение новых преступлений, а устрашает его, что провоцирует совершение лицом преступления вновь и соответственно повышает степень его общественной

опасности. Как справедливо отметил Б.Т. Разгильдиев, прямым результатом действия уголовного закона является удержание лица от совершения преступления, т.е. понуждение его к воздержанию от совершения преступления путем угрозы применения уголовного наказания [7, с. 17–177]. В этом и проявляется социальное предназначение как уголовного наказания, так и уголовного закона в целом.

Таким образом, главенствующей характеристикой лица, совершившего преступление, является его общественная опасность, которая зависит от его степени (уровня) готовности совершить преступление. Основным же предназначением наказания выступает возможность удержать человека от совершения преступления, т.е. максимально снизить его общественную опасность, в чем и проявляется социальная значимость закона.

Библиографический список

1. *Познышев С.В.* Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. М.: Инфра-М, 2007. 302 с.
2. *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 128 с.
3. *Рагимов И.М.* Философия преступления и наказания. СПб.: ИД Р. Асланова «Юридический центр», 2013. 288 с.
4. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 516 с.
5. *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987. 208 с.
6. *Волженкин Б.В.* Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 969 с.
7. *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовое воздействие и его пределы // Правоведение. 2011. № 2. С. 174–179.

References

1. *Poznyshov S.V.* Criminal psychology. Criminal types. On the psychological study of personality as a subject of behavior in General and the study of the personality of the offender in particular / comp. and preface.: Ovchinsky V.S., Fedorov A.V.: Infra-M, 2007. 302 p.
2. *Leykina N.S.* Personality of the criminal and criminal liability. L.: Publishing house leningr. University press, 1968. 128 p.
3. *Ragimov I.M.* Philosophy of crime and punishment. SPb.: Publishing house of R. Aslanov «Law center», 2013. 288 p.
4. Criminal law. General part: textbook for universities / resp. EDS. I.Y. Kozachenko and Z.A. Neznamova. M.: NORMA-INFRA-M, 1999. 516 p.
5. *Antonyan Yu.M., Borodin S.V.* Crime and mental anomalies. M.: Science, 1987. 208 p.
6. *Volzhenkin B.V.* Selected works on criminal law and criminology (1963-2007). SPb.: Law center Press, 2008. 969 p.
7. *Razgildiev B.T.* Criminally-legal influence and its limits // Jurisprudence. 2011. No. 2. P. 174–179.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10109

УДК 343.163

А.Ю. Чурикова

МОДЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА ПРОФИЛАКТИКУ НАРУШЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА*

Введение: нарушения закона, допускаемые при расследовании и рассмотрении уголовных дел, особенно остро воспринимаются гражданами, формируя негативный образ правоохранительных органов и судебной власти. Существующая правовая модель деятельности прокурора ориентирована на выявление уже совершенных нарушений уголовно-процессуального законодательства. Действующее законодательство не предусматривает профилактики нарушений закона профессиональными участниками уголовного процесса. **Цель:** проанализировать причины и условия, способствующие нарушению уголовно-процессуального законодательства и сформулировать меры, направленные на формирование модели деятельности прокурора, ориентированной на профилактику таких нарушений. **Методологическая основа:** использовались общенаучный диалектический метод, а также моделирование, логический, системно-структурный и статистический, частнонаучные методы познания. **Результаты:** выделены причины и условия, способствующие нарушениям уголовно-процессуального закона, и предложены меры по формированию модели деятельности прокурора, ориентированной на предупреждение совершения таких нарушений. **Выводы:** предупреждение прокурорами нарушений повысит общий уровень законности в сфере уголовного судопроизводства и, как следствие, будет способствовать формированию в обществе представлений о неукоснительности соблюдения закона органами предварительного расследования.

Ключевые слова: прокурор, причины нарушений уголовно-процессуального закона, уголовный процесс, профилактика нарушений, правовая модель.

A. Yu. Churikova

MODEL OF PROSECUTOR'S ACTIVITY FOCUSED ON VIOLATIONS OF CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION PREVENTION

Background: violations of the law committed during the investigation and consideration of criminal cases are particularly acutely perceived by citizens, forming a negative image of law enforcement agencies and the judiciary. The existing legal model of the Prosecu-

© Чурикова Анна Юрьевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: a_tschurikova@bk.ru

© Churikova Anna Yurievna, 2020

Candidate of law, associated Professor, Administrative and criminal law department, Volga Institute of management named after P.A. Stolypin, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887.

tor's activity is focused on identifying already committed violations of criminal procedure legislation. Current legislation does not provide for the prevention of violations of the law by professional participants in criminal proceedings. Objective: to analyze the causes and conditions that contribute to violations of criminal procedure legislation and formulate measures aimed at forming a model of Prosecutor's activity aimed at preventing such violations. Methodology: the general scientific dialectical method, as well as modeling, logical, system-structural and statistical private scientific methods of cognition were used in the research. Results: causes and conditions contributing to violations of the criminal procedure law have been identified and measures have been proposed to establish a model of the activities of the prosecutor aimed at preventing the commission of such violations. Conclusions: the prevention of violations by prosecutors will increase the overall level of legality in criminal proceedings and, as a result, will contribute to the formation of public perceptions of strict compliance with the law by preliminary investigation bodies.

Key-words: prosecutor, causes for violations of the criminal procedure law, criminal process, prevention of violations, legal model.

Гарантом соблюдения законности в сфере уголовного судопроизводства всегда был и остается ныне прокурор. Несмотря на существенное ограничение полномочий прокурора в отношении органов предварительного следствия (действующие с 2007 г.), граждане по-прежнему предпочитают обращаться за защитой своих нарушенных в ходе расследования прав в органы прокуратуры¹. При этом количество нарушений в сфере уголовного судопроизводства продолжает расти, а удовлетворенность граждан работой органов следствия, дознания, а в последующем и суда, остается стабильно невысокой.

Сложившаяся ситуация с систематическими нарушениями уголовно-процессуального законодательства имеет различные многообразные причины возникновения. Анализируя научные труды ученых-процессуалистов, можно отметить некоторые, наиболее часто выделяемые из них:

1) объективные: недостатки прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля, а также условия работы [1, с. 116; 2, с. 94–119]; недостатки действующего законодательства [3, с. 137]; большое количество уголовных дел в производстве органов расследования; недостатки в подготовке кадров, оценке и стимулировании их труда; «несвоевременная и неполная передача следователю результатов ОРД, имеющих значение для расследования уголовного дела» [4, с. 151];

2) субъективные: уровень профессиональной подготовки и отношение к работе лиц, проводящих расследование (включая профессиональные деформации) [1, с. 117–118; 4, с. 151–152; 5, с. 8–9].

А.Д. Назаров, выделяя причины следственных и судебных ошибок, оперирует схемой «дело — судья — судебная система» [6, с. 103–129], фиксирует при этом три уровня причин:

1) непосредственные причины (выделяемые автором в данной группе: например, непроведение или проведение с нарушением следственных действий, ошибки при оценке доказательств и выдвижении версий, на наш взгляд, скорее сами являются нарушениями действующего законодательства);

¹ Об этом свидетельствуют данные социологического исследования, проведенного ВЦИОМ: Правоохранительные и судебные органы: рейтинг защитников прав и свобод. Прокуратура лидирует в народном рейтинге. МВД и суды — на втором и третьем местах. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Данные опросов. № 3667. 22 мая 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9110> (дата обращения: 24.02.2020).

2) причины, связанные с условиями деятельности следователей и судей, которые автор также, как и другие авторы, подразделяет на объективные и субъективные (содержание данных причин схоже с указанными выше);

3) обобщенные факторы, «которые характеризуют условия деятельности следственных аппаратов и судебной системы в целом» [6, с. 128] (к ним автор относит дефекты правосознания и нравственного сознания, уровень подготовки кадров для следственной и судебной систем, т.е. причины, относимые другими авторами к субъективным).

В целом соглашаясь с выделением причин таких нарушений действующего уголовно-процессуального законодательства, считаем необходимым обратить особое внимание на существующую систему сбора статистических данных об уголовно-процессуальной деятельности, которая ложится в основу оценки деятельности государственных органов и должностных лиц в уголовном процессе, так называемая «палочная система». Данная система, на наш взгляд, прямо провоцирует совершение прокурорами, руководителями следственных органов, следователями и дознавателями ряда нарушений уголовно-процессуального законодательства. Например, часто встречаемые незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, по которым низка вероятность установления лиц, совершивших преступления, вызваны тем, что приостановление расследования по уголовным делам, по которым лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых, не установлены, идут в «отрицательную» статистическую отчетность.

Кроме того, существует ряд условий, способствующих совершению нарушений уголовно-процессуального закона. К таковым, в частности, можно отнести поведение и уровень правосознания непрофессиональных участников уголовного судопроизводства (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого) и уровень профессионализма и правовой культуры профессиональных участников, вовлеченных в уголовный процесс (адвоката-защитника). Пассивное поведение участников процесса, отсутствие реакции на нарушения уголовно-процессуального законодательства, низкая правовая грамотность, не позволяющая распознать нарушения, способствуют совершению судьями, прокурорами, органами дознания и предварительного следствия нарушений уголовно-процессуального законодательства. В свою очередь активное обжалование незаконных действий и решений, проявление принципиальной позиции по отстаиванию своих прав и законных интересов способствуют устранению нарушений действующего законодательства и профилактике их совершения в последующем.

Применяемые меры по профилактике нарушений уголовно-процессуального законодательства. Прокурор является единственным участником уголовного процесса, наделенным полномочиями по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Представляется, что цель прокурорского надзора должна заключаться не в том, чтобы просто выявить и констатировать факт нарушения уголовно-процессуального законодательства, а в том, чтобы обеспечить законность в поднадзорной сфере, а это возможно лишь при значительных усилиях, направленных на профилактику нарушений действующего законодательства органами расследования.

Какие меры предпринимают органы прокуратуры по недопущению нарушений действующего уголовно-процессуального законодательства органами дознания и предварительного следствия? Из официальной статистики мы видим, что такими фактически единственно применяемыми мерами являются требования

прокуроров о привлечении к ответственности лиц, допустивших нарушения уголовно-процессуального законодательства (в данных официальной статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации приводятся сведения о том, сколько привлечено лиц к дисциплинарной ответственности по результатам выявления прокурорами нарушений уголовно-процессуального законодательства: в 2015 г. — 145269 должностных лиц, в 2016 г. — 165640, в 2017 г. — 178992; в 2018 г. — 192598²). Но, как показывает практика, количество нарушений уголовно-процессуального законодательства от этого не уменьшается.

Стоит отметить также низкий уровень правового регулирования возможности профилактики нарушений уголовно-процессуального законодательства прокурорами. При анализе положений действующего УПК РФ (п. 3, п. 5.1, п. 6, п. 10 ч. 2 ст. 37, ст. 221, ст. 226, ст. 226.8) и ведомственных нормативных актов, регламентирующих деятельность прокурора в уголовном процессе, становится очевидным, что существующая модель деятельности прокурора фактически нацелена не на предотвращение нарушений уголовно-процессуального законодательства, а на выявление уже произошедших нарушений. К сожалению, вопросы деятельности прокуроров по профилактике нарушений уголовно-процессуального законодательства также не освещаются в приказах и указаниях Генеральной прокуратуры³.

Несмотря на значение предупреждения нарушений закона в сфере уголовного судопроизводства, прокуроры лишены возможности предупреждать преступления, что, однако, соответствует действующему законодательству.

В этой связи Т.В. Раскина и М.А. Магомедов обоснованно подвергают критике положения Федерального закона «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁴, фактически не предоставляющего прокурорам никаких возможностей для предупреждения правонарушений [7, с. 132–134; 8, с. 169].

Несмотря на недостатки правового регулирования, органы прокуратуры предпринимают действия, направленные на профилактику нарушений уголовно-процессуального законодательства органами предварительного расследования. Прежде всего, это обобщение выявленных нарушений и составление перечней типичных ошибок, допускаемых следователями и дознавателями, которые доводятся до их сведения на координационных совещаниях⁵.

Способствуют предупреждению нарушений закона в сфере уголовного судопроизводства и размещаемая органами прокуратуры на официальных сайтах информация с разъяснениями уголовно-процессуального законодательства и обзором вносимых в него изменений⁶.

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2015 г., 2016 г., 2017 г., 2018 г. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/> (дата обращения: 27.02.2020).

³ См. Приказ Генеральной прокуратуры России от 26 янв. 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Законность. 2017. № 5; Приказ Генеральной прокуратуры России от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2017. № 3.

⁴ См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 28 июня.

⁵ См., например: Прокуратурой выявлены нарушения уголовно-процессуального закона. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1392984/> (дата обращения: 28.02.2020).

⁶ См., например: Прокурор разъясняет: Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов дознания // Официальный сайт прокуратуры Камчатского края. URL: <https://kamprok.ru/prokuror-razyasnyet-prokurorskiy-nadzor-za-ugolovno-protsessualnoj-deyatelnostyu-organov-doznaniya/> (дата обращения: 28.02.2020).

Однако предпринимаемых органами прокуратуры мер недостаточно, количество нарушений в сфере уголовного судопроизводства из года в год стабильно растет, в результате чего у граждан формируется негативное представление о работе правоохранительных органов.

Предлагаемые меры по формированию модели деятельности прокурора, ориентированной на профилактику нарушений уголовно-процессуального законодательства.

Главенствующим фактором формирования модели деятельности прокурора, ориентированной на предупреждение нарушений, является должный уровень нормативно-правового регулирования профилактической работы органов прокуратуры.

В уголовно-процессуальном законодательстве должно быть прямо указано на необходимость осуществления прокурорами действий, направленных на предупреждение нарушений в сфере уголовного судопроизводства. Модель деятельности прокурора должна быть ориентирована не на выявление нарушений уголовно-процессуального законодательства постфактум (когда зачастую сложно что-либо исправить без новых нарушений закона), а на профилактику нарушений в деятельности органов предварительного расследования. Одного декларирования данного направления недостаточно, требуется продуманная и слаженная система функций прокурора с учетом необходимости осуществления им профилактической работы.

Базовая правовая модель деятельности прокурора включает в себя цель, задачи, функции и полномочия. Формируя модель, ориентированную на профилактику нарушений закона, необходимо прямо в ст. 37 УПК РФ указать на выполнение прокурором данной функции. Для реализации этого прокурору потребуются полномочия, позволяющие ему беспрепятственно знакомиться с материалами уголовного дела и вести наблюдение за ходом расследования. Способствовать реализации таких полномочий может цифровизация уголовного судопроизводства с введением возможности электронного обмена данными между прокурорами и органами предварительного расследования.

Но одной нормативной регламентации будет недостаточно для формирования модели деятельности, ориентированной на профилактику нарушений уголовно-процессуального законодательства профессиональными субъектами. Необходимо также применить меры практического характера.

В первую очередь — это проведение органами прокуратуры качественной аналитической работы по выявлению причин и условий, способствующих систематическим нарушениям уголовно-процессуального законодательства в досудебных стадиях уголовного процесса.

Как отмечает Т.В. Раскина, органами прокуратуры в субъектах Российской Федерации аналитическая работа по данному направлению, за редким исключением, практически не ведется [9, с. 48].

Работа по обобщению и анализу практики нарушений уголовно-процессуального законодательства необходима и должна вестись органами прокуратуры (так как именно на них возложен надзор за соблюдением уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве) в целях:

выявления типичных нарушений уголовно-процессуального законодательства, допускаемых органами предварительного следствия и дознания;

выявления причин и условий, способствующих нарушениям уголовно-процессуального законодательства;

обеспечения единства практики применения органами прокуратуры, следственными органами и органами дознания действующего уголовно-процессуального законодательства;

снижения количества нарушений уголовно-процессуального законодательства и повышение уровня защищенности граждан и организаций, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства;

повышения уровня законности и правопорядка за счет обеспечения соблюдения органами дознания и предварительного следствия уголовно-процессуального закона;

совершенствования нормативных правовых актов, включая Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Лишь по итогам проведенного системного анализа сложившейся в уголовном судопроизводстве ситуации будет возможна подготовка и проведение профилактических мероприятий, направленных на предупреждение нарушения уголовно-процессуального закона органами дознания и предварительного следствия.

Методику проведения такой работы возможно разработать и описать в рамках ведомственных нормативно-правовых актов.

Следующим фактором, способным обеспечить должный уровень профилактики нарушений закона, является систематическое проведение мероприятий, направленных на повышение уровня правосознания непрофессиональных участников уголовного судопроизводства (потерпевших, подозреваемых и т.д.).

Четвертым важным условием является повышение уровня прозрачности процедур осуществляемых в уголовном судопроизводстве. Обеспечить выполнение данного условия возможно путем создания личных кабинетов для заинтересованных участников уголовного процесса, в которых они смогут отслеживать движение материалов уголовного дела и принимаемые по нему решения.

При правильной организации профилактических мероприятий органами прокуратуры в поднадзорной сфере должны произойти следующие изменения:

1) число нарушений уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве снизится;

2) качество расследования уголовных дел улучшится;

3) возрастет степень удовлетворенности со стороны граждан и организаций, вовлеченных в уголовное судопроизводство, действиями и решениями правоохранительных органов.

Предлагаемые меры, безусловно, не являются единственно возможными, но их реализация будет способствовать формированию модели деятельности прокурора, ориентированной на профилактику нарушений уголовно-процессуального законодательства.

Предупреждение нарушений повысит общий уровень законности в сфере уголовного судопроизводства и, как следствие, удовлетворенность заинтересованных участников уголовного процесса деятельностью правоохранительных органов; будет способствовать формированию в обществе представлений о неукоснительности соблюдения закона органами предварительного расследования.

Библиографический список

1. *Ширванов А.А., Камнева Е.В.* Профессиональная деформация личности как причина нарушений закона в уголовном судопроизводстве // Научный портал МВД России. 2008. № 3.
2. *Манова Н.С.* Обеспечение процессуальной самостоятельности следователя в системе контрольно-надзорных отношений на досудебном производстве // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. 2016. С. 94–119.
3. *Чурикова А.Ю.* Правовая модель деятельности прокурора в досудебном производстве (российский опыт и международная практика): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
4. *Тутикова И.А.* Жалобы участников уголовного судопроизводства как результат следственных ошибок на стадии предварительного расследования // Вестник Удмуртского ун-та. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 4.
5. *Логунов О.В., Умнов С.П., Кутуев Э.К.* О необходимости упразднения современной стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2019. № 1 (55). С. 7–10.
6. *Назаров А.Д.* Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. 352 с.
7. *Раскина Т.В.* К вопросу о совершенствовании правового регулирования профилактики прокурорами правонарушений // Современные проблемы права и управления: сборник докладов 8-ой Международной научной конференции. Тула, 2018. С. 131–136.
8. *Магомедов М.А.* Профилактическая функция прокуратуры Российской Федерации и совершенствование ее правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1. С. 169–172.
9. *Раскина Т.В.* Анализ состояния законности и правопорядка в прокуратуре субъекта Российской Федерации: реальность и перспективы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 5 (55). С. 44–50.

References

1. *Shirvanov A.A., Kamneva E.V.* Professional Deformation of the Personality as the Reason for Violations of the Law in Criminal Proceedings // Scientific portal of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2008. No. 3.
2. *Manova N.S.* Ensuring Procedural Independence of the Investigator in the System of Control and Supervisory Relations in Pre-trial Proceedings // Actual Problems of Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings. Moscow, 2016. P. 94–119.
3. *Churikova A.Yu.* Legal Model of Prosecutor's Activity in Pre-trial Proceedings (Russian experience and international practice): diss. ... cand. of law. Saratov, 2010.
4. *Tutikova I.A.* Complaints of Participants in Criminal Proceedings as a Result of Investigative Errors at the Stage of Preliminary Investigation // Bulletin of Udmurt University. Economics and law series. 2015. Vol. 25. No. 4.
5. *Logunov O.V., Umnov S.P., Kutuev E.K.* On the Need to Abolish the Current Stage of Criminal Proceedings // Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (55). P. 7–10.
6. *Nazarov A.D.* Investigative and Judicial Errors and the Criminal Procedure Mechanism for their Elimination: Conceptual Foundations: dis. ... doc. of law. SPb., 2017. 352 p.
7. *Raskina T.V.* On the Issue of Improving the Legal Regulation of Prevention of Offenses by Prosecutors // Modern Problems of Law and Management: collection of reports of the 8th International scientific conference. Tula, 2018. P. 131–136.
8. *Magomedov M.A.* Preventive Function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and Improvement of its Legal Regulation // Problems of Economics and Legal Practice. 2018. No 1. P. 169–172.
9. *Raskina T.V.* Analysis of the State of Law and Order in the Prosecutor's Office of the Subject of the Russian Federation: Reality and Prospects // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's office of the Russian Federation. 2016. No. 5 (55). P. 44–50.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10110

УДК 343

М.М. Могунова

ТЕХНОЛОГИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НЕЗАКОННОГО ОВЛАДЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫМИ БАНКОВСКИМИ ДАННЫМИ (ФИШИНГ)

Введение: актуальность статьи обусловлена необходимостью выработки современного понятия фишинга, отсутствующего в законодательстве и рассмотрением его с позиции применения социальной инженерии. **Цель:** автор ставит перед собой цель разработать понятие и исследовать современные механизмы осуществления фишинга, проанализировать его правовую регламентацию. **Методологическая основа:** исследование проводилось с использованием метода анализа и синтеза, с чьей помощью велся анализ составляющих частей, с последующим их объединением воедино в новом авторском определении фишинга. **Результаты:** сопоставляя понятия «персональные данные» и «компьютерная информация», фишинг можно определить как получение путем обмана или методов социальной инженерии (хакерства с использованием человеческого фактора) персональных данных для использования в корыстных, преступных целях. Реализация фишинга имеет два механизма: во-первых, посредническое получение персональных данных, во-вторых, получение личных данных у самого их владельца. **Выводы:** предлагается дополнить гл. 28 УК РФ ст. 272.1 «Получение путем обмана или методов социальной инженерии электронных персональных данных для использования в корыстных целях», квалифицирующими признаками которой стали бы совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или использование служебного положения.

Ключевые слова: фишинг, социальная инженерия, персональные данные, компьютерная информация.

М.М. Mogunova

TECHNOLOGY OF IMPLEMENTATION AND LEGAL REGULATION OF ILLEGAL POSSESSION OF PERSONAL BANKING DATA (PHISHING)

Background: the relevance of the article is due to the need to develop a modern concept of phishing, which is absent in the legislation, and to consider it from the perspective of social engineering. **Objective:** the author aims to develop the concept and study modern mechanisms of phishing, to analyze its legal regulation. **Methodology:** the research was carried out by means of using the method of analysis and synthesis, which was used to analyze the components, and then combine them together in the frame of the new author's definition of phishing. **Results:** comparing the concepts of "personal data" and "computer information" phishing can be defined as obtaining by deception or methods of social engineering (hacking

© Могунова Мадина Муратовна, 2020
Аспирант кафедры уголовного права и криминологии (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского); e-mail: mogunova83@mail.ru
© Mogunova Madina Muratovna, 2020
Post-graduate student, Criminal law and criminology department (Omsk State University named after F.M. Dostoevskiy)

using the human factor) personal data for mercenary, criminal purposes. The implementation of phishing has two mechanisms: first, the intermediary receipt of personal data, and second, the receipt of personal data from the owner himself. Conclusion: it is suggested to supply Chapter 28 of the Criminal code Article 272.1 "Obtaining by deception or methods of social engineering electronic personal data for selfish purposes", the qualifying features of which would be committing the crime by a group of persons by prior agreement or the use of official position.

Key-words: *phishing, social engineering, personal data, computer information.*

Исследуя отечественное законодательство, следует отметить некоторую его ограниченность в регулировании и определении современных преступлений в сети Интернет. Требуется если не кардинальная переработка, то, во всяком случае, серьезные дополнения в соответствии с реалиями времени. Сегодня постоянно возрастает количество и происходит видоизменение и усложнение компьютерных преступлений, между тем, положения гл. 28 УК РФ остаются консервативными.

Отечественные исследователи считают фишинг одним из современных видов мошенничества в сети Интернет, который состоит в обмане жертвы, в результате которого она добровольно либо под влиянием страха, эмоционального порыва предоставляет фишеру личные данные, которые впоследствии используются для различных противоправных действий против нее. Жертвами фишинга становятся как работники финансовых учреждений, так и пользователи их услуг, а из-за постоянного расширения круга доступа к таким услугам, масштабы данного вида преступлений, также увеличиваются, растут латентность и криминогенность.

Проводя данное исследование можно отследить развитие такого явления как фишинг начиная со времени его появления в 1996 г. (в простейших почтовых формах) и до наших дней (создания фишинг-паков).

Изучая международные инструменты по защите персональных данных Международный Пакт о гражданских и политических правах, Руководящие принципы ООН по регламентации компьютеризированных картотек, содержащих данные личного характера, Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Право на приватность в цифровую эпоху» можно заметить, что правовые нормы направлены на предупреждение, профилактику и борьбу с преступлениями, совершаемыми без участия потерпевшей стороны, т.е. более современные изощренные способы мошенничества (такие как фишинг) пока не нашли своего отражения в международном законодательстве.

В контексте отечественного законодательства, в частности ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г.¹ лишь положения ст. 22.1 можно в какой-то мере применить к фишингу.

В странах с наиболее развитой законодательной системой законодатель делает попытки создания актов местного значения, среди них можно отметить Закон о мошенничестве, принятый в Великобритании в 2006 г., проект Анти-фишингового закона 2005 г. в США (не был принят). В России ответственность за такого рода преступления предусматривается Уголовным кодексом, который не

¹ См.: Федеральный Закон Российской Федерации «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (с изм. и доп. от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 3451.

соответствует современным реалиям, несмотря на многочисленные предложения ученых-правоведов, разрабатываемые ими в научных трудах.

Большим вкладом в совершенствование гл. 28 УК РФ могли бы стать идеи Т.Л. Тропиной, предложенные ею еще в 2005 г. [1, с. 11]. Считаем, что признак умышленности, вводимый ею, характерен для всех противоправных действий фишеров.

В России еще в 2015 г. обсуждали законопроект о введении уголовной ответственности за фишинг, но до настоящего времени он не принят, несмотря на мощную поддержку Центрального Банка РФ, для которого установление уголовной ответственности за фишинг весьма актуально.

Проблемы уголовной ответственности за фишинг все чаще становятся предметом научных исследований, например С.С. Хачатурова и Ю.П. Жихарева (2016 г.) [2] выделяют особые направления для анализа фишинга: психологическое, юридическое и экономическое; Р.Р. Гайфутдинов (2017 г.) [3] проводит подробный анализ личности преступника, общие положения о развитии киберпреступности содержат научные статьи Т.Н. Бородкиной, А.В. Павлюк (2018 г.) [4], Э.Л. Кочкиной (2017 г.) [5], В.В. Тулегенова (2014 г.) [6], Е.А. Буданова и А.Н. Богомолов (2011 г.) [7] предлагают введение уголовной ответственности за приобретение или сбыт компьютерных данных и баз данных.

Хотелось бы обратить особое внимание на последнее исследование, т.к. в нем проведен анализ норм УК РФ, по которым наступает уголовная ответственность за приобретение и сбыт компьютерных данных и баз данных. Также следует отметить исследование В.Г. Степанова-Египянц, предлагающего сделать уголовно-наказуемыми «производство, продажу, приобретение для использования компьютерных паролей, кодов доступа или иных данных...» [8].

В действующем законодательстве дается понятие компьютерной информации как сведений (сообщений, данных), предоставляемых в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (примечание к ст. 272 УК РФ). Объектом преступления по ст. 159.6 УК РФ является также компьютерная информация. Обращаясь к научным исследованиям в данной области, можно отметить предложение Е.А. Будановой и А.Н. Богомолова дополнить УК РФ ст. 272.1 «Приобретение или сбыт компьютерных данных и баз данных» [8]. На наш взгляд, данному исследованию не хватает определения взаимосвязи между персональными данными и компьютерными данными (информации).

В соответствии с п. 1 ст. 3 ФЗ РФ «О персональных данных» «персональные данные — это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу»².

Таким образом, сопоставляя понятия «персональные данные» и «компьютерная информация», фишинг можно определить как получение путем обмана или методов социальной инженерии (хакерства с использованием человеческого фактора) персональных данных для использования в корыстных, преступных целях.

Мы также приходим к выводу, что совершенствование уголовного законодательства, связанное с вопросами криминализации современной высокотехно-

² См.: Федеральный Закон Российской Федерации «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (с изм. и доп. от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 3451.

логичной преступности в сети Интернет, должно проводиться совместно право-ведами и специалистами в области кибербезопасности.

Далее рассмотрим механизм и технологию осуществления фишинга, о кото-рых мы упомянули, давая определение этому термину.

Первый способ состоит в получении искомых данных путем обмана жертвы. Обманом согласно п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» счита-ют «способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, состоящий в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях... направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение».

Получение персональных данных путем обмана жертвы практикуется в пре-ступной среде с момента появления электронных платежных инструментов, схем обмана с целью получить чужие средства множество: это и смс-рассылки и звонки на мобильный телефон, побуждающие жертву перевести деньги мошен-нику, сюда также можно отнести предложения оформить выгодный кредит или, наоборот, избавиться от кредита, с выгодой разместить денежные средства, либо приобрести товар и т.д. Такие методы обмана чаще всего применяются и дают результаты в отношении рядовых граждан в их повседневной жизни.

Большой интерес для современного исследователя представляет второй способ осуществления фишинга — социальная инженерия. Данный термин пока не встречается в правовых научных исследованиях, т.к. введен в оборот специали-стами, отвечающими за безопасность компьютерных систем, а не юристами.

Фишингу, осуществляемому при помощи социальной инженерии, присущ абсолютно добровольный характер действий жертвы, т.к. преступник, как пра-вило, хорошо разбирается в психологии человека.

Популярность социальной инженерии растет с углублением перехода различ-ных сфер жизнедеятельности общества в информационную среду. Фишинг, осу-ществляемый с помощью социальной инженерии, заключается в выведывании у жертвы ее персональных данных, используя тонкие психологические приемы. Традиционным обманом это уже сложно назвать, т.к. данный способ применяется уже не только в отношении обывателя, но и лиц, в силу должностных обязанно-стей владеющих конфиденциальной информацией (базами клиентских данных), т.е. людей в какой-то степени подготовленных к соблюдению профессиональной тайны, но тем не менее, также добровольно делящихся информацией.

Характеристика личности преступника (фишера) неоднозначна. Например Р.Р. Гайфутдинов относит фишеров к профессиональным компьютерным мошен-никам, владеющим психологическими приемами, удаленно воздействующими на сознание человека [3], М.В. Кузнецов и И.В. Симдянов в своей книге «Социальная инженерия и социальные хакеры» описывают фишера как человека, умеющего вести телефонную беседу [9]. Стоит согласиться с мнением В.В. Тулегенова о том, что киберпреступник (фишер), располагающий научными знаниями, которые он может реализовать, гораздо более опасен [6].

Уровень подготовленности современных фишинговых атак не оставляет сомнений в высокой степени профессионализма фишеров. Ими создаются интернет-сервисы, анализирующие и настраивающие фишинг компаниям, отслеживающие обновления программного обеспечения. Фишинг-паки, созда-

ваемые фишером — это рабочие решения, с помощью которых разворачиваются вредоносные страницы и похищаются данные пользователей.

Сложность в противостоянии фишинг-атакам заключается в постоянном обновлении киберпреступниками методов совершения преступлений, их растущем профессионализме и организованности. Кроме того, масштабы распространения интернет-технологий и вовлечение все большего круга людей в сферу пользователей онлайн-услуг, дает возможность киберпреступникам еще больше расширить ареал своей противоправной деятельности.

Важной особенностью механизма осуществления фишинга является дистанционный характер действий преступника. При помощи методов социальной инженерии могут быть завязаны даже дружеские отношения с жертвой, но все общение при этом происходит онлайн, без личных контактов.

Самая распространенная технология осуществления фишинга — почтовая. Она заключается в получении на электронный адрес пользователя письма с просьбой предоставить какие-либо конфиденциальные данные, отправителем которого является фишер, подменивший свой адрес на адрес любой легитимной организации или интернет-ресурса.

Еще одна технология — онлайн-овая, состоит в копировании популярных сайтов интернет-магазинов с почти идентичным доменным именем и дизайном, где товар предлагается по низким ценам. При совершении покупки на таком сайте, данные кредитной карты получает фишер, который тут же снимает с нее все средства.

Учитывая все же растущую грамотность среди пользователей интернет-ресурсов, злоумышленниками стала использоваться технология комбинированного фишинга, объединяющая почтовый и онлайн-овый фишинг и в настоящее время приобретающая большую популярность.

Фишинг, с нашей точки зрения, имеет два механизма реализации. Первый — это получение персональных данных через посредника (лица, которое в силу должностных обязанностей имеют доступ к чужим данным), второй заключается в получении личных данных у самого их владельца. Обман является движущей силой механизма фишинга.

Зачастую он возбуждает у жертвы желание или согласие передать фишеру свои данные. Жертва, как правило, добровольно идет на контакт со злоумышленником, что впоследствии дает ему возможность отрицать наличие умысла в своих действиях.

Считаем, что назрела необходимость введения уголовной ответственности за фишинг в финансовой сфере, т.к. субъекты экономических отношений несут колоссальные убытки, а количество преступлений продолжает расти. Принимая во внимание транснациональный характер данного вида преступлений, необходимо включение соответствующих норм ответственности в международные акты.

Анализ научных исследований приводит к выводу, что сам фишинг в современном его понимании не вошел в научные интересы авторов, хотя и существовал на тот момент. Поэтому, опираясь на существующие исследования, а также собственные выводы, предлагаем дополнить гл. 28 УК РФ ст. 272.1 «Получение путем обмана или методов социальной инженерии электронных персональных данных для использования в корыстных целях», квалифицирующими признаками которой стали бы совершение преступления группой лиц по предваритель-

ному сговору или использование служебного положения. Изложить указанную статью предлагаем в следующей редакции:

Статья 272.1 «Получение путем обмана или методов социальной инженерии электронных персональных данных для использования в корыстных целях»

1. Получение путем личного контакта с использованием обмана или методов социальной инженерии электронных персональных данных для использования в корыстных целях,

наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, причинившее крупный ущерб,

наказывается штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо исправительными работами на срок до трех лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения,

наказываются ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления,

наказываются лишением свободы на срок до семи лет.

Библиографический список

1. *Тропина Т.Л.* Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 25 с.

2. *Хачатурова С.С., Жихарева Ю.П.* Осторожно, фишинг // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 4 (часть 4). С. 793–795.

3. *Гайфутдинов Р.Р.* К вопросу о типологии личности компьютерных преступников с учетом характера и мотивации их криминальной деятельности // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 245–256.

4. *Бородкина Т.Н., Павлюк А.В.* Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 135–137.

5. *Кочкина Э.Л.* Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. С.

6. *Тулегенов В.В.* Киберпреступность как форма выражения криминального профессионализма // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2(33). С. 94–97.

7. *Буданова Е.А., Богомолов А.Н.* К вопросу об ответственности за неправомерное завладение данными кредитных либо расчетных карт и их оборот в теневом секторе экономики // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Право. 2011. Вып. 7 (99). С. 234–239

8. *Степанов-Егиянц В.Г.* Конституционные основы уголовно-правового обеспечения безопасности компьютерной информации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 2.

9. *Кузнецов М.В., Симдянов И.В.* Социальная инженерия и социальные хакеры. СПб.: БХВ-Петербург, 2007. 368 с.

References

1. *Tropina T.L.* Cybercrime: Concept, State, Criminal-legal Measures of Fight. Extended abstract diss. of cand. of law. Vladivostok, 2005. 25 p.

2. *Khachaturova S.S., Zhikhareva Yu.P.* Caution, Phishing! [Electronic resource] // international journal of applied and fundamental research. 2016. № 4 (part 4). P. 79–795.

3. *Gaifutdinov R.R.* On the Question of Typology of Personality of Computer Criminals Taking into Account the Nature and Motivation of Their Criminal Activity // Questions of Russian and international law. 2017. Volume 7. No (part 4). P. 245–256

4. *Borodkina T.N., Pavlyuk A.V.* Cybercrime: Concept, Content and Measures of Counteraction // Socio-political Sciences. 2018. No 1. P. 135–137.

5. *Kochkina E.L.* Definition of the Concept «Cybercrime». Certain Types of Cybercrime // Siberian criminal procedural and criminalistics readings. 2017. No. 3 (17).

6. *Tulegenov V.V.* Cybercrime as a Form of Expression of Criminal Professionalism // Criminology yesterday, today, tomorrow. 2014. № 2(33). P. 94–97.

7. *Budanova E.A., Bogomolov A.N.* On the Issue of Liability for Illegal Acquisition of Credit or Settlement Card Data and Their Turnover in the Shadow Sector of the Economy // Bulletin of TSU. Humanities Sciences. 2011. Issue 7 (99). P. 234–239.

8. *Stepanov-Egiyants V.G.* Constitutional Bases of Criminal and Legal Security of Computer Information // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2016. № 2. .

9. *Kuznetsov M.V., Simdyanov I.V.* Social Engineering and Social Hackers. Saint Petersburg: BHV-Petersburg, 2007. 368 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10111

УДК 336.22

А.С. Кондукторов

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ОТ 25 МАРТА 2020 ГОДА: БОРЬБА С «ОФШОРНОЙ ПАНДЕМИЕЙ»

Введение: в России систематично ведется работа по противодействию уклонению от уплаты налогов, и даже пандемия коронавирусной инфекции не способна приостановить эту деятельность. **Цель:** анализ фактических причин и правовых предпосылок использования организаций, зарегистрированных в офшорных юрисдикциях, для уклонения от уплаты налогов; систематизация правовых способов и законодательных инициатив, направленных на противодействие уклонению от уплаты налогов посредством использования офшорных юрисдикций. **Методологическая основа:** автором применялись аналитический, сравнительно-правовой и статистический методы. **Результаты:** выявлены правовые причины, позволяющие использовать офшорные организации в противозаконных целях; выделены этапы правового противодействия уклонению от уплаты налогов с использованием офшорных юрисдикций; проведена оценка их результативности. **Выводы:** предложения Президента РФ являются наиболее эффективным (из ранее применявшихся) способом противодействия уклонению от уплаты налогов посредством использования офшорных юрисдикций. Их реализация в значительной мере решит проблему офшоризации российской экономики.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов, офшорные юрисдикции, соглашения об избежании двойного налогообложения, контролируемые иностранные компании, обращение Президента РФ.

A.S. Konduktorov

ADDRESS OF THE PRESIDENT OF RUSSIA DATED MARCH 25, 2020: FIGHTING THE „OFFSHORE PANDEMIC”

Background: Russia is systematically working to combat tax evasion, the relevance of which is so great that even the coronavirus pandemic is not able to stop it. **Objective:** to analyze the actual reasons and legal prerequisites for the use of organizations registered in offshore jurisdictions for tax evasion; to systematize legal methods and legislative initiatives aimed at countering tax evasion through the use of offshore jurisdictions. **Methodology:** the author used analytical, comparative legal and statistical methods of research. **Results:** legal reasons for using offshore organizations for illegal purposes are identified;

© Кондукторов Антон Сергеевич, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского); e-mail: ack-87@mail.ru

© Konduktorov Anton Sergeevich, 2020

Candidate of law, associate Professor, Customs, administrative and financial law department (Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky)

stages of legal counteraction to tax evasion using offshore jurisdictions are highlighted; their effectiveness is evaluated. Conclusions: the proposals of the President of the Russian Federation are the most effective (from previously used ones) way to counter tax evasion through the use of offshore jurisdictions. Their implementation will significantly solve the problem of offshoring the Russian economy.

Key-words: *tax evasion, offshore jurisdictions, double taxation agreements, controlled foreign companies, appeal of the President of the Russian Federation.*

25 марта 2020 г. Президент РФ В.В. Путин выступил с обращением «К гражданам России» [1], основное содержание которого касалось мер противодействия пандемии коронавирусной инфекции. Однако был затронут и ряд тем, не связанных с эпидемиологической обстановкой — в первую очередь проблема выплат, осуществляемых налоговыми резидентами РФ в адрес организаций, зарегистрированных на территории офшорных юрисдикций. Для ее решения Президентом РФ было предложено пересмотреть или расторгнуть ряд соглашений об избежании двойного налогообложения.

Проблема офшоризации экономики является общепризнанной и широко известной. Ее масштабы и всемирная распространенность уже давно позволили бы объявить «офшорную пандемию», если бы такой термин использовался финансово-экономическим сообществом. Бюджет РФ недополучает значительную часть доходов в результате применения офшорных схем, а отток капитала из России за рубеж, в первую очередь в офшорные юрисдикции, не может не вызывать негодования. Следствием этого становится недостаточность ресурсов, столь необходимых для реализации амбициозных планов развития экономики, и снижение объема внутренних инвестиций в основные средства, что замедляет «первооружение» производства, тормозит рост производительности труда, влечет целый комплекс дополнительных неблагоприятных хозяйственно-экономических последствий.

Разумеется, Российская Федерация не оставляет без внимания практику уклонения от уплаты налогов с использованием организаций, зарегистрированных в офшорных государствах (территориях). Настоящая работа является попыткой обобщить и научно систематизировать действия, предпринятые государством в течение последних лет для «купирования» офшорных рисков, проанализировать причины и результат реализованных мероприятий, оценить перспективы планируемых действий по борьбе с офшорными явлениями в экономике.

Для начала рассмотрим простейшую схему уклонения от уплаты налогов с использованием организаций, находящихся в офшорных юрисдикциях.

Итак, на территории РФ зарегистрирована и фактически действует организация «А», осуществляющая производство товаров или услуг, 100% долей в уставном капитале «А» принадлежит организации «Б», которая зарегистрирована в иностранном государстве (например, в Королевстве Нидерландов) и никакой хозяйственной деятельности в РФ не осуществляет. 100% долей в уставном капитале «Б» принадлежит организации «В», которая зарегистрирована в офшорной юрисдикции (например, в Республике Панама).

«А» и «Б» искусственно создают долговые обязательства (например, посредством эмиссии ценных бумаг), в соответствии с условиями которых «А» обязуется выплачивать проценты «Б» в качестве дохода по долговым требованиям. На

основании Соглашения об избежании двойного налогообложения, заключенного между РФ и Королевством Нидерландов¹, указанные проценты подлежат налогообложению в Нидерландах (п. 1 ст. 11 Соглашения гласит: «Проценты, возникающие в одном Договариваемом Государстве и выплачиваемые резиденту другого Договариваемого Государства, облагаются налогами только в этом другом Государстве, если такой резидент является фактическим владельцем процентов»). При этом в РФ выплачиваемые проценты подлежат учету в качестве расходов и уменьшают налогооблагаемую базу «А» по налогу на прибыль организаций в соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 265 Налогового кодекса РФ² (судебная практика, вопреки некоторым возражениям ФНС России, признает подобные расходы обоснованными³).

Возможна ситуация, в которой сумма процентов превысит размер, определяемый в соответствии с п. 1–2 ст. 269 НК РФ. В таком случае сумма превышения будет квалифицирована как выплата дивидендов (п. 6 ст. 269 НК РФ). И это все равно предоставит возможность «экономии на налогах», т.к. при соблюдении ряда условий данные дивиденды подлежат обложению налогом на доходы физических лиц по ставке лишь 5% (ст. 10 указанного Соглашения).

Таким образом, организация «А» в значительной мере уклоняется от уплаты в бюджетную систему РФ налога на прибыль организаций и налога на доходы физических лиц.

С учетом того, что аналогичное соглашение об избежании двойного налогообложения действует между Королевством Нидерландов и офшорной юрисдикцией, указанные денежные средства по идентичным основаниям перечисляются организацией «Б» в пользу организации «В». То есть налогообложение сумм, полученных организацией «Б» в качестве процентов и дивидендов от организации «А», в Нидерландах также не будет произведено в надлежащем объеме.

В свою очередь в государствах (на территориях), являющихся офшорными юрисдикциями, налоги минимальны. Это и обеспечивает необоснованную налоговую выгоду для фактического владельца (бенефициара) организаций «А», «Б» и «В», который избежал налогообложения в РФ и в Нидерландах. Налогообложение в Панаме является для него необременительным.

Из описанного выше очевидно следует, что фундаментальной причиной, дающей саму возможность использовать офшорные схемы для уклонения от уплаты налогов, является наличие Соглашения об избежании двойного налогообложения между РФ и Нидерландами (или иным аналогичным государством)⁴. Отсутствие указанного Соглашения в принципе пресекло бы уклонение от уплаты налогов подобным способом.

¹ См.: Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Нидерландов от 16 декабря 1996 г. «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 46, ст. 5604.

² См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 18 марта 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340; 2020. № 12, ст. 1657.

³ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-западного округа от 9 апреля 2007 г. по делу № А56-19578/2006.

⁴ Нидерланды используются здесь в качестве примера. В действительности Российская Федерация по состоянию на 9 апреля 2020 г. участвует в соглашениях об избежании двойного налогообложения с 80 государствами (см.: Федеральная налоговая служба: Применяемые соглашения об избежании двойного налогообложения. URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/inttax/mpa/dn/ (дата обращения: 09.04.2020)).

В этом контексте необходимо соответствующим образом оценить и правовую позицию Королевства Нидерландов (а также ряда иных стран), которое включает аналогичные соглашения об избежании двойного налогообложения как с офшорными государствами, так и с государствами, которые борются с офшоризацией экономики (например, с РФ). Расторжение Нидерландами всех заключенных с офшорными территориями соглашений об избежании двойного налогообложения не позволило бы использовать Нидерланды в качестве «страны-посредника» при реализации офшорных схем, а значит сняло бы офшорные риски для РФ и аналогичных государств.

Российская Федерация, например, ведет себя добросовестно и не вступает в соглашения по вопросам налогообложения с офшорными государствами и территориями: Приказом Министерства финансов от 13.11.2007 г. № 108н⁵ определен перечень офшоров, и ни с одним из них соглашение об избежании двойного налогообложения не заключено. К сожалению, Нидерланды и другие государства, занимающие схожую позицию, не могут похвастаться столь ответственным поведением в международных финансовых отношениях, что, следует полагать, обусловлено материальными интересами.

К еще большему сожалению Российская Федерация не способна принудить суверенные Нидерланды и аналогичные государства к расторжению соглашений об избежании двойного налогообложения с офшорными государствами (территориями).

Разумеется, применение описанной выше и подобных ей недобросовестных налоговых практик не осталось без внимания отечественного законодателя. Можно выделить как минимум два масштабных этапа противодействия уклонению от уплаты налогов с использованием офшорных юрисдикций.

Рассмотрим первый из них.

С 2011 г. в Налоговый кодекс РФ были последовательно введены положения о взаимозависимых лицах и трансфертном ценообразовании (раздел V.1 НК РФ), о контролируемых иностранных компаниях и контролирующих их лицах (гл. 3.4 НК РФ). Это позволило описывать и квалифицировать офшорные схемы в легальных (юридически конкретных) терминах. Были введены дополнительные обязанности налогоплательщиков по информированию ФНС России об участии в иностранных компаниях, учреждении иностранных структур без образования юридического лица, об установлении контроля над иностранными компаниями (ч. 1 ст. 25.14 НК РФ). И апофеозом законодательных изменений стало вступление в силу норм, включающих суммы прибыли контролируемых иностранных компаний в налоговую базу контролирующих их лиц (пп. 8.1 п. 3 ст. 208 НК РФ применительно к налогу на доходы физических лиц и п. 25 ст. 250 НК РФ применительно к налогу на прибыль организаций).

Следует отметить, что несмотря на создание необходимой правовой базы и установление юридической обязанности контролирующих лиц по уведомлению налогового органа о контролируемых ими иностранных компаниях, указанные изменения законодательства не в полной мере оправдали возлагавшиеся на

⁵ См.: Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 13 ноября 2007 г. № 108н «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 50.

них надежды. Контролирующие лица — фактические владельцы компаний, участвующих в офшорных «махинациях» — не спешили (и не спешат) уведомлять Федеральную налоговую службу о прибылях контролируемых компаний и увеличивать тем самым свои налоговые обязательства перед Российской Федерацией.

В качестве способа решения данной проблемы Росфинмониторинг был наделен полномочием по установлению бенефициарных владельцев офшорных организаций⁶. Однако и эта мера не возымела должного эффекта, т.к. офшорные государства и территории де-юре не участвуют в обмене финансовой информацией, а де-факто старательно скрывают сведения о бенефициарах компаний, зарегистрированных на их территории.

Следующий этап противодействия офшоризации экономики (совмещенный с попыткой вернуть в Россию «мигрировавшие капиталы») наступил в 2015 г.

8 июня 2015 г. вступил в силу Федеральный закон «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷. Его положения фактически предусматривали освобождение лиц, использовавших офшорные схемы, от юридической ответственности при условии возврата в Российскую Федерацию выведенных за рубеж денежных средств и компенсации ущерба, причиненного бюджетной системе.

Своеобразным подспорьем данному закону выступило политически мотивированное желание некоторых западных государств заблокировать денежные средства российских граждан в иностранных банках или как минимум обнародовать информацию о владельцах счетов и размещенных на них суммах.

Однако применение указанного закона, первоначально предусматривавшего период добровольного декларирования с 1 июля 2015 г. по 30 июня 2016 г., нельзя назвать эффективным. Подтверждением тому стало объявление второго этапа добровольного декларирования на период с 1 марта 2018 г. по 28 февраля 2019 г. (введен Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 33-ФЗ⁸), а за ним и третьего — с 1 июня 2019 г. по 29 февраля 2020 г. (введен Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 110-ФЗ⁹).

Таким образом, описанные выше мероприятия имели лишь частичный эффект и не смогли коренным образом решить проблему уклонения от уплаты налогов с использованием компаний, зарегистрированных в офшорных юрисдикциях.

Предложения Президента России, выраженные в обращении от 25 марта 2020 г., можно считать началом третьего и, следует полагать, самого перспективного этапа борьбы с применением офшорных «махинаций».

⁶ См.: пп. 5.1 п. 5 «Положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу» (утверждено Указом Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (в ред. от 24 июня 2019 г.)) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 25, ст. 3314; 2019. № 26, ст. 3411).

⁷ См.: Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 24, ст. 3367; 2019. № 49. ч. V, ст. 6953.

⁸ См.: Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 9, ст. 1290.

⁹ См.: Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 110-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 22, ст. 2666.

Как указывалось выше, краеугольным камнем, на котором базируется сама возможность применения офшорных схем, является действие соглашений об избежании двойного налогообложения с «безответственными государствами», заключившими аналогичные соглашения как с офшорными юрисдикциями, так и со странами, стремящимися предотвратить их использование. То есть односторонний выход Российской Федерации из подобных соглашений положит конец применению офшоров для уклонения от уплаты налогов.

Однако это с высокой вероятностью повлечет снижение инвестиционной привлекательности России для иностранного капитала и, потенциально, замедление активности в национальной экономике. Таким образом, вопрос борьбы с офшорными правонарушениями сводится к концептуальному выбору — что выгоднее: 1) сохранение иностранных инвестиций с одновременным сохранением офшорных схем или 2) пресечение возможности использования офшоров с последующим снижением инвестиционной привлекательности экономики РФ, а значит и объема иностранных инвестиции?

Проанализируем положение России в международных инвестиционных рейтингах, а также объем и природу поступающих иностранных инвестиций.

Рейтинговая оценка инвестиционной привлекательности отечественной экономики никогда не была на высоте. Однако в последние годы ведущие международные агентства оценивали Российскую Федерацию и вовсе оскорбительным образом. Например, в течение почти трех лет — с 2015 по 2018 гг. — два из трех ведущих международных рейтинговых агентств (Standard & Poor's и Moody's) присваивали России спекулятивный или так называемый «мусорный» рейтинг¹⁰.

Таким образом положение, занимаемое в международных рейтингах в последние годы имеет для Российской Федерации все меньшее и меньшее значение. Однако оставим в стороне политизированные мнения экспертов западных рейтинговых агентств и обратимся к более авторитетной научно обоснованной статистике.

Реальная оценка объемов иностранных инвестиций представляет собой весьма непростую задачу, осложняемую как особенностями методологии исчисления, так и фактическими обстоятельствами. Например, Банк России указывает, что прямые иностранные инвестиции в экономику РФ в 2018 г. составили 8,8 млрд долларов США (снизившись почти в три раза по сравнению с предыдущим годом). При этом соотнося инвестиции в Россию с объемом и страновой структурой прямых инвестиций из России за рубеж, Центральный банк делает обоснованное предположение, что основная часть инвестиций в РФ — это денежные средства, выведенные из нашей страны в офшорные юрисдикции (в первую очередь на Кипр), а потом возвращенные под видом прямых иностранных инвестиций. С такой оценкой природы иностранных инвестиций согласно и большинство экспертов¹¹. Более того, Банк России указывает, что в 2018 г. объем прямых инвестиций из России за рубеж превысил объем прямых иностранных инвестиций в Россию на 23,1 млрд долларов США, что свидетельствует не о притоке капитала в экономику, а, наоборот, о его оттоке [2, с. 61–62, 65].

¹⁰ См.: РБК. Больше не «мусорный»: что означает повышение рейтинга России от S&P. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/02/2018/5a9083ea9a79470fcaaf8ab8> (дата обращения: 10.04.2020).

¹¹ См.: Российская газета. Якобы иностранные: зачем российский капитал потек из офшоров на родину? URL: <https://rg.ru/2011/08/26/investicii.html> (дата обращения: 10.04.2020).

Кроме того «инвестиции» — это весьма объемное понятие, включающее в себя разнообразные вложения, в частности в ценные бумаги и иные финансовые инструменты на внутреннем рынке. Однако подобные инвестиции имеют значительно меньший положительный эффект для экономики, чем вложения в создание новых средств производства — зданий, сооружений, оборудования, производственных линий и т.п. Именно такие инвестиции в первую очередь подразумевают и желают видеть государственные руководители, создают рабочие места, интенсифицируют потребление, запускают мультипликативный эффект в экономике и стабилизируют социальную сферу. Инвестиции объединяются Росстатом в статистическую группу «инвестиции в основной капитал» (включает инвестиции в здания, сооружения, улучшение земель, транспортные средства, оборудование, объекты интеллектуальной собственности). Проследим динамику этих инвестиций.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики инвестиции в основной капитал, поступившие из-за рубежа в экономику России, составили: в 2015 г. — 1,1% от общего объема инвестиций в основной капитал; в 2016 г. — 0,8%; в 2017 г. — 0,8%; в 2018 г. — 0,6% (в абсолютных числах поступившие из-за рубежа инвестиции в основной капитал выразились в следующих суммах: в 2015 г. — 120,4 млрд руб.; в 2016 г. — 86,7 млрд руб.; в 2017 г. — 95,8 млрд руб.; в 2018 г. — 86,6 млрд руб.) [3, с. 40]. Нельзя не заметить, что данные показатели представляют собой весьма незначительный объем по сравнению с инвестициями в основной капитал, поступившими из внутрироссийских источников, и к тому же в течение последних лет имеют тенденцию к снижению.

Таким образом, следует полагать, что инвестиционная привлекательность и объем иностранных инвестиций не имеют для Российской Федерации того значения, которое им иногда придается либеральными экономистами. Если же принять во внимание, что в последние годы в управленческих решениях иностранных инвесторов политические факторы превалируют над экономическими, то становится очевидно: пресечение возможности использования офшоров для уклонения от уплаты налогов является намного более важной задачей, чем сохранение инвестиционной привлекательности.

Изменение (расторжение) договоров об избежании двойного налогообложения с государствами, недобросовестно вступающими в аналогичные соглашения с офшорными юрисдикциями (например, с Королевством Нидерландов), можно считать наиболее эффективным способом противодействия использованию офшорных схем при уклонении от уплаты налогов. Поэтому предложение Президента, выраженное в обращении от 25 марта 2020 г., можно встретить только с одобрением (при условии, что оно будет точно исполнено, а в процессе изменения международных соглашений и модификации отечественного законодательства не будут потеряны первоначально заложенные в него смыслы).

Библиографический список

1. Обращение Президента РФ от 25 марта 2020 года «К гражданам России» // Российская газета. 2020. № 65.
2. Фокус-секция. Снижение потока прямых иностранных инвестиций // О чем говорят тренды: макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования Банка России. 2019. № 3 (31). С. 61–67.
3. Инвестиции в России. 2019: статистический сборник. М.: Росстат, 2019. 228 с.

References

1. Address of the President of the Russian Federation dated March 25, 2020 “To the Citizens of Russia» // Rossijskaya gazeta. 2020. № 65.
2. The focus section. Reducing the Flow of Foreign Direct Investment // What Trends Say: Macroeconomics and Markets. Bulletin of the research and forecasting Department of the Bank of Russia. 2019. No. 3 (31). P. 61-67.
3. Investments in Russia. 2019: Statistical Digest. Moscow: Rosstat, 2019. 228 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10112

УДК 347.73

Т.А. Малышева

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Введение: в кризисный период пандемии требуется оптимизация движения финансовых ресурсов, в т.ч. при оказании гуманитарной помощи. Это осуществимо в условиях четкой правовой регламентации действий, осуществляемых участниками гуманитарного содействия, а также подконтрольного, обоснованного, целевого использования финансовых ресурсов в рамках обозначенных мероприятий и программ гуманитарного содействия. **Цель:** поиск путей совершенствования механизма гуманитарного содействия в условиях пандемии COVID-19 с позиции эффективного использования финансовых ресурсов. **Методологическая основа:** сравнительно-правовой метод способствовал выявлению особенностей деятельности Комиссий по вопросам международной гуманитарной и технической помощи при Правительстве Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19. Формально-логический метод использовался при рассмотрении критериев проведения оценки эффективности использования бюджетных ассигнований на содействие международному развитию. Формально-юридический метод применялся при анализе финансово-правовых актов, регулирующих общественные отношения в области гуманитарного содействия. Обращение к гипотетико-дедуктивному методу способствовало выявлению особенностей правоотношений с участием Подкомиссии по вопросам содействия международного развития с учетом взаимодействия органов исполнительной власти по вопросам гуманитарной помощи. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно необходимости проведения анализа соответствия оказываемой гуманитарной помощи критериям эффективности использования бюджетных ассигнований на содействие международному развитию. **Выводы:** сформулированы предложения о введении отчетности с обоснованием эффективного использования финансовых ресурсов при оказании гуманитарной помощи как этапа в механизме гуманитарного содействия.

Ключевые слова: механизм гуманитарного содействия, пандемия COVID-19, финансовые ресурсы, оптимизация, содействие международному развитию, оказание гуманитарной помощи.

© Малышева Татьяна Александровна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского); e-mail: malysheva_tatyana@list.ru

© Malysheva Tatiana Aleksandrovna, 2020

Candidate of law, associate Professor, Customs, administrative and financial law department (Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky)

T.A. Malysheva

HUMANITARIAN ASSISTANCE IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC: FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS

Background: during the crisis period of the pandemic, it is necessary to optimize the flow of financial resources, including in the provision of humanitarian assistance. This is possible under the terms of clear legal regulation of actions carried out by participants in humanitarian assistance, as well as controlled, justified, targeted use of financial resources in the framework of designated activities and programs in the field of humanitarian assistance. **Objective:** to find ways for improving the mechanism of humanitarian assistance in the context of the COVID-19 pandemic from the position of efficient use of financial resources. **Methodology:** the comparative legal method provided identification of the specifics of the results got by the Commissions on international humanitarian and technical assistance under the Government of the Russian Federation in the context of the COVID-19 pandemic. The formal-logical method was used when considering criteria for evaluating the effectiveness of budget allocations for international development assistance. The formal legal method was used in the analysis of financial and legal acts regulating public relations in the field of humanitarian assistance. The use of the hypothetical-deductive method helped to identify the features of legal relations with the participation of the sub-Commission on international development assistance, taking into account the interaction of Executive authorities on humanitarian assistance. **Results:** the author's position on the need to analyze the compliance of humanitarian assistance with the criteria for effective use of budget allocations for international development assistance is argued. **Conclusions:** proposals are formulated to introduce reporting with justification for the effective use of financial resources in the provision of humanitarian assistance as a stage in the mechanism of humanitarian assistance.

Key-words: humanitarian aid mechanism, COVID-19 pandemic, financial resources, optimization, international development assistance, humanitarian assistance.

Оказание гуманитарной помощи можно отнести к постоянным мероприятиям в мировом сообществе, тенденция увеличения которых остается достаточно устойчивой. По оценке ООН насчитывается беспрецедентное количество нуждающихся в гуманитарном содействии. В августе 2019 г. только беженцев, вынужденных оставить свои жилища в связи с вооруженными конфликтами, стихийными бедствиями, эпидемиями и жестокими преследованиями, насчитывалось 70 млн человек, что доказывает значимость процесса гуманитарного содействия¹. Пандемия COVID-19 лишь ужесточает сложившуюся общемировую ситуацию. Как отмечает Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, характеристика этих условий не ограничивается чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, это крупнейший международный кризис — экономический, социальный, человеческий, «который быстро превращается в кризис прав человека»². Действительно, при наступлении подобного рода явлений к первоочередным задачам будут отнесены облегчение страданий пострадавших, сокращение экономического ущерба, нанесенного государству

¹ Официальный сайт Организации объединенных наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/08/1361291> (дата обращения: 25.06.2020).

² Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response> (дата обращения: 25.06.2020).

и его гражданам, а также обеспечение прав человека и гражданина, которые провозглашены Конституцией РФ, международно-правовыми актами: права на жизнь, права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Соответственно эффективность гуманитарного содействия находится во взаимосвязи с четкостью правовой регламентации действий, осуществляемых его участниками, в частности, в финансово-правовой сфере. Так для обеспечения потребностей нуждающихся в гуманитарной помощи в федеральном бюджете ежегодно предусматриваются расходы, подразумевающие затраты на данные гуманитарные мероприятия. Следует отметить, что в действующем законодательстве закреплены нормы, направленные на стимулирование притока гуманитарной помощи путем освобождения от уплаты налогов, таможенных платежей для лиц, ее получающих. При этом нецелевое использование гуманитарной помощи затрудняет достижение публичных (государственных) целей по формированию доходной части бюджетной системы.

Учитывая социальную значимость и широкую применяемость в международно-правовой практике, особый интерес вызывает сам механизм оказания гуманитарного содействия, в т.ч. во взаимосвязи с финансово-правовой сферой, а также выявление путей повышения его эффективности с позиции устранения барьеров, препятствующих правомерному поведению его участников. Составляющими механизма оказания гуманитарного содействия являются действия, которые направлены на спасение, уменьшение страданий людей при наступлении кризисных ситуаций различного рода. В рамках данных действий общественные отношения реализуются согласно установленным правовым нормам, что позволяет говорить о возникновении и функционировании именно правовых отношений, часть из которых является финансово-правовыми.

Объектом в данных финансовых правоотношениях следует обозначить публичные финансовые ресурсы федерального уровня, отражающиеся в соответствующих статьях расходов федерального бюджета, предусматривающие цели использования средств в виде оказания гуманитарной помощи. Финансово-правовая характеристика, присущая гуманитарной помощи, наделяет данную дефиницию особой денежной спецификой, присущей экономическим отношениям. Участником таких отношений является государство, которое использует финансовые механизмы в целях выполнения возложенных на него социальных задач. [1, с. 86]. Так Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259 «Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию» (в ред. от 24 мая 2016 г. № 248) (далее — Концепция) одним из приоритетных направлений в сфере содействия международному развитию, соответствующим национальным интересам России на региональном и глобальном уровнях обозначено укрепление национальных систем здравоохранения и социальной защиты, ориентированных в т.ч. на борьбу с распространением инфекционных заболеваний. Безусловно, в условиях пандемии COVID-19 это направление содействия международному развитию приобретает особую актуальность. Сам механизм взаимодействия получателя и донора гуманитарной помощи в рамках указанной Концепции может быть двусторонним и включать в т.ч.: осуществление безвозмездных поставок товаров или безвозмездного оказания услуг государствам; направление целевых взносов на реализацию международных программ с использованием возможностей международных организаций. Многосторонняя основа содействия

состоит во взаимодействии с международными организациями и уплате взносов им. Следует отметить, что ООН разработала Глобальный план гуманитарного реагирования на вспышку COVID-19 в объеме 2 млрд долларов США для борьбы с заболеванием в 51 стране, а также призвала правительства стран-участниц взять на себя обязательства по оказанию полноценной поддержки указанного плана с одновременным сохранением финансирования уже существующих гуманитарных призывов³. В таких обстоятельствах предполагается увеличение нагрузки на расходную часть федерального бюджета при наращивании расходных обязательств в рамках такого международного сотрудничества.

Достижение социальных задач в сфере гуманитарного содействия реализуется посредством образования, распределения и использования публичных денежных фондов с учетом действующих государственных программ, ответственными исполнителями которых являются федеральные органы исполнительной власти, призванные обеспечивать в пределах своей компетенции участие России в содействии международному развитию, в том числе и в сфере оказания гуманитарной помощи. Например, согласно Федеральному закону от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» (в ред. от 18 марта 2020 г.) в бюджете на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг. в ведомственную структуру расходов Министерства иностранных дел РФ в рамках государственной программы Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность» включено основное мероприятие «Оказание гуманитарной помощи иностранным государствам и эвакуация российских граждан». В бюджетах субъектов РФ подобные виды расходов региональных бюджетов не предусмотрены.

Следует отметить, что согласно указанной выше Концепции (ст. 21) обозначены основные критерии, по которым подразумевается проведение оценки эффективности использования бюджетных ассигнований на содействие международному развитию, в т.ч. при оказании гуманитарной помощи. В частности к ним относятся:

- достижимость результата с учетом сопоставления с результатами аналогичных проектов;
- обоснованность в рамках общей политики в сфере содействия международному развитию;
- планируемость результатов при оказании помощи;
- двустороннее взаимодействие с государством-получателем в области политики и в других областях.

В ст. 13 Концепции указывается, что обеспечивать координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в области содействия международному развитию, а также подготовки предложений Президенту РФ по обозначению основных направлений государственной политики в этой области возложено на Подкомиссию по вопросам содействия международному развитию, осуществляющей свою деятельность при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции. Анализируя информационные источники, следует отметить отсутствие активности Подкомиссии по вопросам содействия международному развитию по предоставлению отчетности о своей деятельности

³ Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: www.unicef.org/eca/ru/Пресс-релизы/глобальный-план-гуманитарного-реагирования-на-вспышку-covid-19 (дата обращения: 25.06.2020).

в области оказания содействия, начиная с 2015 г. по настоящее время в условиях пандемии COVID-19⁴. Исходя из этого, можно предположить, что обобщение информации о деятельности различных ведомств в области оказания помощи, в частности гуманитарного характера, иностранным государствам проводится не достаточно подробно. Соответственно и задача по совершенствованию взаимодействия органов исполнительной власти по вопросам содействия международному развитию не решается в настоящее время в сторону оптимизации, что может привести к некоторой разрозненности в оказании гуманитарной помощи странам при отсутствии единства практики оказания содействия. Примером служит ситуация оказания гуманитарной помощи в марте 2020 г., получателем которой стали нуждающиеся Италии, в рамках которой сформировалось общественное мнение о бесполезности поставленных товаров и содействия России⁵. При этом ставится под сомнение эффективность расходования финансовых ресурсов.

Именно в условиях пандемии COVID-19, сопряженных с глубоким общемировым кризисом, требуется мобилизация, в т.ч. координационных ведомственных взаимосвязей для повышения эффективности использования финансовых ресурсов при гуманитарном содействии. Следует отметить, что в рамках оказываемой гуманитарной помощи иностранным государствам в условиях пандемии, недостаточной видится прозрачность и гласность в вопросе соответствия оказываемой помощи критериям оценки эффективности использования бюджетных ассигнований на содействие международному развитию, обозначенным в Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. Отчетность о проделанной работе по взаимодействию федеральных органов исполнительной власти, участвующих в гуманитарном содействии, обоснование эффективности использования бюджетных ассигнований на гуманитарное содействие являются важными и неотъемлемыми этапами в унификации действий и выработке единого механизма оказания гуманитарной помощи Российской Федерацией иностранным получателям. Важно отметить, что с учетом внедряемости информатизации в государственно важные процессы вопрос отражения в информационных материалах отчетности об эффективном оказании гуманитарной помощи иностранным государствам и в целом о сфере содействия международному развитию в условиях пандемии COVID-19 способствует получению отдачи с позиции укрепления международного имиджа России.

Рассматривая порядок предоставления гуманитарной помощи, поступающей от зарубежных доноров, в качестве координирующего субъекта выступает Комиссия по вопросам международной гуманитарной и технической помощи при Правительстве Российской Федерации. Данный орган наделен определенной правосубъектностью, анализ содержания которой позволил сформулировать следующие ее функции: руководящая, организационная, правотворческая, разрешительная, координационная и контрольная [2, с. 26]. Именно реализация контрольной функции подразумевает осуществление контроля за правильностью использования гуманитарной помощи ее получателями с привлечением для этого соответствующих органов, что влияет впоследствии на пополнение бюджетной

⁴ Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 25.06.2020).

⁵ Сайт сетевого издания «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20200327/1569266941.html> (дата обращения: 25.06.2020).

системы обязательными платежами в случае выявления случаев нецелевого использования товаров гуманитарного содействия. В условиях пандемии COVID-19 протоколом от 8 апреля 2020 г. № 1(67) Комиссии был утвержден «Временный порядок признания безвозмездной помощью (содействием) товаров, поставляемых в Российскую Федерацию в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и противодействия распространению новой коронавирусной инфекции». К временно действующим нововведениям в сравнении с положениями, закрепленными в Постановлении Правительства Российской Федерации от 23 июля 2004 г. № 377 (в ред. от 5 октября 2009 г. № 804), следует отнести, например, условия проведения заседаний Комиссии. Так, дистанционный режим заседаний рабочей группы Комиссии реализуется для внеочередных заседаний посредством видеоконференцсвязи и (или) аудиоконференцсвязи, вместо очного режима заседаний. При отсутствии такой возможности у члена группы необходимый голос члена Комиссии направляется в письменной форме до начала заседания. Принятие своевременных решений рабочей группы Комиссии проводится вне заседаний, позиции участников фиксируются и направляются в письменной форме. Для обеспечения оперативности вынесения решения и оформления удостоверения, подтверждающего принадлежность оказываемой помощи к безвозмездной, регламентирован срок работы Комиссии с момента получения документов от получателей безвозмездной помощи, не превышающий 4 дней.

Видятся оправданными внесенные изменения в деятельность Комиссии по вопросам международной гуманитарной и технической помощи при Правительстве Российской Федерации, особо приветствуется заданный оперативный режим работы, который в целом может остаться таким и вне условий пандемии, поскольку срочность поставки всегда является одной из характеристик гуманитарного содействия.

Таким образом, кризисный общемировой период пандемии COVID-19 обозначил основной тренд деятельности мирового сообщества по обеспечению прав человека на жизнь, на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также обозначил возросший интерес государств к оказанию гуманитарной помощи. В таких условиях требуется абсолютно четкое следование механизму гуманитарного содействия, активным участником которого является Российская Федерация. Данный механизм включает сферу финансово-правовых отношений, объектом которых выступают публичные финансовые ресурсы федерального уровня с учетом государственных программ и мероприятий и соответствия критериям эффективности использования бюджетных ассигнований на содействие международному развитию, указанных в Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. Формирование и опубликование отчетности о соответствии гуманитарного содействия данным критериям следует обозначить в качестве этапа в механизме гуманитарного содействия. Одновременно с этим видится возможным нормативно закрепить в качестве полномочий по предоставлению такой отчетности за Подкомиссией по вопросам содействия международному развитию. Выполнение функций, связанных с формированием отчетности, потребует, в частности, и решения координационных задач по взаимодействию органов исполнительной власти по вопросам содействия международному развитию.

Библиографический список

1. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб и доп. М.: Норма; ИНФРА-М. 2017. 800 с.
2. *Мальшева Т.А.* Перемещение гуманитарной помощи через таможенную границу Таможенного союза и особенности его финансово-правового регулирования / под ред. О.Ю. Бакаевой. М.: Юрлитинформ, 2015. 160 с.

References

1. Financial Law: textbook / resp. ed. N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6th ed., Revised and suppl. M.: Norma; INFRA-M. 2017. 800 p.
2. *Malysheva T.A.* Relocation of Humanitarian Aid across the Customs Border of the Customs Union and Features of its Financial and Legal Regulation / ed. by O.Yu. Bakaeva. M.: Yurlitinform, 2015. 160 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10113

УДК 347.73

А.В. Амарян

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНОГО ОРГАНА В БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Введение: в статье исследуются специфические черты реализации контрольно-счетным органом муниципального образования бюджетной правосубъектности. **Цель:** выявить особенности реализации правосубъектности контрольно-счетного органа муниципального образования в бюджетных правоотношениях на основе исследования его различных статусов как участника бюджетного процесса. **Методологическая основа:** формально-юридический, сравнительный методы. **Результаты:** выявлены пределы реализации муниципальным контрольно-счетным органом бюджетных полномочий, как главного администратора бюджетных средств и получателя бюджетных средств. **Выводы:** объем правосубъектности контрольно-счетного органа муниципального образования в бюджетных правоотношениях зависит от его общего правового статуса. При наделении его правами юридического лица, он может иметь статус различных участников бюджетного процесса. Особенности реализации бюджетной правосубъектности контрольно-счетного органа муниципального образования обусловлены в основном отсутствием у него подведомственных органов и учреждений и выражаются в наличии у него меньшего объема бюджетных полномочий, в специфике формы закрепления его правового статуса как участника бюджетного процесса и содержании отдельных бюджетных полномочий.

Ключевые слова: правосубъектность, бюджетная правосубъектность, контрольно-счетный орган муниципального образования, бюджетные полномочия, участник бюджетного процесса.

A. V. Amaryan

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF THE LEGAL PERSONALITY OF THE MUNICIPAL CONTROL AND AUDIT BODY IN BUDGETARY LEGAL RELATIONS

Background: the article examines the specific features of the implementation of budgetary legal personality by the control and audit body of a municipality. **Objective:** to identify the features of the implementation of the legal personality of the control and audit body of a municipality in budgetary legal relations based on the study of its various statuses as a participant in the budget process. **Methodology:** formal-legal, comparative method of research. **Results:** the limits of implementation by the municipal control and audit body of budgetary powers as the chief administrator of budgetary funds and the recipient of budgetary funds are revealed. **Conclusions:** the scope of legal personality of the control and audit body of

© Амарян Арсен Варданович, 2020
Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: armyan4ik_89@mail.ru
© Amaryan Arsen Vartanovich, 2020
Post-graduate student, Financial, banking and customs law department named after Professor Nina Ivanovna Himicheva (Saratov State Law Academy)

a municipality in budgetary legal relations depends on its general legal status. When it is granted with the rights of a legal entity, it may have the status of various participants in the budget process. Features of implementation of the budget of the legal personality of the control and audit body of the municipality is mainly due to the lack of subordinate bodies and institutions and expressed in the presence of a smaller amount of budget authority in the specific forms of securing its legal status as a participant in the budget process and individual budget authority.

Key-words: *legal personality, budgetary legal personality, control and audit body of the municipality, budgetary authority, participant in the budget process.*

Проблематика правосубъектности применительно к отдельным видам субъектов финансового права, несмотря на достаточно высокую степень разработанности в последние годы в отраслевой юридической науке, сохраняет свою актуальность. В частности, определение специфики финансовой правосубъектности контрольно-счетного органа муниципального образования (далее — КСО МО), как коллективного субъекта финансового права, требует обращения к особенностям ее реализации в конкретных правоотношениях. Финансовая правосубъектность любого КСО МО, в т.ч. не наделенного правами юридического лица, реализуется в основном в финансово-контрольных правоотношениях (правоотношениях по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля). При этом КСО МО, созданный на правах юридического лица, может участвовать и в иных финансовых правоотношениях: бюджетных, налоговых и в области обязательного социального страхования. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены особенности реализации правосубъектности вышеуказанного органа в бюджетных правоотношениях.

КСО МО, созданный на правах юридического лица, может являться субъектом разнообразных бюджетных правоотношений, находясь в различных статусах (статусах участников бюджетного процесса). Прежде всего, он выступает органом внешнего муниципального финансового контроля, реализуя свои полномочия в нескольких стадиях бюджетного процесса и соответственно в финансово-контрольных правоотношениях, которые не являются предметом настоящего исследования (поскольку требует специальной научной институциональной разработки). Кроме того, он может выступать, в отношении средств местного бюджета, в качестве главного администратора бюджетных средств (главного распорядителя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета, главного администратора источников финансирования дефицита бюджета) и получателя бюджетных средств.

Главной особенностью правового статуса КСО МО, как главного администратора бюджетных средств является отсутствие у него подведомственных администраторов (распорядителей), что непосредственно отражается на объеме его полномочий. Во-первых, в силу указанной специфики своего общего правового статуса КСО МО не может реализовать всех полномочий:

1) главного администратора доходов местного бюджета, установленных в п. 1 ст. 160.1 БК РФ. Имеется в виду такое полномочие как формирование перечня подведомственных ему администраторов доходов бюджета, поскольку в его введении отсутствуют какие-либо органы или учреждения;

2) главного администратора источников финансирования дефицита местного бюджета, предусмотренных в п. 1 ст. 160.2 БК РФ (например, формирование перечня подведомственных ему администраторов источников финансирования дефицита местного бюджета, распределение бюджетных ассигнований по подведомственным администраторам);

3) главного распорядителя средств местного бюджета, закрепленных в п. 1 ст. 158 БК РФ (например, формирование перечня подведомственных ему распорядителей и получателей бюджетных средств, распределение бюджетных ассигнований, лимитов бюджетных обязательств по указанным субъектам).

Во-вторых, в силу вышеуказанной причины, помимо полномочий главного администратора бюджетных средств, КСО МО выполняет и бюджетные полномочия администратора (получателя):

1) полномочия администратора доходов местного бюджета, установленные в п. 2 ст. 160.1 БК РФ;

2) полномочия администратора источников финансирования дефицита бюджета, закрепленные в п. 2 ст. 160.2 БК РФ;

3) полномочия получателя бюджетных средств, необходимые ему для непосредственного получения и использования средств местного бюджета для финансового обеспечения его деятельности, предусмотренные в ст. 162 БК РФ. Некоторые полномочия КСО МО, как получателя бюджетных средств, совпадают с его полномочиями, как главного распорядителя бюджетных средств (например, обеспечение результативности, целевого характера использования предусмотренных ему бюджетных ассигнований).

При этом некоторые бюджетные полномочия КСО МО как администратора доходов местного бюджета, администратора источников финансирования дефицита бюджета и получателя бюджетных средств не реализуются в связи с наличием у него одновременно статуса главного администратора бюджетных средств. В частности, он формирует бюджетную отчетность сразу как главный администратор бюджетных средств и представляет ее непосредственно муниципальному финансовому органу.

Следующая особенность бюджетной правосубъектности КСО МО заключается в форме закрепления его правового статуса как участника бюджетного процесса. Так, статус КСО МО, как главного администратора доходов местного бюджета и главного администратора источников финансирования дефицита местного бюджета, а также перечень подконтрольных доходов (источников финансирования дефицита) непосредственно закрепляются в соответствующих приложениях к решению о бюджете муниципального образования. При этом статусом главного администратора доходов местного бюджета КСО МО, наделяется в основном в крупных муниципальных образованиях — городских округах и муниципальных районах, а статусом главного администратора источников финансирования дефицита местного бюджета — в очень редких случаях.

Что касается видов доходов местного бюджета, в отношении которых КСО МО является главным администратором бюджетных средств, то к ним, как правило, относятся денежные взыскания (штрафы) за нарушение бюджетного законодательства, законодательства о контрактной системе в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, денежные взыскания, налагаемые в возмещение ущерба, причиненного в результате незаконного

или нецелевого использования бюджетных средств¹. Полномочия КСО МО, как главного администратора источников финансирования дефицита местного бюджета касаются в основном таких источников как изменение остатков средств на счетах по учету средств бюджета: увеличение или уменьшение прочих остатков денежных средств местных бюджетов².

Анализ многочисленных положений о КСО МО показывает, что его статус как главного распорядителя бюджетных средств в них не закрепляется. При этом, если статус КСО МО например как главного администратора доходов бюджета непосредственно закрепляется в приложении к решению о бюджете муниципального образования на очередной финансовый год, то его статус как главного распорядителя бюджетных средств, как правило, только подразумевается. В частности, КСО МО, нередко, включается с отдельным кодом главного распорядителя бюджетных средств в ведомственную структуру расходов местного бюджета. Последняя, в соответствии со ст. 6 БК РФ, отражает распределение бюджетных ассигнований, предусмотренных решением о бюджете, в т.ч. и по субъектному составу — только по главным распорядителям бюджетных средств. В связи с этим можно сделать однозначный вывод о статусе данного органа. Наличие у КСО МО статуса главного распорядителя бюджетных средств как основного условия его финансовой независимости обращается внимание и в юридической литературе³.

Статус КСО МО, как получателя бюджетных средств также не закрепляется в положениях о данном органе. Как правило, в них говорится о финансировании данного органа за счет средств местного бюджета. При этом в некоторых положениях уточняется, что финансирование КСО МО (расходы на обеспечение его деятельности) отражается в решении о местном бюджете отдельной строкой⁴. В некоторых муниципальных нормативных правовых актах определяется организационно-правовая форма КСО МО — муниципальное казенное учреждение, которое в соответствии со ст. 161 БК РФ осуществляет бюджетные полномочия получателя бюджетных средств. В отдельных положениях о КСО МО дается указание на его финансовое обеспечение на основе бюджетной сметы, которая является документом, устанавливающим лимиты бюджетных обязательств только казенного учреждения (ст. 6 БК РФ).

Довольно часто на практике КСО МО использует свои права на передачу части своих бюджетных полномочий. В частности, как главный распорядитель бюджетных средств, он вправе передать свои бюджетные полномочия получателю бюджетных средств финансовому органу муниципального образования (п. 3.1 ст. 158 БК РФ). А как казенное учреждение (получатель бюджетных средств), он имеет право на передачу на основании договора (соглашения) иной организации

¹ См., например: Приложение № 3 к решению Совета депутатов городского округа Серебряные Пруды Московской области от 25 декабря 2017 г. 56/8 «О бюджете городского округа Серебряные Пруды Московской области на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» // Межмуниципальный вестник. 2017. 29 дек.

² См., например: Приложение № 3 к решению Совета депутатов городского округа Серпухов от 12 декабря 2018 г. № 348/44 «О бюджете городского округа Серпухов Московской области на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // Серпуховские вести. 2018. 21 дек.

³ См.: Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» / под ред. А.А. Ялбулганова. Подготовлено для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: п. 1.7 Положения о Контрольно-счетной палате города Кузнецка (утв. Решением Собрания представителей города Кузнецка от 24 ноября 2005 г. № 132-22/4) // Вестник Собрания представителей города Кузнецка Пензенской области. 2005. 30 ноября.

(централизованной бухгалтерии) полномочия по ведению бюджетного учета и формированию бюджетной отчетности (п. 10.1 ст. 161 БК РФ). Так, например, Контрольно-счетной палатой Котовского муниципального района Волгоградской области заключено с местной администрацией данного района соглашение на бухгалтерское обслуживание, включающее, в т.ч. ведение бюджетного учета и формирование бюджетной отчетности.

Важнейшим полномочием КСО МО как получателя бюджетных средств является составление и исполнение бюджетной сметы, на основании которой осуществляется финансовое обеспечение (финансирование) его деятельности из местного бюджета. Бюджетная смета содержит статьи расходов на обеспечение деятельности КСО МО как органа местного самоуправления (казенного учреждения), которые также предусматриваются в решении о местном бюджете, как правило, отдельной строкой в соответствии с классификацией расходов бюджетов РФ.

Анализ решений о местных бюджетах показывает, что основные расходы КСО МО идут на выплату персоналу (оплату труда должностных лиц) и закупку товаров, работ и услуг для обеспечения муниципальных нужд (материально-техническое содержание). К иным расходам КСО МО относятся, например, расходы на уплату налогов, сборов и иных платежей. Кроме того, к расходам КСО муниципального района (городского округа) могут быть отнесены расходы на осуществление переданных полномочий КСО поселений по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля⁵. Фактическим источником последнего вида расходов являются межбюджетные трансферты, передаваемые из бюджета поселения в бюджет района (округа). Однако юридически расходы КСО района (округа) осуществляются за счет средств соответствующего бюджета, но объем финансового обеспечения и соответственно бюджетной сметы данного органа увеличивается на величину расходов, необходимых для выполнения делегированных полномочий в поселениях⁶.

Таким образом, бюджетной правосубъектностью обладают только те КСО МО, которые наделены правами юридического лица. Они могут выступать субъектами разнообразных бюджетных правоотношений, находясь в статусах различных участников бюджетного процесса, в т.ч. в качестве главного администратора бюджетных средств и получателя бюджетных средств. При этом реализация правосубъектности КСО МО в бюджетных правоотношениях имеет свои особенности. Последние обусловлены в основном отсутствием у данного органа подведомственных органов и учреждений и выражаются в наличии у него меньшего объема бюджетных полномочий, в специфике формы закрепления его правового статуса как участника бюджетного процесса и содержания отдельных бюджетных полномочий.

⁵ См.: Решение Совета муниципального образования муниципального района «Троицко-Печорский» от 15 декабря 2015 г. № 05/32 «О бюджете муниципального района «Троицко-Печорский» на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Решение Совета депутатов Наро-Фоминского муниципального района Московской области от 10 октября 2017 г. № 11/4 «Об утверждении Положения о Контрольно-счетной палате Наро-Фоминского городского округа // Основа. 2017. 17 октября (спецвыпуск).

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10114

УДК 342.934.1

А.И. Стахов

СУДЕБНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

***Введение:** на основании ст. 72 Конституции РФ в настоящее время сформировалось и активно развивается административно-процессуальное законодательство, составляющее правовую основу для административного процесса, осуществляемого как несудебными органами, так органами судебной власти. При этом в нормах административно-процессуального законодательства закреплены разнообразные юридические дела индицирующей (отображающей) категории, которые не систематизированы. **Цель:** выделить среди множества юридических дел систему судебных административных дел, разрешаемых в ходе административного процесса и поэтому определяющих структуру современного судебного административного процесса. **Методологическая основа:** правовой анализ категорий «административно-процессуальное законодательство», «юридическое дело», совокупность метода формальной логики, диалектического и системно-структурного методов исследования. В соответствии с последним при изучении любого объекта или явления анализируются его особенности как структурного элемента, входящего в более общее понятие. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно образовавшейся в Российской Федерации системы судебных административных дел, которая может служить научно обоснованным ориентиром дальнейшей систематизации и оптимизации современного судебного административного процесса в Российской Федерации. **Выводы:** сформированная в Российской Федерации система судебных административных дел может служить научно обоснованным ориентиром для дальнейшей систематизации и оптимизации современного судебно-административного процесса в Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, система судебных административных дел, административный процесс.*

© Стахов Александр Иванович, 2020

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса им. Н.Г. Салищевой, главный научный сотрудник (руководитель направления) Центра исследования проблем правосудия, доцент кафедры административного и муниципального права (Российский государственный университет правосудия); e-mail: altxander-stakhov@ya.ru

© Stakhov Aleksandr Ivanovich, 2020

Doctor of law, Professor, head of the Administrative law and procedure department named after N.G. Salishcheva, chief researcher (head of the department) of the center for research on justice problems, associate Professor of the Administrative and municipal law department (Russian State University of Justice)

A.I. Stakhov**JUDICIAL ADMINISTRATIVE CASES
IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS**

Background: on the basis of article 72 of the Constitution of the Russian Federation, administrative procedural legislation has been formed and is being actively developed, which forms the legal basis for administrative proceedings carried out by both non-judicial bodies and judicial authorities. At the same time, the norms of administrative procedure legislation contain a variety of legal cases of the indicating (displaying) category, which are not systematized. **Objective:** to identify among the many legal cases the system of judicial administrative cases which are resolved during the administrative process and therefore determine the structure of the modern judicial administrative process. **Methodology:** legal analysis of the categories “administrative-procedural legislation”, “legal case”, a set of formal logic methods, dialectical and system-structural research methods. In accordance with the latter, the study of any object or phenomenon analyzes its features as a structural element included in a more General concept. **Results:** the author’s position on the system of judicial administrative cases formed in the Russian Federation is substantiated. **Conclusions:** the system of judicial administrative cases formed in the Russian Federation can serve as a scientifically based reference point for further systematization and optimization of the modern judicial administrative process in the Russian Federation

Key-words: the Constitution of the Russian Federation, administrative procedure legislation, administrative cases, judicial administrative procedure, judicial administrative cases, administrative process, judicial administrative process, administrative proceedings.

На основании ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации сформировалось, и продолжает активно развиваться, процессуальное законодательство, составляющее основу для различных видов юридического процесса. При этом ключевым приемом нормативного правового регулирования, оттеняющим специфику самостоятельного вида юридического процесса в России, является формальное обособление в нормах федерального законодательства юридического дела индицирующей (отображающей) категории.

Такой прием нормативного правового регулирования в большей степени применим к гражданскому и уголовному процессам, выделяемых в специальной литературе [1; 2; 3; 4]. В частности, устанавливая самостоятельность гражданского процесса, законодатель в ч. 1 ст. 22 ГПК РФ с достаточной определенностью выделяет гражданские дела различных категорий, разрешаемые судом в пределах установленной компетенции. Из анализа указанных правовых норм, очевидно, что гражданское дело возникает из общественных отношений, регулируемых нормами гражданского законодательства, формально выделенного и структурированного в ст. 1–3 ГК РФ. Законодательное обособление уголовного процесса проводится в ч. 56 ст. 5 УПК РФ. Посредством данной правовой нормы устанавливается ясная и понятная в теории и на практике взаимосвязь уголовного дела с подготавливаемыми, совершаемыми или совершенными преступлениями, составы которых закреплены в уголовном законодательстве, формально обособленном в ст. 1 УК РФ.

Важно подчеркнуть, что проведенное законодательное разграничение гражданских и уголовных дел в полной мере соответствует ч. 1 и 2 ст. 118 Конститу-

ции РФ, которые позволяют сделать однозначный вывод, что суды разрешают гражданские дела в ходе осуществления правосудия посредством гражданского судопроизводства, а разрешение судом уголовных дел осуществляется посредством уголовного судопроизводства.

Статья 10 Конституции РФ признает самостоятельность функционирования органов судебной власти и органов исполнительной власти, и поэтому необходимо обратить внимание на то, что гражданские дела, выделяемые в ГПК РФ, отнесены к исключительной компетенции судов, а уголовные дела в соответствии с УПК РФ относятся к компетенции органов судебной власти, а также органов исполнительной власти, имеющих статус органа дознания (в частности, органы внутренних дел, органы Федеральной службы судебных приставов, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы и др.)¹.

Таким образом, индицируя (отображая) категорию юридического дела, законодатель в нормах ГПК РФ и УПК РФ связывает разрешение гражданских дел с юридическим процессом, осуществляемым исключительно органами судебной власти, который в отечественной доктрине называется гражданским процессом, а разрешение уголовных дел — с юридическим процессом, осуществляемым судами во взаимосвязи со специализированными органами исполнительной власти, а также иными несудебными государственными органами (органами прокуратуры, Следственным комитетом РФ), который обоснованно называется уголовным процессом. При этом если гражданский процесс относится к исключительной компетенции органов судебной власти и сводится к гражданскому судопроизводству, то уголовный процесс охватывает уголовное судопроизводство и уголовно-процессуальную деятельность компетентных органов исполнительной власти, других внесудебных органов. Данная уголовно-процессуальная деятельность несудебных органов называется уголовным преследованием² и таким образом достаточно определенно отделяется от уголовного судопроизводства. Важно, что в рамках уголовного преследования возбуждаются уголовные дела, которые могут быть разрешены по существу исключительно судом посредством уголовного судопроизводства. В этой связи в специальной литературе применительно к уголовному процессу обоснованно разделяются досудебное производство и судебное производство по уголовным делам [5].

Описанные приемы правового регулирования и научные подходы к пониманию гражданского процесса, а также уголовного процесса, на мой взгляд, в полной мере соответствуют ст. 10, 18, 118 Конституции РФ. В этой связи могут и должны быть реализованы применительно к другим самостоятельным видам юридического процесса, которые предопределены нормами Конституции РФ, имеющими прямое действие.

В частности, ст. 118 Конституции РФ в сочетании со ст. 2 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» предопределяет выделение в качестве самостоятельного юридического процесса конституционное судопроизводство. Юридические дела индицирующей (отображающей) категории — это дела о соответствии Конституции Российской Федерации, формально выделенные в ст. 2 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации».

На основании ст. 118 Конституции РФ и норм КАС РФ и АПК РФ логично выделить юридический процесс, осуществляемый посредством администра-

¹ См. ст. 40, 146 УПК РФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001 г. № 52, ч. I, ст. 4921; ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011 г. № 1, ст. 15

² См. ст. 21 УПК РФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001 г. № 52, ч. I, ст. 4921

тивного судопроизводства. Юридические дела индицирующей (отображающей) категории, которые позволяют отграничить административное судопроизводство от гражданского, уголовного и конституционного судопроизводства, имеют разнообразные законодательные названия. Так, в ч. 1 ст. 1 КАС РФ юридические дела такого рода называются административными делами, а в ст. 29 АПК РФ — делами об административных правонарушениях, которые в гл. 25 АПК РФ, в свою очередь делятся на две самостоятельные категории: 1) дела о привлечении к административной ответственности; 2) дела об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности. При таком подходе конкретные составы дел об административных правонарушениях, разрешаемых посредством административного судопроизводства, выделяются в другом федеральном законе — КоАП РФ и относятся как к компетенции органов судебной власти, так компетенции специализированных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, иных несудебных государственных органов (например, к компетенции Счетной палаты РФ), а также компетенции организаций, наделяемых отдельными государственными полномочиями, необходимыми в этих целях (например, к компетенции Центрального Банка России, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, административной комиссии и др.).

Сделав акцент на ст. 10 Конституции РФ, отметим, что при отсутствии единообразия в названии юридических дел, индицирующей (отображающей) категории, в нормах АПК РФ и КоАП РФ разделяются судебный порядок и исполнительный (внесудебный) порядок разрешения дел об административных правонарушениях. При этом очевидно, что деятельность судов по разрешению дел об административных правонарушениях, выделяемых в КоАП РФ и АПК РФ, а также деятельность судов по разрешению административных дел, предусмотренных КАС РФ, не может осуществляться иначе, как посредством административного судопроизводства в силу прямого действия ст. 118 Конституции РФ.

Отметим, что юридический процесс, осуществляемый посредством административного судопроизводства, имеет свою правовую основу, которую недопустимо отождествлять правовыми основами гражданского или уголовного процесса, а также конституционного судопроизводства. Так, в ст. 2 КАС РФ выделяется массив федеральных законов, именуемый законодательством об административном судопроизводстве, а в ст. 1.1. КоАП РФ обособлен массив федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации, за которым закрепилось название «законодательство об административных правонарушениях».

Очевидно, что в соответствии со ст. 72 Конституции РФ, обозначенные массивы отечественного законодательства являются составными частями административно-процессуального законодательства, относимого к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В этой связи представляется обоснованным утверждение, что административно-процессуальное законодательство создает правовую основу для разрешения дел об административных правонарушениях, а также иных категорий административных дел как в судебном порядке, так исполнительном (внесудебном) порядке.

Развивая положения ст. 72 Конституции Российской Федерации предлагается различать две взаимосвязанные самостоятельные системы административно-процессуальной деятельности компетентных органов, создаваемых и функционирующих сегодня в Российской Федерации: 1) система административных судопроизводств, осуществляемых компетентными судами в специальном про-

цессуальном порядке, регламентированном федеральным административно-процессуальным законодательством. Такой специальный процессуальный порядок предлагается называть судебным административно-процессуальным порядком; 2) система административных производств, осуществляемых в порядке, регламентированном федеральным административно-процессуальным законодательством и административно-процессуальным законодательством субъектов Российской Федерации, компетентными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления (данные органы в обобщенном виде предлагается называть публичной администрацией), в также иными компетентными несудебными государственными органами и организациями, наделяемыми отдельными государственными полномочиями, которых предлагается называть иными административно-публичными органами. Выделяемый специальный процессуальный порядок предлагается называть исполнительным (внесудебным) административно-процессуальным порядком.

Признавая самостоятельность исполнительного (внесудебного) и судебного административно-процессуального порядка, представляем, что данные процессуальные порядки реализуются в ходе административного процесса в тесной и неразрывной взаимосвязи. Такая взаимосвязь исполнительного (внесудебного) и судебного административно-процессуальных порядков может быть трансмиссионной (передаточной), ступенчатой (последовательной), альтернативной (выборочной) [6].

Исходя из предложенного понимания исполнительного (внесудебного) и судебного административно-процессуального порядка административное судопроизводство, следует понимать как регламентированный административно-процессуальным законодательством юридический цикл (система сменяющих друг друга этапов, стадий) последовательных административно-процессуальных действий и решений компетентных органов судебной власти, реализуемых в целях и ходе разрешения однородной группы судебных административных дел, обособляемой в нормах административно-процессуального законодательства (в т.ч. по возбуждению таких дел, рассмотрению их по существу, обеспечению исполнению решений, принятых по делу). Соответственно, административное производство понимается как регламентированный административно-процессуальным законодательством юридический цикл (система сменяющих друг друга этапов, стадий) последовательных административно-процессуальных действий и решений компетентных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, а также иных административно-публичных органов, реализуемых в целях и ходе разрешения однородной группы административных (внесудебных) дел, обособляемой в нормах административно-процессуального законодательства (в т.ч. по возбуждению таких дел, рассмотрению их по существу без обращения в суд либо подготовки к рассмотрению судом по существу, исполнения решений, принятых по делу).

Обобщая комплексный анализ ст. 10, 18, 72, 118 Конституции РФ во взаимосвязи с нормами КАС РФ, АПК РФ, КоАП РФ, а также обозначенные научные позиции, можно сделать вывод о фактически сформировавшемся и развивающемся в Российской Федерации самостоятельном юридическом процессе, который осуществляется посредством системы административных производств, осуществляемых компетентными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления, называемыми публичной администрацией, иными несудебными государственными органами, организациями, наделяемыми не-

обходимыми государственными полномочиями, которые в обобщенном виде называются иными административно-публичными органами, во взаимосвязи с системой административных судопроизводств, реализуемых компетентными органами судебной власти. При таком подходе данный юридический процесс логично называть административным процессом, в качестве составных частей которого рассматривать исполнительный (внесудебный) административный процесс и судебный административный процесс.

Предложенный подход к пониманию административного процесса называется интегративным, разработан группой российских ученых-административистов и активно развивается в специальной учебной и научной литературе [7, с. 3–15; 8; 9].

Развивая интегративное понимание административного процесса, административное дело предлагается рассматривать в качестве самостоятельного вида юридических дел, разрешаемого публичной администрацией и судами в рамках административного процесса в целях достижения баланса наиболее значимых частных и публичных прав, законных интересов посредством автономизированных процессуальных порядков, в частности: посредством разрешения данного дела в специальном процессуальном порядке, а именно: исполнительном (внесудебном) административно-процессуальном порядке либо в судебном административно-процессуальном порядке.

Исполнительный административный процесс понимается как регламентированная административно-процессуальным законодательством Российской Федерации комплексная деятельность органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, иных административно-публичных органов, а также должностных лиц, осуществляющих функции данных органов (далее также — административно-публичные должностные лица) по разрешению административных (внесудебных) дел в специальном процессуальном порядке посредством системы административных производств, обособляемых в зависимости от категории разрешаемого дела.

Соответственно, судебный административный процесс — это регламентированная административно-процессуальным законодательством комплексная деятельность органов судебной власти (уполномоченных судей) по осуществлению правосудия в форме разрешения судебных административных дел посредством системы административных судопроизводств, обособляемых в зависимости от категории разрешаемого дела.

С позиции изложенного, предметом современного административного процесса в России является разрешение административных (внесудебных) дел и судебных административных дел.

Стоит уточнить, что всякое административное (внесудебное) дело, является самостоятельным видом индивидуального юридического дела, который: а) возникает в ходе исполнительного административного процесса из административных и иных правоотношений, связанных с обеспечением исполнения норм федерального законодательства и законодательства субъектов РФ в целях достижения баланса наиболее значимых частных и публичных прав, законных интересов; б) относится к компетенции органов публичной администрации (компетенции органов исполнительной власти и органов местного самоуправления) и иных административно-публичных органов; в) разрешается органами публичной администрации, иными административно-публичными в исполнительном (внесудебном) административно-процессуальном порядке, а именно: в интересах публичного образования (Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального

образования), частного лица (физического лица или организации) посредством административного производства.

Обобщая перечисленные признаки, административное (внесудебное) дело понимается как индивидуальный (персонифицированный) юридико-фактический вопрос (юридико-фактическая ситуация), связанный с достижением баланса наиболее существенных частных и публичных прав, законных интересов, который возникает в ходе деятельности компетентных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, иных административно-публичных органов по осуществлению административно-публичных функций и разрешается в исполнительном (внесудебном) административно-процессуальном порядке (а именно: в интересах публичного образования (Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования), частного лица (физического лица или организации) посредством административного производства).

Судебное административное дело, в свою очередь рассматривается как самостоятельный вид индивидуального юридического дела, который: а) возникает в ходе осуществления правосудия в целях достижения баланса наиболее значимых частных и публичных прав, законных интересов в административных и иных правоотношениях, связанных с обеспечением исполнения норм федерального законодательства и законодательства субъектов РФ; б) относится к компетенции Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных судов; в) разрешается в судебном административно-процессуальном порядке, а именно: в интересах публичного образования (Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования), частного лица (физического лица или организации) посредством административного судопроизводства.

Обобщая перечисленные признаки, судебное административное дело можно определить как индивидуальный юридико-фактический вопрос (юридико-фактическая ситуация), возникший в ходе осуществления правосудия в целях достижения баланса наиболее значимых частных и публичных прав, законных интересов в административных и иных правоотношениях, связанных с обеспечением исполнения норм федерального законодательства и законодательства субъектов РФ, который отнесен к компетенции Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных судов и разрешается в судебном административно-процессуальном порядке, а именно: в интересах публичного образования (Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования), частного лица (физического лица или организации) посредством административного судопроизводства.

Для объективного обособления (автономизации) административных производств и административных судопроизводств в административном процессе предлагается использовать такие специальные термины как «категория административного (внесудебного) дела», «категория судебного административного дела», которые отражают: а) особенности оснований (поводов) возбуждения данного дела; б) характер (предмет) разрешаемого дела; в) специфику правовых последствий разрешения дела.

Более подробно система административных производств, а также основные (приоритетные) и комплексные (концептуальные) виды исполнительного административного процесса, обособляемые в зависимости от научно обоснованной категории административных (внесудебных) дел, раскрывается в специальной литературе, посвященной изучению исполнительного административного процесса [10].

Разработка научно обоснованных категорий судебных административных дел в свою очередь позволяет уяснить особенности структуры современного судебного административного процесса в Российской Федерации.

В этой связи категория административного судебного дела понимается как научно обоснованная однородная группа судебных административных дел, позволяющая обособлять в структуре административного процесса самостоятельные (автономные) виды административного судопроизводства.

В зависимости от характерных признаков однородности судебного административного дела предлагается различать: 1) специальные категории судебных административных дел, которые позволяют обособить в структуре судебного административного процесса специализированные виды административного судопроизводства; 2) систематизированные (комплексные) категории судебных административных дел, позволяющие обособить в структуре судебного административного процесса ряд административных судопроизводств, консолидированных (объединенных) по однородным признакам.

Специальные категории судебных административных дел логично выделить при наличии совокупности типичных оснований возбуждения дела, предмета дела, правовых последствий разрешения дела. Из анализа норм действующего административно-процессуального законодательства к числу специальных категорий судебных административных дел предлагается отнести, например, дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений. Дела данной категории, предусмотрены ч. 2. Ст. 1 КАС РФ, а именно дела об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части; об оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами; об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; об оспаривании решений, действий (бездействия) некоммерческих организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в т.ч. саморегулируемых организаций и др. Специальные категории судебных административных дел предусмотрены в АПК РФ и КоАП РФ, а именно, это дела об административных правонарушениях, в т.ч. дела о привлечении к административной ответственности и дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности. К числу специальных категорий судебных административных дел можно отнести так называемые административные дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям. Данная категория судебных административных дел выделена в ч. 3 ст. 1 КАС РФ, в т.ч., например, дела о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке; дела об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; дела о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни.

Комплексная категория судебных административных дел — научно обоснованная систематизированная однородная группа дел, позволяющая объединить в структуре судебного административного процесса самостоятельные (автономные) административные судопроизводства при наличии однородных доказательств в деле.

С позиции изложенного к комплексным категориям судебных административных дел относятся: а) судебные административно-правовосстановительные дела; б) судебные административно-деликтные дела; в) судебные административно-санкционирующие дела.

Судебные административно-правовосстановительные дела — отнесенные к компетенции судов: дела об урегулировании административно-правовосстановительных споров общего характера; дела об урегулировании административно-экономических споров. Судебные дела об урегулировании административно-правовосстановительных споров общего характера определены в ч. 2 ст. 1 КАС РФ. Судебные дела об урегулировании административно-экономических споров выделены в ст. 29 АПК РФ. Предметом судебных дел об урегулировании административно-правовосстановительных споров общего характера являются оспариваемые решения, действия (бездействие) административно-публичных органов и должностных лиц, которые с точки зрения заявителя (физического лица или организации) не связаны с административно-правовым принуждением, но нарушают или ущемляют его права, законные интересы, не требующие специального судебного разбирательства. Предметом судебных дел об урегулировании административно-экономических споров являются оспариваемые решения, действия (бездействие) административно-публичных органов и должностных лиц, которые с точки зрения заявителя (индивидуального предпринимателя или юридического лица) не связаны с административно-правовым принуждением, но нарушают или ущемляют его права, законные интересы, требующие специального судебного разбирательства в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебные административно-деликтные дела — отнесенные к компетенции судов: дела об административных правонарушениях (дела о привлечении к административной ответственности; дела об оспаривании в суде решений о привлечении к административной ответственности); дела о нарушениях обязательных требований (дела о восстановлении нарушенных обязательных требований; дела об оспаривании решений, действий (бездействия) контрольно-надзорных органов по профилактике и устранению нарушений обязательных требований). Судебные дела об административных правонарушениях определены в ст. 23.1., 30.1. КоАП РФ, а также ст. 29, гл. 25 АПК РФ. Судебные дела о нарушениях обязательных требований, предусмотренных федеральным законодательством, регламентирующим контрольно-надзорную деятельность публичной администрации и иных компетентных административно-публичных органов. В настоящее время данная контрольно-надзорная деятельность регламентирована посредством системообразующего федерального закона — Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Автономные сферы и направления контрольно-надзорной деятельности публичной администрации регламентируют специальные «рамочные» федеральные законы, в том числе, например, ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального кон-

троля» обособляет систему судебных дел об оспаривании решений, действий (бездействия) контрольно-надзорных органов по профилактике и устранении нарушений обязательных требований. Ст. 20 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», ст. 40 ФЗ «О техническом регулировании», ст. 23 «О защите конкуренции» отграничивают ряд судебных дел о восстановлении нарушенных обязательных требований, в том числе: дела об аннулировании лицензий, дела о принудительном отзыве продукции, дела о понуждении к исполнению решений и предписаний антимонопольного органа. Представляется логичным составить ряд судебных дел о восстановлении нарушенных обязательных требований, посредством выделения из общего перечня дел, предусмотренных ч. 3. ст. 1 КАС РФ, а именно: дела о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии; дела о прекращении деятельности средств массовой информации; об ограничении доступа к аудиовизуальному сервису; дела о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в т.ч. в сети Интернет, информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено; о признании информационных материалов экстремистскими; дела о взыскании обязательных платежей и санкций; дела о временном помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение. Подробнее нарушения обязательных требований, выявляемые в ходе контрольно-надзорной деятельности публичной администрации, исследованы в специальной литературе [11; 12].

Судебные административно-санкционирующие дела — дела об официальном одобрении или разрешении судом (судьей), а также признании судом (судьей) правильными, верными отдельных, публично-значимых административно-ограничительных либо административно-защитных решений и действий публичной администрации. При таком подходе предлагается выделить ряд судебных административно-санкционирующих дел из общего перечня дел, предусмотренных ч. 3. Ст. 1 КАС РФ, а именно: дела об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также дела о госпитализации гражданина в недобровольном порядке (дела о санкционировании административно-ограничительных мер, принимаемых публичной администрацией) и дела о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни (дела о санкционировании административно-защитных мер, применяемых публичной администрацией).

В соответствии с составленным перечнем комплексных категорий судебных административных дел в структуре судебного административного процесса обособляются самостоятельные подвиды судебного административного процесса, а именно: а) судебный административно-правовосстановительный процесс; б) судебный административно-деликтный процесс; в) судебный административно-санкционирующий процесс.

С позиции изложенного подхода к категорированию судебных административных дел судебный административно-правовосстановительный процесс понимается как регламентированная административно-процессуальным законодательством комплексная деятельность компетентных судов (судей) по разрешению судебных административно-правовосстановительных дел посредством специализированных административных судопроизводств, обособляемых в зависимости от категории разрешаемых дел, в т.ч. посредством: общих

административно-правовосстановительных судопроизводств и экономического административно-правовосстановительного судопроизводства.

Судебный административно-деликтный процесс рассматривается как регламентированная административно-процессуальным законодательством комплексная деятельность компетентных судов (судей) по разрешению судебных административно-деликтных дел, осуществляемая посредством специализированных административных судопроизводств, обособляемых в зависимости от категории разрешаемого дела, в том числе посредством: административно-наказательных судопроизводств и административно-восстановительных судопроизводств.

Судебный административно-санкционирующий процесс — регламентированная административно-процессуальным законодательством комплексная деятельность компетентных судов (судей) по разрешению судебных административно-санкционирующих дел, осуществляемая посредством специализированных административных судопроизводств, обособляемых в зависимости от категории разрешаемого дела, в том числе посредством: административно-ограничительных судопроизводств и административно-защитных судопроизводств.

По итогам вышесказанного, структура современного судебного административного процесса в Российской Федерации может быть представлена в следующем схематичном виде:

Разработанная система судебных административных дел в свою очередь может служить научно обоснованным ориентиром дальнейшей систематизации и оптимизации современного судебного административного процесса в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Гражданский процесс: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2014. 960 с.
2. Власов А.А. Гражданский процесс: учебник и практикум для академического бакалавриата. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 470 с.
3. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2017. 1280 с.
4. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 490 с.
5. Шаталов А.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебный курс: в 3-х т. М.; Великий Новгород: ИД МПА-Пресс, 2013. Т. 2. Досудебное и судебное производство. 658 с.
6. Стахов А.И. К вопросу о понимании, соотношении и перспективах развития внесудебного и судебного порядков разрешения дел, возникающих из административно-деликтных ситуаций с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения). 22 марта 2019 года / под общ. ред. А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2019. 282 с.
7. Зеленцов А.Б., Кононов П.И., Стахов А.И. Административный процесс и административно-процессуальное право в России: концептуальные проблемы развития // Административное право и процесс 2013. № 12. С. 3–15.
8. Зеленцов А.Б., Кононов П.И., Стахов А.И. Административно-процессуальное право России: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., Юрайт, 2015. 342 с.
9. Зеленцов А.Б., Кононов П.И., Стахов А.И. Административно-процессуальное право России: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры: в 2 ч. 2-е изд., перераб. и доп. М., Юрайт, 2019. 311 с.
10. Стахов А.И., Кононов П.И. Исполнительное административно-процессуальное право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 373 с.
11. Стахов А.И. Административно-процессуальная деятельность органов государственного контроля и надзора: учебное пособие. М.: РГУП. 2017. 176 с.
12. Гармонизация судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: актуальные проблемы теории и практики/ под ред. А.И. Стахова. М.: РГУП, 2019. 281 с.

References

1. Civil Procedure: textbook. 5th ed., reprint. and DOP / under the editorship of M.K. Treushnikov. M.: Statut, 2014. 960 p.
2. Vlasov A.A. Civil Process: textbook and practice for academic bachelor's degree. 9th ed., reprint. and suppl. M.: Yurait, 2019. 470 p.
3. Golovko L.V. Course of Criminal Procedure. Moscow: Statute, 2017. 1280 p.
4. Bozhev V.P., Gavrilov B.Ya. Criminal Process: textbook for academic bachelor's degree. Moscow: yurayt, 2019. 490 p.
5. Shatalov A.S. Criminal Procedure Law of the Russian Federation: training course: in 3 volumes; Veliky Novgorod: ID IPA-Press, 2013. Vol. 2. Pre-trial and judicial proceedings. 658 p.

6. *Stakhov A.I.* On the Issue of Understanding, Correlation and Perspectives of Development of Non-judicial and Judicial Procedures for Resolving Cases Arising from Administrative and Tort Situations Involving Legal Entities and Individual Entrepreneurs // Actual Problems of Administrative and Administrative-procedural Law: a collection of articles based on the materials of the annual all-Russian scientific and practical conference (Sorokin readings). March 22, 2019 / edited by A. I. Kaplunov. Saint Petersburg: publishing house of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2019. 282 p.

7. *Zelentsov A.B., Kononov P.I., Stakhov A.I.* Administrative Process and Administrative Procedural Law in Russia: conceptual problems of development // Administrative law and process 2013. No. 12. P. 3–15.

8. *Zelentsov A.B., Kononov P.I., Stakhov A.I.* Administrative and Procedural Law of Russia: textbook for bachelor's and master's degrees. Moscow, Yurait, 2015. 342 p.

9. *Zelentsov A.B., Kononov P.I., Stakhov A.I.* Administrative and procedural law of Russia: textbook for undergraduate, specialist and master's degree: in 2 h. 2nd ed., TRANS. and add. M., Yurait, 2019. 311 p.

10. *Stakhov A.I., Kononov P.I.* Executive Administrative and Procedural Law: textbook for universities. Moscow: Yurait, 2020. 373 p.

11. *Stakhov A.I.* Administrative and procedural activity of state control and supervision bodies: textbook. Moscow: RSUP. 2017. 176 p.

12. Harmonization of Judicial Reform with the Reform of State Control and Supervision: Actual Problems of Theory and Practice / ed. by A.I. Stakhov, Moscow: RSUP, 2019. 281 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10115

УДК 349. 621

Л.А. Тимофеев

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ ВОДОСНАБЖЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Введение: в статье излагаются авторские суждения о правовом обеспечении современного водоснабжения в сельской местности, а также о защите и восстановлении эксплуатируемых водных объектов, т.е. темы, привлекающие заслуженное внимание государства и общества в целом. Были высказаны мысли об узких местах в перечне правил, регулирующих обсуждаемые отношения. **Цель:** сохранение непрерывности правового обеспечения эффективного водоснабжения сельских районов при реализации новой государственной программы «Комплексное использование сельских территорий» в рамках нацпроекта «Экология». **Методологическая основа:** системный подход, методы сравнения и описания. Использовались частнонаучные методы: сравнительно-правовые и методы толкования правовых норм. **Результаты:** анализ работы научного сообщества показывает, что значимость проблемы в современную эпоху постоянно возобновляется, что подтверждается в предсезонке. **Выводы:** руководствуясь содержанием приоритетного проекта «Чистая вода», официальной позицией заинтересованных федеральных министерств сотрудников и представителей ряда субъектов Российской Федерации, автор высказал обоснованные предложения и рекомендации — усовершенствовать правовое обеспечение начальных этапов реализации новой программы «Комплексное использование сельских территорий» в области их водоснабжения и восстановления водных объектов.

Ключевые слова: сельские территории, водоснабжение, приоритетный проект, охрана водных объектов.

L.A. Timofeev

ISSUES OF IMPROVING THE LEGAL JUSTIFICATION OF WATER SUPPLY IN RURAL AREAS

Background: the article presents the author's opinions on the legal provision of modern water supply in rural areas, as well as on the protection and restoration of exploited water bodies, i.e. topics that attract the deserved attention of the state and society as a whole. Thoughts were expressed about the bottlenecks in the list of rules governing the discussed relations. **Objective:** to maintain the continuity of legal provision of effective rural water supply in the implementation of the new state program "Integrated Use of Rural Areas" within the framework of the national project "Ecology". **Methodology:** system approach, comparison and description methods. Private-scientific methods were used: comparative legal and methods of interpretation of legal norms. **Results:** analysis of the work of the scientific community shows that the significance of the problem in the modern era is constantly renewed, which is confirmed in the pre-season. **Conclusions:** guided by the content

© Тимофеев Лев Александрович, 2020
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Timofeev Lev Aleksandrovich, 2020

Doctor of law, Professor, Land and environmental law department (Saratov State Law Academy)

of “Pure Water” priority project, the official position of interested federal mini-employees and representatives of a number of constituent entities of the Russian Federation, the author made reasonable suggestions and recommendations — to improve legal support for the initial stages of the new program “Integrated Use of Rural Areas” in the field of their water supply and restoration of water bodies.

Key-words: rural areas, water supply, priority project, protection of water facilities.

Вряд ли стоит упрекать в чрезмерной активности авторов, пишущих на темы развития сельских территорий [1, с. 8–15; 2, с. 396–412; 3, с. 2–9], поскольку в них рассматриваются основные вопросы жизнедеятельности (в частности, водоснабжения) 37,3 млн человек, проживающих в 152 тыс. населенных пунктов. Кроме того, весьма актуальным для уяснения является и терминологический аппарат, используемый на официальном уровне¹. Указанные обстоятельства побудили законодателя к разработке Концепции устойчивого развития сельских территорий², а также пакета нормативных правовых актов, посвященных отдельным аспектам обсуждаемой проблемы³. Современный порядок правового регулирования рассматриваемых отношений предусматриваются Стратегией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. (далее — Стратегия)⁴, Планом мероприятий по ее реализации⁵, ГП-48, а также установлениями ряда национальных проектов⁶.

Как известно, для осуществления плодотворной экономической деятельности в стране формируются и действуют специализированные хозяйственные

¹ Под сельскими территориями понимаются сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района, сельские населенные пункты, рабочие поселки, входящие в состав городских округов (за исключением городских округов, на территориях которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации), городских поселений и внутригородских муниципальных образований г. Севастополя. Перечень таких сельских населенных пунктов и рабочих поселков на территории субъекта Российской Федерации определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации или органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (далее — орган исполнительной власти). В указанное понятие не входят внутригородские муниципальные образования гг. Москвы и Санкт-Петербурга. Приложение № 4 к государственной программе Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». Утверждена постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 (в ред. от 17 октября 2019 г. № 1332) // Собр. законодательства Рос Федерации, 2019. № 23, ст. 2953; № 42, ч. III, ст. 5922 (далее — ГП-48).

² См.: Собр. законодательства Российской Федерации. 2010. № 50, ст. 648.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2002 г. № 858 «О федеральной целевой программе „Социальное развитие села до 2013 года”» (в ред. от 15 июля 2013 г. № 591) // Собр. законодательства Рос Федерации. 2002. № 49, ст. 4887; 2013. № 29, ст. 3968; Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». Утверждена постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе „Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года”», которая досрочно прекращена с 1 января 2018 г. и в дальнейшем осуществлялась в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Утверждена постановлением Правительства РФ 14 июля 2012 г. № 717 (в ред. от 8 февраля 2019 г. № 98) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 32, ст. 4549; 2019. № 7, ч. I, ст. 631.

⁴ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р (в ред. от 13 января 2017 г. № 8-р) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 6, ст. 1014; 2017. № 4, ст. 680; 2018. № 38, ст. 5844.

⁵ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 30 января 2018 г. № 118-р // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2018. № 6, ст. 948.

⁶ См.: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в ред. от 21 июля 2020 г. № 474) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 20, ст. 2817; 2019. № 4, ст. 324.

комплексы, в т.ч. агропромышленный комплекс (АПК), под которым «понимается деятельность сельскохозяйственных товаропроизводителей, признанных таковыми в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства», за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, а также деятельность организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих первичную и (или) последующую (промышленную) переработку сельскохозяйственной продукции и ее реализацию в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством РФ в соответствии с ч. 1 ст. 3 указанного Федерального закона, при условии, что доля дохода от реализации этой продукции в доходе указанных организаций и индивидуальных предпринимателей составляет не менее 70% за календарный год»⁷. Из этого следует вполне логичный вывод, что действующий водохозяйственный комплекс РФ определяет общую потребность АПК в водных ресурсах к 2020 г. в объеме 40 куб. км. В связи этим возникает вопрос о правовой обоснованности (достоверности) указанных объемов водных ресурсов применительно к актуальным направлениям разнообразной деятельности, осуществляемой в границах сельских территорий.

Отправной точкой для авторских суждений следует избрать прямое указание Стратегии на то, что в России ситуация со снабжением сельского населения питьевой водой и с водоотведением остается напряженной⁸, что по мнению законодателя, является одним из классификационных признаков для выделения 4 типов субъектов Российской Федерации с различным характером освоения и сельскохозяйственного использования, потенциалом и ограничениями развития сельской местности⁹. С указанной постановкой вопроса можно согласиться, но лишь отчасти. Дело в том, что процессы водоснабжения и водоотведения довольно сложны, и прежде чем необходимым водным ресурсам непосредственно дойти до стадии удовлетворения нужд заинтересованного потребителя, следует соблюдать следующий порядок (процедуру), а именно:

1. Обеспечить равный доступ физических лиц, юридических лиц к приобретению права пользования (права собственности) водными объектами, расположенными в сельской местности, руководствуясь принципами водного законодательства¹⁰.

По официальным данным, подавляющее большинство водотоков (2,6 млн), протекающих по территории России, имеют протяженность менее 10 км, что в целом составляет около 95% общей длины рек страны. В их бассейнах проживает до 44% населения России и почти 90% сельского населения¹¹, которому при-

⁷ Положение о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам, проживающим на сельских территориях — ГП-48 // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2012. № 32, ст. 4549; 2019. № 7, ч. I, ст. 631.

⁸ Таковы следующие документы стратегического планирования: Водная стратегия РФ на период до 2020. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 27 августа 2009 г. № 1235-р (в ред. 17 апреля 2012 г. № 553-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 36, ст. 436; 2012. № 17, ст. 2096; Федеральная целевая программа «Развитие водохозяйственного комплекса РФ в 2012–2020 годах». Утверждена постановлением Правительства РФ от 19 апреля 2012 г. № 350 (в ред. от 20 июня 2019 г. № 786) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 18, ст. 2219; 2019. № 26, ст. 3441.

⁹ Более подробно об этом, см.: Здравоохранение в России. 2017: Стат.сб./Росстат. М., 3-46 2017. С. 130–132.

¹⁰ См.: Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г. № 488-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 23, ст. 2381; 2019. № 52, ч. 1, ст. 7806 (далее — ВоднК РФ).

¹¹ См.: Государственный доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов в Российской Федерации в 2018 году». М.: НИА-Природа, 2019. С. 24.

ходится нередко прилагать серьезные усилия для гарантированного доступа к необходимым для нормальной жизнедеятельности водным объектам [4, с. 73–83; 5, с. 9; 6, с. 2 и т.д.].

Прежде всего, указанные водные объекты должны соответствовать требованиям ст. 43 ВоднК РФ «Использование водных объектов для целей (на наш взгляд, здесь целесообразна вставка — «удовлетворения потребностей») питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения». Предлагаемые текстовые изменения позволят более четко разграничивать сферы правового регулирования отношений по использованию и охране водных объектов от регулирования отношений водоснабжения, подпадающих под действие норм ГК РФ, а также Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении»¹². Кроме того, ст. 43 ВоднК РФ предписывает, что для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения должны использоваться защищенные от загрязнения и засорения поверхностные водные объекты и подземные водные объекты, пригодность которых для указанных целей определяется на основании санитарно-эпидемиологических заключений, которые подготавливаются во исполнение санитарно-эпидемиологических правил (СанПиНы, Методические указания), где устанавливаются единые санитарно-эпидемиологические требования к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению¹³. В связи с этим необходимо отметить следующее: во-первых, законодатель обязывает правоприменителя учитывать (помимо водных и гражданских) нормы еще одной отрасли российского законодательства, что в известной степени осложняет задачи правоприменения и подталкивает к выводу о необходимости корректировки (разгрузки, упрощения) содержания статьи; во-вторых, водные объекты такого целевого назначения, расположенные в границах городских и сельских населенных пунктов не должны являться источниками биологических, химических и физических факторов вредного воздействия на человека (ст. 18 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»). Попутно заметим, что Президент РФ утвердил перечень поручений, направленных на повышение качества питьевой воды, в числе которых предложено актуализировать санитарные нормы и правила в сфере водоснабжения и водоотведения¹⁴; в-третьих, корректировку программных документов в части доведения целевых индикаторов обеспеченности жителей сельских территорий качественной питьевой водой до уровня показателей, установленных для городского населения [7, с. 2]. С учетом производственных особенностей рассматриваемой отрасли экономической деятельности подлежат реализации следующее:

а) комплекс мер по обеспечению сельского населения питьевой водой нормативного качества на основе реконструкции и развития централизованных систем водоснабжения, установки контейнерных сооружений водоподготовки и повышения санитарной надежности водозаборных сооружений;

б) увеличение темпов реконструкции действующих и строительства новых объектов забора, транспортировки и очистки воды в целях повышения уровня обеспечения централизованным водоснабжением населения, объектов социальной и производственной сфер сельских поселений;

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50, ст. 7358; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8406.

¹³ См.: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (в ред. от 26 июля 2019 г. № 232-ФЗ)// Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 14, ст. 16501; 2019. № 30, ст. 4134.

¹⁴ См.: Перечень поручений Президента РФ, направленных на повышение качества питьевой воды для населения от 20 февраля 2019 г. № ПР-245. Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с этим до конца минувшего года руководителям высших органов исполнительной власти субъектов РФ предлагалось принять меры по обеспечению контроля соответствия питьевой воды у населения показателям безопасности и качества, а заинтересованным федеральным органам предоставить в Правительство РФ итоговый доклад с оценкой результативности реализации вышеуказанных программ и предложениями по совершенствованию тарифной политики в рассматриваемой сфере. Думается, что смена Правительства России¹⁵ ставит под сомнение выполнение намеченных установлений.

Исследование комплекса вопросов водоснабжения сельских территорий обязывает автора акцентировать внимание на правовом регулировании отношений использования и охраны водных объектов для нужд сельского хозяйства, включая главную форму водопотребления этой отрасли, в качестве которой выступает удовлетворение потребностей орошения. Как известно, в период с 2010 по 2018 гг. произошло уменьшение расходов воды на такие цели примерно на 16%, что вполне соответствует задачам рационализации водопользования, но даже на этом радужном фоне почти незаметно внедрение прогрессивных способов полива (например, капельных систем орошения которых в г. Москве насчитывается всего 3, в Калмыкии — 1, в Астраханской области — 19, Республике Татарстан — только 10, в Саратовской области — 29 и т.д.). Между тем Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г. № 453-ФЗ предусматривает применение наилучших доступных технологий направленных на комплексное предотвращение и (или) минимизацию негативного воздействия на окружающую среду (ст. 28.1)¹⁶. Области применения наилучших доступных технологий устанавливаются Распоряжением Правительства РФ от 24 декабря 2014 г. № 2674 (в ред. от 24 мая 2018 г. № 968)¹⁷. Поэтому целесообразно актуализировать правовое сопровождение повсеместного обеспечения внедрения энергосберегающих технологий, высокоэффективного оборудования и материалов при заборе, транспортировке и очистке воды с целью улучшения технического состояния объектов водоснабжения сельских территорий, а также снижения потерь и повышения качества поставляемой потребителям воды руководствуясь Справочником перспективных технологий водоподготовки и очистки воды с использованием технологий, разработанных организациями оборонно-промышленного комплекса и учетом оценки риска здоровью населения¹⁸. Не следует забывать об удовлетворении потребностей в водных ресурсах круга лиц, занимающихся развитием аквакультуры на сельских территориях. Их перспективные интересы закреплены в документах стратегического планирования¹⁹. В частности, к 2024 г. экспортные поставки рыбных товаров должны вырасти в

¹⁵ См.: Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. «О структуре Федеральных органов исполнительной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 4, ст. 346.

¹⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133; 2019. № 52, ч. I, ст. 7771.

¹⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. III, ст. 299; 2018. № 23, ст. 3315.

¹⁸ Документ утвержден 1 августа 2019 г. Минстроем России для реализации федерального проекта «Чистая вода» национального проекта «Экология» и одобрен Экспертно-технологический совет РАВВ в рамках заседания, прошедшего на III Всероссийском Водном Конгрессе, где был одобрен окончательный вариант справочника.

¹⁹ Предусмотрено, что в рыбохозяйственном комплексе основное внимание будет уделяться усилению лидирующих позиций на мировых рынках рыбной продукции при условии обеспечения национальной продовольственной безопасности. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (Утв. Правительством РФ 29 сентября 2018 г.). Документ опубликован не был. URL: <http://static.government.ru/> (дата обращения: 02.10.2018).

1,6 раза к уровню 2018 г. [8, с. 4]. К сожалению, в текстах Государственных докладов по излагаемой тематике используется терминология не совпадающая с официальной. Авторы полагают, что при анализе водопользования в прудово-рыбном хозяйстве в 2016 г. произошел рост объемов водных ресурсов, но в последующие годы наблюдается уменьшение потребления вод на такие цели в среднем на 6–8% ежегодно²⁰. Законодатель предпринимает попытку теоретического обоснования развития основных направлений развития аквакультуры в современной Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, имея в виду в т.ч.: а) расширение и более интенсивное использование потенциала объектов товарной аквакультуры и новых технологий их выращивания; б) совершенствование механизмов государственной поддержки рыбного хозяйства; в) в области устойчивого развития сельских территорий намечен курс на социальное обустройство сельских и прибрежных рыбацких поселений²¹. На наш взгляд, для исследователя указанный документ является основой для разработки нормативных правовых актов в области обеспечения продовольственной безопасности, развития сельского и рыбного хозяйства. В результате становится обоснованной логика законотворчества, позволяющая своевременно пополнять содержание базового Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 148-ФЗ «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²² необходимыми дополнениями, касающимися непосредственно водоснабжения: «Для целей аквакультуры (рыбоводства) допускается использование земель сельскохозяйственного назначения, занятых водными объектами (обводненными карьерами и прудами, в т.ч. прудами, образованными водоподпорными сооружениями на водотоках и используемыми в целях осуществления прудовой аквакультуры), расположенными в границах земельного участка, в целях осуществления прудовой аквакультуры, а также использование земельного участка для осуществления деятельности, предусмотренной договором пользования рыбоводным участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности» (ст. 5.1)²³.

Огромные масштабы деятельности современного АПК несомненно оказывают негативное влияние на процессы природопользования в пределах сельских территорий, включая и эксплуатируемые водные объекты, которые в своем большинстве по своим морфометрическим характеристикам обладают весьма ограниченными водными ресурсами, а следовательно, в первую очередь должны учитываться мероприятия по проведению водоохранной деятельности [9, с. 2]. Указанные подходы предусматриваются принципом водного законодательства, который провозглашает «приоритет охраны водных объектов перед их использованием. Использование водных объектов не должно оказывать негативное воздействие на окружающую среду». Но далее законодатель при изложении юридической конструкции Водного кодекса РФ позволяет себе отступить от руководящих начал, поскольку нормы водопользования сформированы в гл. 5 законоположения, а гл. 6 носит название «Охрана водных объектов». На наш взгляд, следовало бы взять за образец конструкцию Земельного кодекса РФ, где вопросам охраны земель справедливо посвящена авангардная глава II.

²⁰ См.: Государственный доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов в Российской Федерации в 2018 году». М.: НИИ-Природа, 2019. С. 149.

²¹ Утверждена Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 4, ст. 345.

²² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 27, ст. 3440.

²³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 52, ч. 1, ст. 7820.

На первый взгляд может показаться, что правовое обеспечение охраны и восстановления водных объектов сельских территорий²⁴ достойно парирует современные угрозы и вызовы в сфере отношений российского государства и общества с окружающей средой. Между тем в последние годы отчетливо проявляется тенденция подтопления селитебных территорий и массивов земель сельскохозяйственного освоения [9, с. 3]. В обычных климатических условиях (например, весеннее половодье) такие события не вызывают удивления, но речь идет о негативном воздействии водотоков во время экстремальных летних и даже осенних паводков (в Вологодской, Новгородской, Ярославской и Тверской областях) причиной которых является нерациональная хозяйственная деятельность, влекущая за собой загрязнение, засорение и заиление водных объектов, расположенных на сельских территориях нанесение ущерба населению и экономике [10, с. 4].

Необходимость в интенсификации работ по восстановлению водных объектов расположенных на сельских территориях должна быть увязана со следующими правовыми установлениями:

а) расширением перечня финансирования федерального проекта «Чистая вода» и «Оздоровление Волги»²⁵ в связи с тем, что недофинансирование госпрограммы развития сельских территорий на 2020 г. составляет 43,3 млрд руб., а на трехлетний период — 327,7 млрд руб.:

б) в текущем году в 47 регионах страны начинается реализация примерно 150 проектов комплексного развития сельских территорий, из которых 104 планируется выполнить всего за 12 месяцев [11, с.2]. Кроме того, регионам предоставлена возможность сохранять неосвоенные в 2019 г. бюджетные средства направленные на выполнение нацпроекта «Экология»²⁶;

в) необходимостью ужесточения контроля за реализацией региональных программ водоснабжения с участием органов прокуратуры и Минстроя России²⁷.

На наш взгляд, положительных результатов следует ожидать от проводимых в современный период разработок по направлениям цифровизации деятельности в сфере водохозяйственного комплекса и, прежде всего, работ по мониторингу водных объектов с обязательным привлечением заинтересованных подразделений Минсельхоза России.

²⁴ Автор имеет в виду не только содержание земельного и Водного кодексов РФ, но и важнейшие подзаконные нормативные акты, такие как Правила охраны поверхностных водных объектов. Утверждены Постановлением Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 79 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 7, ст. 989; Правила охраны подземных водных объектов. Утверждены Постановлением Правительства РФ от 11 февраля 2016 г. № 94 (в ред. от 25 декабря 2019 г. № 1829) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 8, ст. 1115; 2020. № 1, ч. I, ст. 31 и т.д.

²⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2019 г. № 1959 «О внесении изменений в приложения № 15(1) и 15(2) к государственной программе Российской Федерации „Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 2, ч. II, ст. 201.

²⁶ См.: Федеральный закон от 12 ноября 2019 г. № 367-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и установлении особенностей исполнения федерального бюджета в 2020 году» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 46 ст. 6413.

²⁷ Например, соответствующий Порядок контроля за реализацией региональных программ качества водоснабжения утвержден приказом Минстроя России от 28 сентября 2019 г. № 580/пр в целях исправления ситуации, когда обнаруживается, что в период с 2005 по 2018 годы число отчитывающихся водопользователей в сельском хозяйстве сократилось почти на 70%.

Библиографический список

1. *Стрельников А.О.* Некоторые проблемы правового регулирования организации местного самоуправления // Административное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 8–15.
2. *Фадеев В.И.* Местное самоуправление в России: исторический опыт и современная практика правового регулирования // Lex russica. 2014. №4. С. 396–412.
3. *Шугрина Е.С.* Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития // Муниципальное право. 2014. № 4. С. 2–19.
4. *Казакова С.* Аренда водных объектов // Жилищное право. 2017. № 10. С. 73–83.
5. *Москалькова Т.Н.* Формирование экологического правопорядка как необходимое условие эффективной охраны окружающей среды // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2017. № 5. С. 4–9.
6. *Мерзляков Р.* От жалоб не отмахнуться. Суд обязал чиновников обеспечить хуторян качественной водой // Российская газета. 2019. 12 дек.
7. *Латухина К.* Путин поручил улучшить качество воды // Российская газета. 2019. 21 февр.
- 8 «Рыбная индустрия 2020: образ будущего» — такой была тема XIV Международного конгресса рыбаков во Владивостоке // Fishnews. 2019. 5 дек.
9. *Калашников С.* В Совете Федерации 27 ноября 2019 г. обсудили экономический аспект водохозяйственной деятельности и восстановление водных объектов малых рек // council.gov.ru > events > news.
10. *Игнатова О.* Вилами по воде // Российская газета. 2019. 7 нояб.
11. *Латухина К.* Урожай с гарантией // Российская газета. 2019. 26 дек.

References

1. *Strelnikov A.O.* Some Problems of Legal Regulation of the Organization of Local Government // Administrative and municipal law. 2017. No. 1. P. 8–15.
2. *Fadeev V.I.* Local Government in Russia: Historical Experience and Modern Legal Regulation Practice / Lex russica. 2014. No. 4. P. 396–412.
3. *Shugrina E.S.* Local Government Legislation: Analysis of the State and Trends of Development // Municipal Law. 2014. No. 4. P. 2–19.
4. *Kazakova S.* Water Rentals // Housing law. 2017. No 10. P. 73–83.
5. *Moskalkova T.N.* Formation of Environmental Law and Order as a Prerequisite for Effective Environmental Protection // Precedents of the European Court of Human Rights. 2017. No. 5. P. 4–9.
6. *Merzlyakov R.* From Complaints Not to Dismiss the Court Ordered Officials to Provide Farmers with Quality Water // Russian newspaper. December 12.
7. *Latukhina K.* Putin Instructed to Improve Water Quality // Russian newspaper. 2019. February 21.
- 8 «Fish Industry 2020: The Image of the Future» was the theme of the 14th International Fishermen's Congress in Vladivostok // Fishnews. 2019. 05 December.
9. *Kalashnikov S.* The Federation Council on November 27, 2019 discussed the economic aspect of water management and the restoration of water facilities of small rivers / council.gov.ru q events and news.
10. *Ignatova O.* Pitchfork on Water // Russian newspaper. November 7.
11. *Latukhina K.* Harvest with a Guarantee // Russian newspaper. 2019. December 26.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10116

УДК 349.3:341.231.14

М.И. Акатнова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ХАРТИИ О ПРАВЕ НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Введение: ратификация Россией положений Европейской социальной хартии в сфере социального обеспечения обязывает установить национальный уровень социального обеспечения не ниже минимальных европейских стандартов, что в свою очередь позволяет определить полноту реализации одного из наиболее важных основных прав человека — права на социальное обеспечение. **Цель и задачи:** установление соответствия социально-обеспечительных норм положениям Европейской Социальной Хартии посредством анализа действующего российского законодательства и правоприменительной практики в сфере медицинской помощи, предоставления пенсий и пособий по различным основаниям. **Методологическая основа:** исследование проведено на основе сравнительного анализа норм Европейской социальной хартии и российского законодательства и обобщения правоприменительного опыта в сфере социального обеспечения. **Результаты и выводы:** перечень охватываемых социальных рисков и круга лиц, имеющих право на получение различных видов социального обеспечения в случае их наступления, по российскому законодательству в целом соответствует требованиям Хартии. Автор, в части определения объема и размеров социального обеспечения обосновывает необходимость значительного совершенствования.

Ключевые слова: Европейская социальная хартия, права человека, международные стандарты социального обеспечения, социальное обеспечение, социальное страхование.

M.I. Akatnova

IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF THE EUROPEAN SOCIAL CHARTER ON THE RIGHT TO SOCIAL SECURITY IN THE LEGISLATION OF RUSSIA

Background: Russia's ratification of the provisions of the European Social Charter in the field of social security obliges us to establish a national level of social security not lower than the minimum European standards, which, in turn, allows us to determine the completeness of the realization of one of the most important fundamental human rights - the right to social security. **Objective:** to establish compliance of social security standards with the provisions of the European Social Charter through analysis of current Russian legislation and law enforcement practices in the field of medical care, the provision of pensions and allowances on various grounds. **Methodology:** the study was conducted on the basis of a comparative analysis of the norms of the European Social Charter and Russian legislation, as well as a compilation of law enforcement experience in the field of social security. **Results and conclusions:** the list of social risks covered and the circle of persons

© Акатнова Мария Игоревна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; e-mail: makatnova@yandex.ru

© Akatnova Maria Igorevna, 2020

Candidate of law, Associate Professor, Labor law and social security law department (Moscow State Law University named after O.E. Kutafin)

entitled to receive various types of social security in the event of their occurrence, in accordance with Russian law, generally complies with the requirements of the Charter. In terms of determining the volume and size of security, the Russian social security system requires significant improvement.

Key-words: *the European Social Charter, human rights, international social security standards, social security, social insurance.*

Европейская социальная хартия — договор о правах человека, касающийся социальных и экономических прав, в соответствии со ст. 30 гарантирующий право на защиту от бедности и социальной изоляции, поскольку считается, что жизнь в условиях нищеты и социальной изоляции ущемляет достоинство людей¹. Право на социальное обеспечение — одно из наиболее важных основных прав человека и входит в тот минимум обязательств, который должно взять на себя государство в момент ратификации Хартии.

В соответствии со ст. 12 Пересмотренной хартии, право на социальное обеспечение включает в себя: право на пособия и на поддержание этих пособий на удовлетворительном уровне, безо всякой дискриминации, с целью гарантировать:

доступную медицинскую помощь;

предоставление пособия в следующих случаях: отсутствие дохода, источником которого является работа, болезнь, старость, материнство, несчастный случай на производстве, увечье;

семейные пособия, в частности на детей и взрослых, находящихся на иждивении.

Эффективность реализации перечисленных положений можно оценить посредством анализа охвата системой социального обеспечения социальных рисков, круга лиц и удовлетворительности размера предоставляемого обеспечения.

В части социальных рисков, охваченных системой социального обеспечения, следует отметить, что они в полной мере соответствуют европейским стандартам. Учтены такие события, как утрата заработка или иного дохода вследствие достижения пенсионного возраста, наступления инвалидности, потери кормильца, заболевания, травмы, несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, беременности и родам, рождения ребенка и ухода за ним, безработицы, необходимость получения медицинской помощи и социальных услуг.

Европейский комитет по социальным правам в своем заключении от 2006 г. по Нидерландам указал, что принцип коллективного финансирования является основополагающей характеристикой системы социального обеспечения по ст. 12 Хартии, поскольку с помощью такого финансирования обеспечивается справедливое и экономически правильное распределение рисков среди членов сообщества, в т.ч. между работодателями, а также способствует устранению любой дискриминации в отношении уязвимых категорий населения.

¹ См.: Европейская социальная хартия 1961 г. (пересмотренная в 1996 г.). Ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 23, ст. 2756.

В Российской Федерации указанный принцип коллективного финансирования реализован посредством организации предоставления социального обеспечения, адресованного каждому как члену общества, за счет средств федерального бюджета и социального обеспечения застрахованных и их семей в порядке обязательного социального страхования.

Систему обязательного социального страхования организует и регулирует государство, устанавливая размеры тарифов на страховые платежи по каждому виду страхования, а в случае недостаточности такого финансирования несет субсидиарную ответственность, выделяя недостающие средства из федерального бюджета.

За счет средств обязательного социального страхования финансируются следующие виды социального обеспечения: страховые пенсии по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца, пособие по временной нетрудоспособности, пособие по беременности и родам, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет, страховое возмещение пострадавшим от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, медицинская помощь и др.

За счет бюджетных средств, аккумулируемых как в федеральном государственном бюджете, так и в бюджетах регионов, финансируются такие виды социального обеспечения как: пенсии государственным гражданским служащим, военнослужащим и иным лицам, осуществляющим правоохранительную деятельность и их семьям; социальные пенсии нетрудоспособным гражданам, не имеющим страхового стажа и права на иные виды пенсий; социальные доплаты к пенсии; пособия по уходу за ребенком и иные социальные выплаты в связи с материнством и на несовершеннолетних детей; пособие по безработице; субсидии и компенсационные выплаты; медицинская и лекарственная помощь, не охваченная системой обязательного медицинского страхования, санаторно-курортное лечение; различного рода социальные услуги и льготы.

Как мы видим, российская система социального обеспечения характеризуется значительным многообразием видов социального обеспечения, предоставляемых при наступлении тех или иных событий, признаваемых социально значимыми. Однако мы полагаем, что количество видов обеспечения вторично по отношению к социальным рискам, т.к. именно последние определяют нуждаемость лица. Каким видом будет обеспечиваться эта нуждаемость, для получателя не имеет принципиального значения. Европейская социальная хартия не указывает на конкретные виды обеспечения. Например, в отношении пожилых людей ст. 23 Хартии указывает на необходимость предоставления «достаточных средств, позволяющих им вести достойную жизнь и играть активную роль в государственной, общественной и культурной жизни». Европейский кодекс социального обеспечения², на ратификацию которого ориентированы нормы Европейской социальной хартии, вообще не содержит термин «пенсия». Все виды денежных выплат, в т.ч. по старости, именуется «пособиями». В некоторых странах пенсиями называются выплаты, обусловленные трудовым вкладом или уплатой

² См.: Европейский кодекс социального обеспечения 1964 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

страховых взносов (например, в Республике Казахстан³), а иные выплаты, в т.ч. по старости — пособиями. Применяемые в России термины, с одной стороны, удобны для правоприменителей и в целях их научной классификации, с другой стороны, вызывают трудности при систематизации законодательства [1, с. 21]. Поэтому они, как уже отмечалось, не являются показательными при оценке реализации положений Европейской социальной хартии.

Относительно круга лиц, охваченного системой социального обеспечения в Российской Федерации, можно отметить, что наиболее широкий охват наблюдается в системах пенсионного и медицинского обеспечения.

Система обязательного медицинского страхования — составная часть государственного социального страхования, направленная на обеспечение всех граждан России равными возможностями в получении медицинской и лекарственной помощи, предоставляемой за счет средств обязательного медицинского страхования в объемах и на условиях, соответствующих программам обязательного медицинского страхования.

По данным Федерального фонда обязательного медицинского страхования численность лиц, застрахованных по обязательному медицинскому страхованию, на 1 апреля 2017 г. составила 146,4 млн чел., в т.ч. 61,4 млн работающих и 85 млн неработающих граждан [2, с. 7].

Пенсионной системой в Российской Федерации охвачены все граждане, а также в большинстве случаев постоянно или временно проживающие или временно пребывающие на территории Российской Федерации иностранные граждане или лица без гражданства.

В отношении лиц, занимающихся трудовой деятельностью, и их семей действует система обязательного пенсионного страхования⁴. Соответственно объем их пенсионных прав обусловлен вкладом в страховую систему.

Достаточно широкий круг лиц имеет право на пенсионное обеспечение за счет средств государственного бюджета. К таким лицам относятся те, кто получает пенсию за профессиональную деятельность, так и те, кому пенсия назначается без ее учета, но в связи с особыми заслугами (например, участникам ВОВ) и социально значимыми обстоятельствами (например, лицам, пострадавшим от радиационных и техногенных катастроф). Между тем лица, не имеющие право на пенсию ни по одному из указанных оснований, могут получить социальную пенсию, предоставляемую им как нетрудоспособным членам нашего общества.

Существуют отдельные виды пособий, которые также предоставляются независимо от каких-либо дополнительных условий при наступлении указанного в законе события. К таким пособиям можно отнести, например, социальное пособие на погребение, источники финансирования которого зависят от правового статуса умершего лица, но само право на его получение не зависит от статуса умершего или получателя пособия.

³ См.: Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении» (в ред. от 26 декабря 2019 г. // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2013. июнь. № 10-11 (2635-2636), ст. 55.

⁴ Круг лиц, подлежащих обязательному пенсионному страхованию, закреплен в ст. 7 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (в ред. от 16 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4832.

Большинство пособий, конечно, не имеют такого всеобщего характера. Так право на пособие по беременности, родам предоставляется не всем беременным женщинам, а только застрахованным, а также женщинам — военнослужащим и студенткам очной формы обучения. Пособие по временной нетрудоспособности могут получить только застрахованные по данному виду обеспечения лица. Допустим, что субъект — это получатель единовременного пособия беременная жена военнослужащего, проходящего военную службу по призыву. Право на получение ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет в настоящее время не обусловлено какой-либо связью с трудовой деятельностью, однако круг лиц, имеющих право на данное пособие хоть и достаточно широк, но ограничен родственниками и опекунами ребенка. Жилищные субсидии на приобретение жилья за счет средств бюджета предоставляются только отдельным категориям лиц: военнослужащим, многодетным семьям, жителям Крайнего Севера, официально отработавшим более 15 лет в неблагоприятных климатических условиях и др.

Приведенная дифференциация по кругу лиц и условиям возникновения права на различные виды социального обеспечения не противоречит положениям Европейской социальной хартии, т.к. в соответствии с ними, цель предоставления большинства видов обеспечения — компенсация утраченного заработка, из чего следует, что они должны быть предназначены в первую очередь для занятого населения.

Третьим, и самым проблемным с точки зрения оценки критерием является размер установленных выплат. Основную сложность вызывает то, что Европейская социальная хартия не содержит указаний на какие-либо стандарты в этой части, но предписывает необходимость «поддерживать систему социального обеспечения на удовлетворительном уровне, как минимум на таком, который требуется для ратификации Европейского кодекса социального обеспечения». Европейский кодекс социального обеспечения предлагает в качестве точки отсчета ориентироваться на заработную плату среднего неквалифицированного рабочего взрослого мужчины при нормальной продолжительности рабочей недели, включая надбавки в зависимости от прожиточного минимума, если таковые выплачиваются, с учетом региона проживания. Следует заметить, что в настоящее время в Европе под прожиточным минимумом понимается не уровень бедности, а такой уровень, при котором работники и их семьи должны в состоянии позволить себе базовый, достойный образ жизни, т.е. приемлемый в обществе при его нынешнем уровне экономического развития. Трудящиеся и их семьи должны иметь возможность жить выше уровня бедности и участвовать в общественной и культурной жизни. Европейский комитет по социальным правам исходит из того, что уровнем бедности следует считать величину равную 50% от средней заработной платы в стране. В России прожиточный минимум устанавливается как раз на уровне черты бедности, физиологического выживания, и многие виды обеспечения ориентированы на его размер или производятся доплаты до такого уровня.

Статья 12.1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (в ред. от 1 марта 2020 г.)⁵ устанавливает, что пенсии неработающих пенсионеров не могут быть меньше величины прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации. Если сумма материального обеспечения пенсионера ниже величины прожиточного минимума, ему устанавливаются федеральные социальные доплаты к пенсии до величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации, а также могут производиться региональные социальные доплаты к пенсии до величины прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации. В 2018 г. по данным Пенсионного фонда РФ федеральную доплату к пенсии получали 3,4 млн чел.⁶ Приблизительно такое же количество пенсионеров получают доплаты из региональных бюджетов. Основной круг получателей доплат к страховым пенсиям — это лица, которые осуществляли трудовую деятельность преимущественно (более 15–20 лет) до 1 января 2002 г. Следует констатировать, что существующие сегодня правила конвертации пенсионных прав не позволяют им получать достойную пенсию.

Несмотря на то, что с 2019 г. максимальный размер пособия по безработице должен быть увеличен почти вдвое, он по-прежнему не позволяет говорить о полноценном замещении утраченного лицом заработка. Норма размера пособия по безработице в первые три месяца не может быть ниже 75% от среднемесячного заработка, но это фактически не работает, т.к. соотношение максимального размера пособия по безработице (8000 руб.) к минимальному размеру оплаты труда в 2020 г. (12 130 руб.) составляет 65%. Следовательно, даже те лица, кто получали заработную плату на уровне МРОТ, не смогут получать пособие в размере 75% от заработка.

В сфере медицинского обслуживания на законодательном уровне установлено достаточное количество видов и приемлемый объем услуг, предоставляемых в рамках программы бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Однако принцип доступности и качества медицинской помощи в полной мере в настоящее время не реализован. Например, время за которое бригада скорой помощи должна доехать до пациента при оказании скорой медицинской помощи в экстренной форме не должно превышать 20 мин с момента ее вызова. При этом в территориальных программах это время может быть «обоснованно скорректировано с учетом транспортной доступности, плотности населения, а также климатических и географических особенностей регионов»⁷. Скорректировано, как мы понимаем, преимущественно не в сторону уменьшения. Во многих территориально крупных регионах больному быстрее самому добраться до врача, чем ждать приезда скорой помощи. Ожидание оказания специализированной (в т.ч. высокотехнологичной) медицинской помощи также может затянуться на несколько месяцев, т.к. количество квот, выделяемых на нее, ограничено коли-

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 29, ст. 3699.

⁶ URL: <http://www.pfrf.ru/opendata/> (дата обращения: 27.02.2020).

⁷ См.: часть VIII Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. Программа утверждена Постановлением Правительства РФ от 7 декабря 2019 г. № 1610 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 51, ч. I, ст. 7606.

чеством мест в медицинских учреждениях, способных такую помощь предоставить. Между тем на примере реализации Программы развития перинатальных центров в Российской Федерации в период 2013–2017 гг., в рамках которой было построено дополнительно к существующим 32 перинатальных центра в 30 субъектах РФ, можно увидеть насколько доступность оказания медицинской услуги положительно влияет на динамику улучшения качества жизни населения. Несомненно, позитивен тот факт, что в 2017 г. в 33 субъектах была отмечена нулевая материнская смертность, и в ряде регионов уровень младенческой смертности снизился до нулевых показателей.

Относительно тех пособий, право на которые обусловлено фактом застрахованности получателя, то ситуация, на первый взгляд, складывается вполне положительно. Размер таких пособий устанавливается в процентах к заработной плате лица и может составлять от 40 до 100%, что в полной мере соответствует положениям Европейской социальной хартии. Застрахованному лицу, имеющему страховой стаж менее шести месяцев, отдельные виды пособий выплачивается в размере не превышающем минимального размера оплаты труда за полный календарный месяц, что также не является нарушением, т.к. для получения выплат, обусловленных уплатой страховых взносов, могут устанавливаться требования минимального периода таких взносов. Однако страховые пособия (по беременности и родам, по временной нетрудоспособности, ежемесячное пособие по уходу за ребенком) исчисляются исходя из среднего заработка застрахованного лица, рассчитанного за два календарных года, предшествующих году наступления страхового случая. Если у застрахованного лица не было заработка за два предшествующих года, то пособия исчисляются исходя из минимального размера оплаты труда. Таким образом, 6-месячный минимальный стаж может увеличиться до 12-месячного. При условии того, что человек работает два неполных предшествующих года, размер пособия также может быть исчислен из минимального размера оплаты труда, т.к. средняя заработная плата, независимо от продолжительности работы за этот период, будет исчисляться с учетом количества дней в двух годах.

Подводя итог проведенному анализу соответствия правовых норм российской системы социального обеспечения положениям Европейской социальной хартии, можно сделать следующий вывод. Из трех критериев, на основании которых проводилась оценка, два — перечень охватываемых социальных рисков и круг лиц, имеющих право на получение различных видов социального обеспечения в случае их наступления, — в целом соответствует требованиям Хартии. В отношении третьего критерия — объема и размеров, предоставляемого обеспечения такого, окончательных выводов сделать нельзя. Прожиточный минимум, уровень которого принимается в Российской Федерации в качестве основы для назначения доплат к пенсиям, не может служить ориентиром обеспечения достойной жизни; максимальный размер пособия по безработице даже не дотягивает до этого прожиточного минимума; принцип доступности медицинской помощи в полной мере не реализован; минимальный страховой стаж для получения отдельных видов страховых пособий необоснованно увеличен. Очевидно, в части определения объема и размеров обеспечения российская система социального обеспечения требует значительного совершенствования.

Библиографический список

1. *Благодир А.Л.* Система права социального обеспечения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 51 с.
2. Отчет о результатах деятельности Федерального фонда обязательного медицинского страхования в 2018 году. М.: Федеральный фонд ОМС, 2019 г. 90 с.

References

1. *Blagodir A.L.* Social Security Law System: Extended abstract of dis. ... doc. of law. Moscow, 2014. 51 p.
2. Report on the performance of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund in 2018. M.: Federal MHI Fund, 2019. 90 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10117

УДК 004

И.В. Бирюлин, Ю.В. Сорокина

О РОЛИ НОВЫХ МЕДИА В ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Введение: в XXI в. процессы информатизации приобрели уже общемировой масштаб. Эти процессы меняют структуру информационного пространства и кардинально меняют традиционные прежде модели коммуникации, управления, образования и другие сферы жизни общества. Новые медиа в этом контексте играют свою значимую роль, добавляя скорости и неоднородности обозначенным процессам. **Цель:** анализ столкновения вертикальной государственной информационной системы и негосударственной горизонтальной информационной системы, результатом чего стал доступ к созданию отдельными гражданами каналов массового потребления (что на протяжении последних двухсот лет было прерогативой государства и экономических элит) и определение понятия и содержания категории «новые медиа»; анализ мнения теоретиков и практиков относительно их роли в российском информационном пространстве. **Методологическая основа:** системный, структурно-функциональный методы исследования. **Результаты:** характеристика новых медиа как категории основывается на их положительной и отрицательной оценках в совокупности, при этом положительных моментов отмечается больше, т.к. пользователи новых медиа являются не просто пассивными получателями информации, но и активными участниками процесса. **Вывод:** новые медиа являются не только новым термином в информационном пространстве России и на страницах научных изданий, но и реальностью, создающей новый информационный мир — мир горизонтального сетевого взаимодействия — в котором традиционным СМИ придется использовать технологии сети либо уйти с информационного пространства.

Ключевые слова: информационное пространство, новые медиа, средства массовой информации, цифровизация.

I.V. Biryulin, J.V. Sorokina

ON THE ROLE OF NEW MEDIA IN THE TRANSFORMATION OF INFORMATION SPACES OF RUSSIA

Background: in the 21st century informatization processes have already gained a global scale. These processes change the structure of the information space and radically change the previously traditional models of communication, management, education and other areas of society. New media in this context play their significant role, adding speed and

© Бирюлин Иван Викторович, 2020
Кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук (ПИУ им. П.А. Столыпина филиал РАНХиГС); e-mail: senior.birulin@yandex.ru

© Сорокина Юлия Викторовна, 2020
Кандидат юридических наук, профессор кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: al-sorokin@yandex.ru

© Biryulin Ivan Viktorovich, 2020
Candidate of political sciences, Associate Professor, Political sciences department (PIE named after P.A. Stolypin branch of RANEPA)

© Sorokina Julia Victorovna, 2020
Candidate of law, Professor, Land and environmental law department (Saratov State Law Academy)

heterogeneity to the indicated processes. Objective: to analyze the collision of the vertical state information system and the non-state horizontal information system, which resulted in access to the creation of mass consumption channels by individual citizens having been over the past 200 years the prerogative of the state and economic elites, to define the concept and content of the category new media; to analyze the opinions of theoreticians and practitioners regarding their role in the Russian information space. Methodology: system, structurally functional methods of research. Results: the characterization of new media as a category is based on their positive and negative ratings in the aggregate, while more positive aspects are noted, because users of new media are not only passive recipients of information, but also active participants in the process. Conclusion: new media are not only a new term in the information space of Russia and on the pages of scientific publications, but also a reality creating a new information world - the world of horizontal network interaction - in which traditional media will have to use network technologies or leave the information space.

Key-words: *information space, new media, mass media, digitalization.*

Длительный период времени самым распространенным понятием, которое имело обобщающее значение в отношении информационных процессов и явлений, было понятие «средства массовой информации» (емкая и общеизвестная аббревиатура СМИ). Позже стали появляться такие термины, как «средства массовой коммуникации» (СМК), «информационное пространство», «информационное поле». Сегодня все большее распространение получает термин «медиапространство» или «медиа ландшафт». Это может быть связано с тем, что само пространство геополитически не изменилось, но значительные изменения произошли в социальном и ноосферном значениях информационного пространства. Закрываются схемы государственного управления, разработанные еще в начале XX в., ориентированные на вертикальное одноканальное воздействие государства на общество через СМИ, с одной стороны, и развиваются системы, дающие подключение к каждому потребителю индивидуально, возможность настройки влияния политических сред через интересы и увлечения отдельного индивида, с другой стороны. Информация стремительно выходит на принципиально другой уровень, она становится горизонтальной, причем при полной поддержке самого индивида, воспринимающего информационную среду как систему свободного выбора.

Данная плоскость полностью меняет ландшафт, архитектуру взаимодействия общества и государства, возможности влияния и управления, иными словами, социальное пространство «нового» горизонтального типа переводит вертикальные государственные системы в общественную горизонталь, где субъектов значительно больше, чем государственных систем, поэтому у общества впервые с начала XIX в., появляется возможность через развитие информационного общества уравновесить государственные системы, ставшие излишне вертикальными. Однако можно предположить, что этот же процесс из горизонтального может перерасти в вертикальный в том случае, если государство будет преобладать в информационной среде над гражданскими инициативами.

Сегодня происходит столкновение вертикальной государственной информационной системы и негосударственной горизонтальной информационной системы, развивавшейся изначально как информационная среда дополнительных инструментов бизнеса и коммуникаций, давшая с появлением новых технологий и

программного обеспечения то, что на протяжении последних двух столетий было прерогативой государства и экономических элит: доступ к созданию отдельными гражданами каналов массового потребления. Можно сказать, что общественность превалирует в современном информационном поле и пространстве над государственным присутствием в количественном измерении, но в качественном — ресурсы государства по-прежнему вне конкуренции.

Особую роль в формировании информационного поля нового типа в России, как и во всех странах в стадии перехода на постиндустриальную экономику, играют новые медиа, под которыми преимущественно понимаются такие субъекты или объекты, как социальные сети, видеохостинги, микросайты, блоги, информационные агентства, интернет-ТВ, интернет-радио, порталы для обмена информацией, электронные архивы и т.д. Обратимся к научной трактовке новых медиа и информационного пространства нового типа.

Российские исследователи Е.В. Симонова и И.Д. Денисова приводят в своей работе понятие, данное Расселом Нойманом, профессором Мичиганского университета, который определил *new media* как «новый формат существования средств массовой информации, постоянно доступных на цифровых устройствах и подразумевающих активное участие пользователей в создании и распространении контента» [1, с. 88]. Из данного определения следует, что появление новых медиа — это совсем новое явление в информационном пространстве всех государств, поскольку до конца 1980-х гг., даже у таких лидеров, как Япония и США, фактически не было цифровых форматов сетей массового потребления. Таким образом, отставание России в фундаментальных моментах технологической и программной обеспеченности в этой части имеет не полувековую основу, а только 20 лет от самых передовых информационных пространств мира.

Для развития новых медиа принципиальное значение имеет Интернет, а точнее его качество, т.е. скорость передачи информации. По этому критерию в России также наблюдается колоссальная динамика, особенно с учетом территориальных особенностей. Достаточно вспомнить, что еще в 2007 г. практически 100% домашнего интернета шло по телефонным линиям через IDSL модем, позволяющий пользоваться фактически только текстовыми ресурсами (просмотр фильма растягивался на 5 часов, о скачивании не было и речи). Уже 8 лет спустя после начала реализации государственной программы по созданию скоростных широкополосных сетей общего пользования для подключения бытовых абонентов стало возможно не только просматривать видеофайлы в онлайн-режиме, но и даже вести прямую трансляцию на видеохостинг со своего мобильного устройства, даже находясь при этом в движении.

Другие российские исследователи, В.Л. Вайнер и Н.Ю. Гладких, сравнили различные подходы к понятию новые медиа в научных школах Франции, Германии, Австралии. Они ставят в пример французского профессора Пьера Леви, специалиста в области киберкультуры. Можно выделить некоторые особенности восприятия анализируемого термина. Во-первых, это цифровая основа — сообщения, получаемые и передаваемые пользователем кодируются с помощью цифровой базы данных. Во-вторых, это их взаимосвязанность — подключение к сети (мобильный телефон, компьютер, плеер, цифровая камера и т.п.) и возможность ввода-вывода информации из киберпространства. В-третьих, их интерактивность — информация (звуки, изображения, текст, гипердокументы, игры) в

новых медиа может быть считана в режиме реального времени и представлена пользователю в удобной для него форме [2, с. 19].

В Германии понятийная основа новых медиа также базируется на использовании новых, предпочтительно цифровых технологий, в различных сферах жизни: искусство, журналистика, реклама и др. Традиционный список новых медиа здесь распространяется также на медиа-фасады (светодиодные панели, проекции и т.п.) и киноиндустрию (Web-TV, видеоблоги) [2, с. 20].

В Австралии существует разделение на «расслабляющие, бездельничающие» (sit back) и «вовлекающие, тянущие вперед» (lean forward) медиаканалы. К первым относятся классические (традиционные) виды медиа: телевидение, радио, кино, пресса, книги. В этом случае потребитель информации не имеет возможности изменять контент потребляемого медиа, и ему действительно остается только откинуться в кресле и потреблять. Если же мы говорим о новых медиа, то здесь потребитель информации должен проявлять активность в потреблении контента, выбирая тот, который соответствует его интересам и желаниям [2, с. 21].

Будолак М.С. полагает, что новые медиа — это новый вид онлайн-СМИ, где любой пользователь сети, не обладающий навыками программирования, может участвовать в процессе создания, хранения и распространения социально значимой информации, имеющей периодический характер и адресованной широкой общественности [3, с. 18].

Объединяя различные подходы к понятию новых медиа, заметим, что у всех исследователей в различных школах и странах есть как минимум один общий принципиальный элемент, а именно связь новых медиа с Интернетом и возможностями, которые он открыл как для общества в целом, так и для традиционных СМИ в частности.

По этому основанию считаем целесообразным разделить подходы в понимании того, что конкретно считать новыми медиа, а что можно обозначить как дополнительные возможности для традиционных СМИ. Под средством массовой информации понимается «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)»¹. Это вполне подходит для таких устоявшихся средств массовой информации как телевидение, радио, газеты и журналы, а также прочих периодических изданий, для которых характерной чертой является вертикальный принцип распространения. Если интернет-ресурсы используются для предоставления новых услуг, увеличения аудитории либо просто в конкурентной борьбе на рынке медиaprостранства, то их можно обозначить как ресурсы традиционных СМИ с расширенными возможностями в интерактивной сети. Исходя из обозначенного выше под новыми медиа предлагаем понимать «ресурсы изначально возможные только в цифровом пространстве интернет-сети, ориентированные на социальный принцип горизонтального распространения контента».

Наблюдается столкновение традиционных и новых ресурсов коммуникации, однако свои сильные и слабые стороны есть у игроков с обеих сторон и, прежде

¹ См.: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7, ст. 300; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 49, ч. 5, ст. 6985.

чем делать аналитические обобщения, считаем целесообразным проанализировать расклад сил в российском медиапространстве в настоящий момент.

По результатам исследования ВЦИОМ главным источником новостей о событиях в стране для большинства наших сограждан остается телевидение, однако его популярность со временем снижается (62% опрошенных в 2015 г., 52% — в 2017 г.). Радио и газеты называют существенно реже (3% и 4% опрошенных соответственно). При этом лидером остается центральное телевидение. Одновременно растет популярность Интернета (включая информационные сайты, социальные сети и блоги), который используется для поиска новостных материалов (в 2015 г. — 22%, в 2017 г. — 32% всех опрошенных). Сеть является главным источником новостей для молодежи: 65% — 18–24 лет, 50% — 25–34 лет².

Более поздние аналитические замеры подтверждают обозначенную тенденцию. Так, «Ведомости» со ссылкой на данные «Mediascope» за первый квартал 2019 г. опубликовали данные, согласно которым в день в Интернет заходит в среднем 75% жителей российских городов с населением более 100 тыс. человек, а телевизор в день смотрит в среднем 70,4% горожан старше 12 лет. Тем не менее телеканалы пока все еще продолжают собирать большую, чем Интернет, месячную и недельную аудиторию³.

Как видим, Интернет уверенно занял вторую строку по востребованности после телевидения. Причиной является его интерактивность, мультимедийность, интегративные возможности всего со всем, взаимосвязь с другими участниками коммуникационных процессов, свобода выбора контента, возможность влиять на коммуникационные процессы, лаконичность, быстрота доступа, мобильность коммуникационных устройств. Кроме того такому быстрому росту способствует и ориентированность руководства страны на скорейшее вхождение России в постиндустриальную экономику.

Одним из первых, кто на государственном уровне выделил развитие Интернета и цифровых технологий, в т.ч. новых медиа, был Президент России Д.А. Медведев, обозначивший в Послании Федеральному Собранию РФ в 2008 г. необходимость развития широкополосного Интернета, электронной демократии, информационного правительства и других уже привычных сегодня явлений. Спустя 10 лет Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев обозначил новые ключевые задачи в этой сфере «...устранение цифрового неравенства и обеспечение единого информационного пространства страны. Мы подключаем к интернету стационарной связи малые населенные пункты, удаленные районы, чтобы граждане нашей страны могли пользоваться теми возможностями, которые сегодня открывают современные коммуникационные технологии и для образования, и для медицины, и для отдыха. Меняется образ жизни людей, появляются новые отрасли, новые рынки, управленческие модели. Конечно, важно, чтобы наша страна во всем этом процессе заняла достойное место, поэтому нужно развивать инфраструктуру передачи данных и инфраструктуру связи, в целом. В успехе цифровизации в целом заинтересованы и государство, и бизнес, и, в конечном

² ВЦИОМ опубликовал данные опроса о том, к каким СМИ россияне чаще всего обращаются за новостями о событиях в стране и мире, информации из каких источников доверяют больше. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 05.02.2020).

³ Ведомости. 28 мая 2019 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/05/29/802699-internet-dogonyayet%20%20#galleries%2F140737494463978%2Fnormal%2F1> (дата обращения: 02.03.2020).

счете, от успехов нашей цифровой программы выиграют люди. Работа эта должна быть продолжена особенно в труднодоступных и приграничных районах»⁴.

Президент РФ Владимир Путин на пленарной дискуссии Петербургского международного экономического форума также заявил о перспективах цифровой экономики в России: «...Россия намеренакратно увеличить выпуск специалистов цифровых технологий. Российские ИТ-компании, безусловно, глобально конкурентны. Отечественные специалисты не просто предлагают наилучшие уникальные программные решения, а создают новую сферу знаний, новую среду для развития экономики и жизни. Цифровая экономика — это не отдельная отрасль, это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, государственного управления, коммуникаций между людьми, а, следовательно, задает новую парадигму развития государства»⁵.

Ведущие представители российской науки в своих публичных высказываниях также особое внимание уделяют построению информационного общества и процессам, связанным с цифровизацией социального пространства. Так, в интервью ТАСС ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Владимир Мау, рассказывая о работе IX Гайдаровского форума, высказал мысль о том, что «...цифровизация ведет к фундаментальным изменениям в общественной, экономической и гуманитарной сферах. Тема, которую мы в полной мере пока не смогли развить. Я бы хотел организовать такую дискуссию — это гуманитарно-этические последствия цифровизации. То исчезновение privacy, о котором, кстати, сказал Председатель Правительства в своем выступлении, ведет к серьезным этическим последствиям. Что прилично выкладывать в интернет, что нет? Хорошо ли, когда коллега, с которым я где-то нахожусь, меня фотографирует и выкладывает в интернет без моего согласия»⁶?

Таким образом, в ходе анализа понятийного становления новых медиа видны не только кардинальные различия между традиционными СМИ и актерами, появившимися с новыми технологиями, но также обозначенные политическими лидерами, представителями отечественной и западной научной школы ориентиры будущего, выстраиваемые сегодня через новые коммуникационные возможности, которые форматируют наше общество в перспективе под стандарты и форматы работы в конце XXI в. Изучение развития новых медиа в России и их влияния на трансформацию информационного поля позволяет сделать следующие аналитические обобщения.

Анализ распространения цифровых ресурсов и программных продуктов (информационного потенциала) по территории России говорит об их крайне неравномерном распределении: обеспечены в основном центральные области, что не может обеспечить развитие информационного поля ноосферного типа, а следовательно, замедляет процессы перехода экономики на постиндустриальные основы либо делает отдаленные территории исключенными из этого процесса.

⁴ Сайт политической партии «Единая Россия». Заседание Правительства РФ 26 января 2018 г. URL: <http://er.ru/news/163586/> (дата обращения: 01.02.2020).

⁵ Российская Газета. Цифры и факты. URL: <https://rg.ru/2017/06/04/reg-szfo/vladimir-putin-vnedrit-cifrovye-tehnologii-vo-vse-sfery-zhizni.html> (дата обращения: 01.12.2019).

⁶ Владимир Мау: Есть вещи поважнее экономики (интервью ТАСС). URL: http://piu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=50062 (дата обращения: 03.02.2020).

Как пример, можно привести затянувшийся до наших дней процесс урбанизации и тяжелые для части общества последствия, связанные с выпадением их из структуры экономики государства. Этой проблеме наряду с другими посвящена Концепция формирования единого информационного пространства в России⁷.

Считаем важным заметить, что говоря о развитии информационных технологий, специалисты, прежде всего, подразумевают технологическую базу как основу для развития информационного общества. Фактически речь идет о том, что мы опережаем в темпах развития, но осваиваем технологии, несколько отставшие от высокотехнологических информационных пространств. Однако практические фазы отставания значительно сократились, и речь идет буквально о десятилетиях, хотя в информационной индустрии десять лет, это почти эпоха.

Другим, не менее важным вопросом, является качество потребления информационных продуктов, предоставляемых современным информационным полем, и активность такого потребления, иными словами, насколько общество готово к потреблению доступных в настоящий момент технологий. Сегодня обращение к СМИ является повседневным ритуалом [4, с. 12]. Россияне считают, что СМИ дают важную информацию (48%); служат для развлечения и получения информации в легкой и доступной форме (35%)⁸.

В итоге можно сделать вывод о том, что новые медиа — это не только новый термин в информационном пространстве России и на страницах научных изданий, но и реальность, создающая новый информационный мир — мир горизонтального сетевого взаимодействия — в котором традиционным СМИ придется использовать технологии сети либо уйти с информационного пространства. Для такого вывода есть целый ряд оснований, с которыми трудно не согласиться, а именно:

новые медиа мобильны, удобны и быстры;

предлагают индивидуальный контент и подстраиваются под ваши предпочтения;

крупной редакции сложнее оперативно отреагировать на событие, чем очевидцам — пользователям социальных сетей⁹;

постепенно перемещается градус доверия горизонтальным медиа, т.к. граждане, как правило, больше верят людям, не связанным с «системой»;

традиционные СМИ предоставляют информацию более высокого качества, но в этом вопросе новые медиа делают большие шаги и компенсируют содержанием, т.е. люди в большинстве случаев готовы поступиться картинкой или качеством звука, если считают, что они слышат и видят важное и нужное именно им;

Эволюция форм новых медиа в Интернете, быстрый рост наиболее успешных проектов, которые создают сильное конкурентное давление на традиционные СМИ. Эта конкуренция по-разному влияет на различные типы традиционных СМИ. Можно предположить, что в ближайшем будущем на рынке будут домини-

⁷ Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов – 1995. URL: http://www.ict.nsc.ru/win/laws/russ_kon.htm (дата обращения: 07.02.2020).

⁸ Масс-медиа: сегодня и завтра // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1407. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 07.02.2020).

⁹ Воронцова О.И. Борьба за аудиторию: «традиционные СМИ» и «Новые медиа» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2011_4-3_08.pdf (дата обращения: 02.03.2020).

нирывать интернет-СМИ и мультиплатформенные СМИ. Медийные группы, получают преимущество благодаря охвату разных аудиторий и возможности использовать различные типы получения прибыли. Устойчивые позиции сохраняются у нишевых медийных групп, которые ориентированы на узкую профессиональную аудиторию и специализируются на экспертном контенте. Небольшие медийные интернет-проекты, которые создаются командой энтузиастов с интересной идеей, будут вынуждены выдерживать нарастающую конкуренцию со стороны крупных холдингов. Новые медиа в противоположность традиционным позволяют активнее участвовать в коммуникационном процессе и относиться к сообщениям более избирательно; пользователи новых медиа являются скорее активными участниками процесса, а не просто пассивными получателями информации.

В то же время у новых медиа есть и ряд недостатков, к которым следует отнести следующие:

большая фрагментация различного контента, что приводит к поверхностным представлениям о различных процессах и может привести к формированию поколения, знающих все обо всем, но неглубоко;

доступность любого контента лишает человека необходимости что-либо запоминать, а главное понимать, что, в конечном счете, приведет к формированию общества с заданной программой;

новые медиа создаются самим обществом и распространяются сетевым принципом, не подвергаются какому-либо контролю качества предоставляемой информации, т.е. отсутствует гарантия достоверности и квалификации субъекта, ее интерпретирующего;

новые медиа упрощают контент, делая его более легким, однако такое упрощение зачастую лишает информацию определенной ценности, а весь информационный поток — содержательности, практической и научной обоснованности;

получение информации от такого количества актеров «засоряет» информационное пространство отдельного индивида, не позволяет отграничить важную информацию от информации иного рода.

В целом же явление новых медиа можно охарактеризовать как часть информационных ресурсов нового типа, которая все глубже проникая в информационное поле, влияет на социально-информационное пространство изучаемого явления. Новые медиа объективно можно оценить только в сравнении с традиционными СМИ и обозначении перспектив развития традиционных и новейших форм предоставления и получения информации.

В глобальном процессе построения информационного поля Земли новые медиа участвуют все более широко благодаря своим интерактивным возможностям, постоянно ускоряя его темпы. В действительности в настоящий момент нет даже приблизительного представления, что будет с человечеством через ближайшие 20–30 лет, т.к. оно (человечество), будет разделено на крайне неоднородные фундаментальные платформы существования. Цифровизация, развиваемая передовыми странами, по нашему мнению, разделит планету на государства будущего и навсегда утратится возможность равного и устойчивого развития, о которой было заявлено в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

Можно конечно предположить, что сеть наоборот все уравнивает и даст возможность всем странам участвовать в общем процессе развития информационных платформ, поскольку у сети нет границ. Однако сколько инновационных программ, интересных проектов и идей не смогут быть реализованы из-за не-

достатка средств у конкретного государства, а сколько из них совершенно бесплатно достанется тем, кто имеет ресурсы для их реализации? На эти вопросы пока ответить не представляется возможным.

Библиографический список

1. *Симонова Е.В., Денисова И.Д.* New-media как стимуляция развития экономики // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4. С. 88–91.
2. *Вайнер В.Л., Гладких Н.Ю.* Коммуникационные лакуны развития новых медиа в России // Бизнес. Общество. Власть. 2010. № 5. С. 18–24.
3. *Будолак М.С.* Понятие «социальные медиа» / отв. ред. А.Д. Кривоносов // Петербургская школа PR: от теории к практике. СПб., 2009. Вып. 7. С. 18.
4. *Колесниченко А.В.* Зарубежные исследования аудитории прессы: учебное пособие / под ред. И.Д. Фомичевой. М.: Факультет журналистики МГУ, 2009. 96 с.

References

1. *Simonova E.V., Denisova I.D.* New-media as Stimulation of Economic Development // Tavric scientific observer. 2015. № 4. P. 88–91.
2. *Vainer V.L., Gladkikh N.Yu.* Communication Lacunae of New Media Development in Russia // Business. Society. Power. 2010. № 5. P. 18–24.
3. *Budolak M.S.* The Concept of «Social Media» / resp. edition A.D. Krivonosov // St. Petersburg school PR: from theory to practice. SPb., 2009. Issue. 7. P. 18.
4. *Kolesnichenko A.V.* Foreign Research of Press Audience: manual / edited by I.D. Fomicheva. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University, 2009. 96 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10118

УДК 349.232

Е.А. Герасимова

**ВЫПЛАТА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В НЕДЕНЕЖНОЙ
ФОРМЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ
АСПЕКТ**

Введение: заработная плата, ее размер, порядок начисления, способы выплаты — все это является актуальной темой. Совершенствование ее правового регулирования естественно влияет на эффективность функционирования трудовых отношений.

Цель: обоснование необходимости оптимизации трудового законодательства в аспекте выплаты заработной платы в неденежной форме. **Методологическая основа:** диалектический метод, представляющий собой универсальное средство познания, а также иные общенаучные и частнонаучные методы, такие как формально-логический и системный. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно необходимости оптимизации трудового законодательства в аспекте выплаты заработной платы в неденежной форме. **Выводы:** содержание ст. 131 ТК РФ, устанавливающей условия выплаты заработной платы в иной (неденежной) форме требует внесения изменений; существует потребность в законодательной замене понятия «спиртные напитки» на дефиницию «алкогольная продукция»; высказывается мнение относительно обоснованности включения табачной продукции в перечень запрещенных к выдаче товаров; с учетом сложившейся судебной практики делается предположение о недопустимости выплаты заработка в натуре криптовалютой.

Ключевые слова: трудовое право, работник, заработная плата, конвенция Международной организации труда, алкогольная продукция, криптовалюта, табачная продукция, международные договоры.

Е.А. Gerasimova

**PAYMENT OF WAGES IN NON-MONETARY FORM:
INTERNATIONAL AND NATIONAL ASPECTS**

Background: wages, their size, the rate of accrual, payment methods — all this is a topical issue. Improvement of its legal regulation naturally affects the efficiency of the functioning of the employment relationship. **Objective:** justification of the need to optimize labor legislation in terms of non-monetary wages. **Methodology:** the dialectical method, which is a universal means of cognition, as well as other general scientific and particular scientific methods, such as formal-logical and systemic. **Results:** the author's position on the need to optimize labor legislation in terms of payment of wages in non-monetary form is argued. **Conclusions:** the contents of article 131 of the labour code, stipulating the conditions of payment of wages in other (non-monetary) form requires changes; there is a need for the legislative replacement of the concept "alcohol" in the definition of "alcoholic products"; expresses an opinion regarding the appropriateness of including tobacco products to the list

© Герасимова Екатерина Александровна, 2020

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Manyshevae@mail.ru

© Gerasimova Ekaterina Aleksandrovna, 2020

Candidate of law, senior lecturer, Labor law department (Saratov State Law Academy)

of prohibited the issuance of goods; taking into account the existing judicial practice, the assumption of the inadmissibility of payment in the form of cryptocurrency.

Key-words: *labor law, employee, wage, International Labor Organization convention, alcohol products, cryptocurrency, tobacco products, international treaties.*

Проблема начисления, выплаты заработной платы во все исторические времена была и остается дискуссионной. Для нас наиболее значимы ее правовой и экономический аспекты. От совершенства правовых норм, регулирующих институт заработной платы, во многом зависит эффективное функционирование трудовых отношений.

Действовавший в России до 2002 г. КЗоТ не предусматривал неденежную форму оплаты труда, что, как справедливо отмечала Н.М. Саликова, «следует рассматривать как явление, более соответствующее уровню современного состояния мировой экономики» [1, с. 27]. А.М. Лушников, М.В. Лушникова констатировали «в большинстве европейских государств запрещена выплата заработной платы в неденежной форме» [2, с. 34].

Помимо денежной ст. 131 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) предусматривает возможность выплаты заработной платы в иных формах, не противоречащих законодательству, международным договорам Российской Федерации. Иная форма детерминирована одновременным наличием трех условий: письменное заявление работника; натуральная оплата оговорена в коллективном или индивидуальном трудовом договоре; в процентном соотношении к начисленной месячной заработной плате ее часть не превышает 20%. Вместе с тем ч. 4 указанной статьи ограничивает выплату заработной платы в бонах, купонах, в форме долговых обязательств, расписок, а также в виде спиртных напитков, наркотических, ядовитых, вредных и иных токсических веществ, оружия, боеприпасов и других предметов, в отношении которых установлены запреты или ограничения на их свободный оборот.

Перечень юридически значимых обстоятельств необходимых для того, чтобы выплата заработка в неденежной форме была обоснованной, содержит п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»¹.

Натуральной оплате труда посвящена ст. 4 Конвенции № 95 Международной организации труда от 1 июля 1949 г. (ратифицированной Указом Президиума Верховного Совета СССР № 31 от 31 января 1961 г.) «Относительно защиты заработной платы» (далее — Конвенция № 95)². Параметры правомерности выдачи заработной платы в неденежной форме международный акт определяет для сферы деятельности трудящихся. Иная форма заработной платы является желательной ввиду характера отрасли или их профессии, либо принята в обычной практике. Дальнейшее потребление природы должно удовлетворять интересы работника или его семьи, ориентироваться на личное использование. Стоимость передаваемых товаров определяется исходя из идеи справедливости и по разумной цене.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (с изм. и доп. от 24 ноября 2015 г. № 52) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 8 апр.; 2015. 30 нояб.

² См.: Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы» (принята в г. Женева 1 июля 1949 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 5.

Спиртные или наркотические средства в качестве неденежной части заработка недопустимы. При этом соотношение денежной и натуральной части в составе месячной заработной платы аналогично ТК РФ.

Сравнительный анализ международного и национального законодательства приводит к заключению о неполной имплементации норм Конвенции № 95 в ТК РФ. Не ставя целью проведение детальной сравнительной характеристики вышеназванных правовых актов, настоящее исследование направлено на изучение конкретных вопросов относительно возможности выплаты заработной платы отдельными «натуральными» предметами. Факт ратификации дает возможность согласно положению ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации применять правила международного договора.

С точки зрения действующего законодательства представляет интерес установленный запрет на выдачу заработка «спиртными напитками». Для уяснения содержания данного понятия необходимо апеллировать к Федеральному закону от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (с изм. и доп. от 27 декабря 2019 г. № 458-ФЗ)³. В ст. 2 указанного акта спиртные напитки определяются как «алкогольная продукция, которая произведена с использованием этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции и не относится к винным напиткам»⁴. Между тем названная норма содержит и другое понятие «алкогольная продукция», являющееся по своему содержанию шире дефиниции «спиртные напитки». «Алкогольная продукция — пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации. Алкогольная продукция подразделяется на такие виды, как спиртные напитки (в т.ч. водка, коньяк), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха»⁵. Таким образом, согласно ст. 131 ТК РФ вполне допустима выдача части заработной платы в виде пива и напитков, изготавливаемых на его основе, винных напитков, вина, фруктового вина, игристого вина, ликерного вина, сидра, медовухи, пуаре. Эти продукты спиртными напитками не являются. В то же время, например, ликерное вино и винные напитки в своем составе могут содержать этиловый спирт до 22% объема готовой продукции. Такого рода выплаты недопустимы только несовершеннолетним работникам, поскольку для них розничная продажа алкогольной продукции не допускается.

На наш взгляд, представленный вывод о правомерности выдачи заработка алкогольной продукцией (кроме спиртных напитков) не соответствует тому смыслу, который вкладывал в норму законодатель. Очевидно, что при ее формулировании произошла подмена понятий. Такой подход не соответствует и Конвенции № 95, по смыслу которой к «спиртным средствам» относятся все напитки содержащие алкоголь, а не только, к примеру, водка или коньяк. Вариантом разрешения вы-

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4553; 2019. № 52, ч. 1, ст. 7776.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

явленной коллизии может стать внесение изменений в ст. 131 ТК РФ и замену понятия спиртные напитки на категорию алкогольной продукции.

В науке высказывается оригинальное мнение и о необходимости закрепления в законодательстве конкретных отраслей, где возможна выплата заработной платы в иной форме, причем соответствующий перечень не должен толковаться расширительно [3, с. 36].

Еще одна теоретическая задача предполагает определение четкого круга предметов, в отношении которых установлены ограничения на их свободный оборот. Согласно ч. 2 ст. 129 Гражданского кодекса Российской Федерации, законом или в установленном законом порядке могут быть введены ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав, в частности, могут быть предусмотрены виды объектов гражданских прав, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению. То есть источники, реализующие названное положение разрознены [4, с. 37]. Подобные запреты и ограничения устанавливаются различными федеральными законами. Например, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 утвержден список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации запрещен⁶. В отношении ограниченных в обороте объектов ситуация не столь очевидна. Неоднозначной видится правомерность выдачи натуральной части заработка в виде табачных изделий. Определенные виды табачной продукции, в частности, насвай и табак сосательный (снюс), которые согласно Федеральному закону от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (с изм. и доп. от 27 декабря 2019 г. № 512-ФЗ)⁷ запрещены в обороте. Имеются и другие ограничения в торговле. Так, установлены особые требования к местам продажи табачной продукции (ими могут быть магазины или павильоны, запрещена выкладка или демонстрация в торговом объекте табачной продукции и т.д.). Однако, как и в отношении алкоголя по кругу лиц, установлен запрет на розничную продажу табачной продукции только несовершеннолетним. Таким образом, можно предположить, что в виде, например, сигарет, сигар, папирос, биди, может быть выдана натуральная часть заработной платы взрослому работнику. Впрочем, такой вывод не удовлетворит требования Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». Согласно документу, одно из условий правомерности неденежных выплат сформулировано следующим образом: «подобного рода выплаты являются подходящими для личного потребления работника и его семьи или приносят ему известного рода пользу»⁸. Для личного потребления работника или членов его семьи табачные изделия могут и подходить, но такая продукция «известного рода пользу» не принесет. Между тем предлог «или» не

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 9 августа 2019 г. № 1041) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 27, ст. 3198; 2019. № 34, ст. 4878.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8, ст. 721; 2019. № 52, ч. 1, ст. 7830.

⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (с изм. и доп. от 24 ноября 2015 г. № 52) // Российская газета. 2004. 8 апр.; 2015. 30 нояб.

позволяет сделать однозначного вывода о легальности или незаконности выдачи части заработной платы табачной продукцией. Конвенция № 95 помимо личного использования указывает только на соответствие заработной платы в неденежной форме интересам работника и его семьи.

Бесспорно, что табачные изделия негативно влияют на здоровье человека. На национальном и международном уровне предпринимаются действия направленные на сокращение его потребления. В их числе можно назвать, например, «Рамочную конвенцию ВОЗ по борьбе против табака» (заключена в г. Женеве 21 мая 2003 г.)⁹. Полагаем, в целях унификации правоприменительной практики и внесения ясности по данному вопросу следует включить табачную продукцию в ст. 131 ТК РФ.

Спорной представляется допустимость выплаты натуральной части заработной платы в криптовалюте. До настоящего времени в российском законодательстве не определен статус и отсутствует легальное определение данному явлению. Отдельные исследователи высказывают подобные суждения, поскольку судебная практика признает криптовалюту имуществом¹⁰. Среди вероятных проблем такой выплаты называется нестабильность курсов, многообразие видов, сложность продажи отдельными пользователями [5, с. 26]. Действительно, стоит согласиться с затруднительностью определения двадцатипроцентного максимума от начисленной месячной заработной платы, поскольку курс электронных денег постоянно меняется. Но встает вопрос и о соблюдении другого значимого условия правомерности выплаты заработка в иной форме. Речь идет об обязательной цели ее использования — личное потребление работником и членами его семьи. Использовать криптовалюту можно лишь путем ее дальнейшей реализации, что в принципе не соответствует критериям легальности природы, установленным как в отечественном, так и в международном законодательстве.

Интересна на этот счет нормотворческая практика стран Содружества Независимых Государств. Н.А. Абузярова справедливо замечает, что «применение сравнительного метода позволяет глубже изучить сильные и слабые стороны российского законодательства о труде, выявление имеющихся пробелов, противоречий, опыта стран СНГ может стать ориентиром дальнейшего совершенствования регулирования заработной платы в Российской Федерации» [6, с. 12]. В каждой из стран-участниц Содружества институт заработной платы включен в кодифицированный акт о труде, однако, правотворческие решения отличаются национальной спецификой.

Согласно ТК Республики Казахстан, заработная плата устанавливается и выплачивается только в денежной форме в национальной валюте (ст. 113). Аналогичное положение содержится в ст. 153 ТК Кыргызской Республики, которая также запрещает выплату заработка в форме долговых обязательств, расписок, продовольственных, промтоварных карточек, иных подобных заменителей денежных средств. ТК Республики Молдова (ст. 141) прямо запрещает выдачу заработной платы в натуре. Только денежную форму предусматривает и ТК Туркменистана (ст. 115).

⁹ См.: Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака (Женева, 21 мая 2003 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 46, ст. 5249.

¹⁰ См.: Постановление Девятого ААС по делу N А40-124668/2017. URL: http://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a?desk_emb (дата обращения: 19.03.2020).

Оригинальный подход в рассматриваемом аспекте содержит ТК Республики Армения, ст. 192 указанного акта запрещает по общему правилу выплату заработной платы векселями и ценными бумагами, вместе с тем предусматривая ее легальность в виде чеков или банковского аккредитива.

Таким образом, ряд стран СНГ не допускают натурального вознаграждения за труд.

ТК Республики Узбекистан (ст. 153) ограничивает оплату труда в натуральной форме случаями, установленными Правительством государства. Законодатель Республики Таджикистан (ст. 159 ТК Республики Таджикистан) разрешает с согласия работника частичную замену денежной оплаты натуральной, именуя ее смешанной формой. Натуральная оплата должна подходить для личного потребления и быть выгодной для работника и его семьи. При этом выплаты не могут производиться товарами, в отношении которых установлен запрет или ограничения на свободный оборот, по перечню, утвержденному Правительством Республики. Соотношение натуральной и денежной форм соответствуют Конвенции № 95. Трудовой закон Азербайджана (ст. 174 ТК Республики Азербайджан) предусматривает возможность для работников получить до 20% заработной платы потребительскими товарами, произведенными на предприятии или другими бытовыми товарами повседневного спроса. Исключением являются спиртные напитки, табачные изделия, наркотические средства, психотропные вещества и другие предметы, исключенные из гражданского оборота.

Наиболее близок к высказанному мнению относительно необходимости регламентации запрета выплаты заработка в натуральной форме в виде алкогольной и табачной продукции законодатель Республики Беларусь. Норма ст. 74 ТК Республики Беларусь, регулирующая формы оплаты труда, отсылает к Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 28 апреля 2000 г. № 603. В нем утвержден перечень товаров, которыми не может производиться натуральная оплата труда. К ним, помимо прочего, отнесены алкогольные напитки и табачные изделия. Незаконна также выдача натурой в виде непищевой спиртосодержащей продукции, в т.ч. парфюмерно-косметической, с долей этилового спирта от 7%.

Таким образом, можно констатировать наличие в нормах ряда стран СНГ запрета на выдачу неденежной части заработной платы в виде алкогольной и табачной продукции. Законодательство, определяющее правовой статус криптовалюты, находится на стадии своего формирования и пока не получило соответствующего отражения.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: содержание ст. 131 ТК РФ, устанавливающей условия выплаты заработной платы в иной (неденежной) форме, требует внесения изменений. Существует потребность в законодательной замене понятия «спиртные напитки» на дефиницию «алкогольная продукция». Также в перечень запрещенных к выдаче товаров обоснованно включение табачной продукции. С учетом сложившейся судебной практики выплата заработка «в натуре» в виде криптовалюты недопустима.

Одной из основных государственных гарантий по оплате труда работникам ТК РФ называет ограничение оплаты труда в натуральной форме. Ее реализация во многом зависит от качества норм, регулирующих порядок соответствующих выплат. «В праве нет заранее прописанных решений» [7, с. 19], однако внесение предложенных изменений и дополнений в ст. 131 ТК РФ позволит исключить

возможность двоякого толкования относительно перечня предметов, допустимых в качестве иной формы заработной платы.

Сформулированные в работе выводы и рекомендации могут послужить мотивом и основой для дальнейшего развития теории по выплате заработной платы.

Библиографический список

1. Саликова Н.М. Об установлении минимальных государственных стандартов в области оплаты труда в государствах-членах ЕврАзЭС // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 26–28.
2. Лушников А., Лушников М. Основная гарантия по оплате труда работников: история, теория, практика // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2009. № 3. С. 26–34.
3. Лютков Н.Л. Российское трудовое законодательство и международные трудовые стандарты: соответствие и перспективы совершенствования: научно-практическое пособие. М.: Центр социально-трудовых прав, 2012. 128 с.
4. Скачкова Г.С. Натуральная форма оплаты труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 36–39.
5. Лескина Э.И. Применение блокчейн-технологий в сфере труда // Юрист. 2018. № 11. С. 25–30.
6. Абузьярова Н.А. Заработная плата: правовое регулирование // РГ-Пресс. 2016. 216 с.
7. Куренной А.М. «Трудовой» мастер-класс от Александра Куренного // Трудовое право. 2011. № 4. С. 5–19.

References

1. Salikova N.M. On Establishing Minimum State Standards in the Field of Remuneration in the Member States of the EurAsEC // Labor law in Russia and abroad. 2010. No. 3. P. 26–28.
2. Lushnikov A., Lushnikova M. The Main Guarantee for the Remuneration of Workers: History, Theory, Practice // Kadrovik. Labor law for the personnel officer. 2009. No. 3. P. 26–34.
3. Lyutov N.L. Russian Labor Legislation and International Labor Standards: Compliance and Prospects for Improvement: scientific and practical manual. M.: Center for Social and Labor Rights, 2012. 128 p.
4. Skachkova G.S. Natural Form of Remuneration // Labor law in Russia and abroad. 2016. No. 2. P. 36–39.
5. Leskina E.I. The Use of Blockchain Technologies in the Sphere of Labour // Lawyer. 2018. No. 11. P. 25–30.
6. Abuzyarova N.A. Salary: Legal regulation // RG-Press. 2016. 216 p.
7. Kurennoy A.M. «Labor» Workshop by Aleksandr Kurenny // Labor law. 2011. No. 4. P. 5–19.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10119

УДК: 342.72/.73.

О.Ю. Ситкова, Л.В. Шварц

РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РЕБЕНКА НА ДОСТУП
К ИНФОРМАЦИИ И ЛЕГАЛЬНОГО ЕГО
ОГРАНИЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ
ОТ ВРЕДОНОСНОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ПОСТУПАЮЩЕЙ ИЗ ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Введение: в современных условиях формирование комплексного и объективного представления о реализации права ребенка на доступ к информации и легального его ограничения в целях защиты детей от вредоносной информации, поступающей из информационно-коммуникационной среды, невозможно без сведений о развитии и актуальном состоянии юридической науки, изучающей данную область отношений. **Цель:** провести обзор научных исследований авторов, ведущих работу по поиску действенных путей защиты детей от вредоносной информации, а также выяснить мнения отдельных выдающихся правоведов — специалистов об эффективности применяемых мер в настоящее время в исследуемой области. **Методологическая основа:** базовый общенаучный диалектический метод познания, а также методы индуктивной и дедуктивной логики, обобщения опыта правоприменения. **Результаты:** в статье проведен обзор российских научных исследований за период с 2010 г. по 2019 г., предметом которых явились отношения, возникающие в сфере защиты прав несовершеннолетних граждан от вредной информации, поступающей из информационно-коммуникационной среды. Проведенный анализ позволил сделать ряд существенных выводов об эффективности действующего на сегодняшний день законодательства в указанной сфере отношений, о продуктивности мер, направленных на защиту детей от вредной информации, о необходимости выработки новых методик для обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. **Выводы:** в современных условиях необходимо проведение комплексного научного исследования, позволяющего

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 4 (135) • 2020

© Ситкова Ольга Юрьевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olga.sitkova@mail.ru

© Шварц Лариса Владимировна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права (Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ); e-mail: shvarz7@yandex.ru

© Sitkova Olga Yurevna, 2020

Candidate of law, Associate professor, professor, International law department (Saratov State Law Academy)

© Shvarts Larisa Vladimirovna, 2020

Candidate of law, Associate professor, associate Professor, Civil and labor law department (North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00570\20.

определить эффективные меры по защите детей от вредной информации с учетом права ребенка на доступ к информации.

Ключевые слова: информация, ребенок, защита, механизм, баланс интересов, международное сотрудничество, право на информацию, коллизия, правовое регулирование, нововведение.

O.Yu. Sitkova, L.V. Shvarts

DEVELOPMENT AND CURRENT STATUS OF RUSSIAN SCIENTIFIC RESEARCH ON THE IMPLEMENTATION OF THE CHILD'S RIGHT TO ACCESS TO INFORMATION AND ITS LEGAL RESTRICTIONS IN ORDER TO PROTECT CHILDREN FROM HARMFUL INFORMATION COMING FROM THE INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT

Background: in modern conditions, the formation of a comprehensive and objective view of the realization of the child's right to access to information and its legal restriction in order to protect children from harmful information coming from the information and communication environment is impossible without information about the development and current status of legal science studying this area relationship. **Objective:** to review the scientific research of authors who are working to find effective ways to protect children from malicious information, as well as to find out the opinions of some prominent legal experts on the effectiveness of measures currently applied in the field under study. **Methodology:** basic general scientific dialectical method of cognition, as well as methods of inductive and deductive logic, generalization of law enforcement experience. **Results:** the article provides an overview of the Russian scientific research for the period 2010 for 2019, the subject of which were relations arising in the field of protection the rights of minors from harmful information coming from the information and communication environment. The analysis made it possible to draw a number of significant conclusions about the effectiveness of current legislation in this area of relations, the effectiveness of measures aimed at protecting children from harmful information, and the need to develop new methods to ensure the information security of minors. **Conclusions:** in modern conditions, it is necessary to conduct a comprehensive scientific study to determine effective measures to protect children from harmful information, taking into account the child's right to access information.

Key-words: information, child, protection, mechanism, balance of interests, international cooperation, right to information, collision, legal regulation.

Впервые вопрос информационной безопасности в Российской Федерации был поднят в связи с принятием законов о правовой охране программ для ЭВМ в 1992 г. Ряд Законов Российской Федерации содержит определение терминов «информация», «информационная безопасность». Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ)¹ определяет информацию как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (ст. 2). В Доктрине информационной безопасности РФ² понятие «информационная безопасность» толкуется в качестве состояния защищенности национальных интересов в информационной сфере, определяемых совокупностью сбалансированных ин-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006г. № 31, ч. I, ст. 3448.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

тересов личности, общества и государства. Нормативные акты, касающиеся информационной безопасности несовершеннолетних, конкретизируют это понятие применительно к соответствующим отношениям. Так, в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 1 мая 2019 № 93-ФЗ)³ информационная безопасность детей трактуется как состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию.

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.⁴ одной из обозначенных проблем явилось обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних. Для реализации этой цели разработчики Стратегии предлагали ряд мер, которые должны были гарантировать информационную безопасность детства.

Однако современная информационная сфера постоянно трансформируется, соответственно изменяются и усложняются отношения по обеспечению информационной безопасности граждан, в т.ч. и детей. В связи с чем возникает необходимость в проведении исследования причин возникновения информационных угроз, а также выработке эффективных мер, направленных на профилактику подобных информационных угроз, на ликвидацию последствий поступления информации, причиняющей вред несовершеннолетним гражданам. Также возникает необходимость в выявлении эффективности представленных мер и механизмов регулирования информационного потребления с целью обеспечения безопасности детей, определении необходимости применения этих мер сквозь призму прав ребенка, включая права на доступ к информации. Россия является участницей ряда концептуально важных международных соглашений о правах детей, в которых право на информацию провозглашено в качестве основного, требующего защиты со стороны государства. Так, в ч. 1 ст. 13 Конвенции ООН о правах ребенка, указано, что ребенок имеет право свободно выражать свое мнение. Это право «включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка». Осуществление этого права может подвергаться некоторым ограничениям, однако этими ограничениями могут быть только такие, которые предусмотрены законом и которые необходимы для уважения прав и репутации других лиц или для охраны государственной безопасности или общественного порядка, а также здоровья или нравственности населения (п. 2 ст. 13 Конвенции ООН о правах ребенка). В соответствии со ст. 17 Конвенции ООН о правах ребенка государства-участники обязуются признавать важную роль средств массовой информации и обеспечивать доступ к информации, к материалам из различных национальных и международных источников, особенно к таким, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка.

Все это обусловило появление ряда научных исследований по вопросам информационной безопасности несовершеннолетних, в т.ч. определяющих полезную для ребенка информацию и информацию, наносящую вред физическому и психическому развитию.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 48.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 23, ст. 2994

Вышеуказанный Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (далее — ФЗ № 436-ФЗ) содержит определение понятия «информация, причиняющая вред здоровью» — это информация, распространение которой среди детей запрещено или ограничено в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Из анализа данного определения можно вывести признаки вредной для детей информации. Это, во-первых, информация, которая причиняет вред здоровью или развитию детей и, во-вторых, распространение этой информации ограничено в соответствии с предписаниями данного Закона.

Исследователями же С.А. Будановым, С.Т. Гавриловым, С.Н. Махиной в работе «К вопросу о понятии вредной для несовершеннолетних информации» указано, что в науке и законодательстве отсутствует определение вредной для несовершеннолетних информации, в связи с чем авторами было предложено определение этого понятия: это информация, направленная «на разжигание национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести; пропагандирующую культ насилия и жестокости, сексуальную распущенность людей; связанную с вовлечением несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность, в том числе террористического и экстремистского характера; подрывающую физическое и психическое здоровье людей, их нравственное и духовное развитие» [1, с. 92].

Полагаем, что такое определение вредной информации сильно сужает сферы жизнедеятельности детей, на которые информация может оказывать негативное, деструктивное воздействие. В данном определении представлены только аспекты публичной сферы. Обращает на себя внимание тот факт, что в представленном определении не прослеживается проблемы частной жизни несовершеннолетних. Ни для кого не секрет, что в настоящее время с помощью создания разного рода интернет-сообществ, несовершеннолетние вовлекаются в «игры», результатом которых является проявление суицидальных идей. Эта проблема является не менее важной и актуальной, чем вовлечение несовершеннолетних в организации террористического характера.

С этой позиции, перечень информации, представляющей угрозу для здоровья и развития детей, представленный в ФЗ № 436-ФЗ, отличается большей определенностью. Но и здесь важно понимать, что ФЗ № 436-ФЗ прибегает к иной терминологии, т.е. не использует термин «вредоносная информация», называя предметом регулирования ФЗ № 436-ФЗ — «информацию, представляющую угрозу для здоровья и развития детей». Следует также отметить, что этот перечень закрытый, что на наш взгляд, не является правильным, т.к. в настоящее время появление «новой» вредной информации, которая способна, например, напугать ребенка, не ограничивается лишь сценами насилия и убийства, как это указано в ст. 5 ФЗ № 436-ФЗ. Нельзя исключить, что в скором времени детей можно будет напугать какими-то иными действиями, объектами и пр., не указанными в ФЗ № 436-ФЗ. В связи со сказанным, полагаем, что перечень видов вредной информации должен быть открытым.

Представляется, что эти термины, хотя и имеют общую направленность, тем не менее, отличаются по содержанию, а значит и предполагают различные меры воздействия. В случае с «вредной информацией» речь идет о такой информации, которая уже причинила вред, а в контексте закона, использование иного термина, позволяет говорить о тех случаях, когда вредные последствия еще не наступили, но такая информация представляет угрозу, т.е. может причинить ущерб.

В соответствии с междисциплинарным психолого-юридическим подходом информационно-психологическую безопасность несовершеннолетнего можно определить как состояние защищенности психики ребенка от воздействия деструктивных информационных программ, причиняющих вред его здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Под деструктивной информационной продукцией следует понимать информацию в любой форме (текстовой, аудиовизуальной, графической, электронной), причиняющую вред здоровью ребенка и (или) его физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Предметом оценки в этом случае могут выступать телепередачи, телешоу, документальные фильмы, художественные фильмы, мультипликационные фильмы, книги, газеты, журналы, компьютерные игры, интернет-ресурсы [2, с. 222].

Основываясь на работах И. Смирнова, Е. Безосюк, А. Журавлева, М.С. Алешенкова в изучении структуры информационно-психологической безопасности, вредоносная информация определяется как угроза основам конституционного строя, нравственности общества и других лиц [3].

Исследование рассматриваемой сферы позволило определить и виды вредоносной информации: информация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду; призывы к войне; пропаганда ненависти, вражды или превосходства; распространение порнографии; посягательство на честь, доброе имя и деловую репутацию людей; реклама (недобросовестная, недостоверная, неэтичная, заведомо ложная, скрытая); информация, оказывающая деструктивное воздействие на психику людей.

В свою очередь Смирнов А.А. [4, с. 18] определяет «вредоносную информацию» через термин «негативный контент» и предлагает аккумулированный перечень негативного контента, среди которого выделяет: 1) информацию, пропагандирующую либо оправдывающую войну и иные международные преступления; 2) информацию, пропагандирующую либо оправдывающую терроризм, иные преступления и правонарушения; 3) информацию, разжигающую расовую, национальную, религиозную ненависть и вражду, пропагандирующую либо оправдывающую экстремистскую деятельность; 4) информацию, оскверняющую историческую память, символы воинской славы или государственные символы; 5) информацию, оскорбляющую религиозные чувства верующих; 6) информацию, отрицающую или дискредитирующую традиционные ценности, пропагандирующую деструктивные ценности и установки.

Из представленных определений можно сделать вывод о том, что вредоносная информация — это информация, создающая угрозу причинения вреда или непосредственно причиняющая вред и в силу этого ее трансляция ограничивается федеральным законом. При этом такая информация затрагивает различные аспекты жизнедеятельности человека (ребенка), включая публичный аспект, а также и частную жизнь граждан.

Несмотря на большой интерес к данной проблеме, на современном этапе общепринятого термина для явления пока не сформировалось, равно как и не выработаны виды «вредной информации», авторами используются различные основания для классификации. При этом ФЗ № 436-ФЗ такого термина «вредная информация» вообще не содержит, применяя схожее с ним, но, тем не менее, отличным по своей сущности понятие «информация, причиняющая вред здоровью и развитию».

Для более точного и объективного представления о правах и интересах детей в информационной среде целесообразно затронуть и другую сторону данной проблемы. Публикации по данной тематике в качестве одного из существенных аспектов исследования делают упор на право на информационную безопасность. При этом в научных работах поднимается вопрос о нарушении прав и свобод граждан в связи с обеспечением информационной безопасности РФ. Существует большое количество пробелов в действующем законодательстве, соответственно обнаруживается проблема, связанная с массовым злоупотреблением информационными правами и свободами [5, с. 40]. Однако законодательные ограничения прав, особенно конституционных, должны быть разумными (в соответствии с целями, указанными в Конституции), максимально конкретными и обеспечивать единообразное применение, исключающее двойное толкование [6, с. 282]. Тем не менее в целях обеспечения информационной безопасности РФ высказывается необходимость во всеобщей цифизации населения, что должно обеспечить, по мнению авторов идеи, осуществление контроля над преступностью [7, с. 38–39].

Таким образом, обнаруживаются сторонники двух подходов: одни исследователи настаивают на необходимости обеспечения национальной безопасности, готовы пожертвовать правами и свободами человека и гражданина, другие ученые говорят о необходимости обеспечения прав и свобод в сфере информационной безопасности как приоритетном направлении государственной политики.

При этом в литературе отмечается, что реализация принципов конфиденциальности, целостности и доступности информации и информационных систем позволяет обеспечить баланс интересов различных участников правоотношений, выступая, таким образом, гарантией прав человека. Обосновывается необходимость развития гарантий данного права посредством создания дополнительных механизмов защиты конфиденциальности, которые найдут выражение в предъявлении специфических требований в сфере сбора и обработки личной информации. При обеспечении национальной безопасности и информационной безопасности государства, как одной из ее составляющих, важнейшей гарантией прав человека выступает соблюдение принципа соразмерности (при их ограничении). Реализация данных принципов и механизмов защиты прав человека при обеспечении информационной безопасности может принимать различные формы, которые зависят от правовых традиций и политического режима государства [8, с. 50].

С этой позиции интерес представляет характеристика правовых последствий воздействия вредной информации, представленная В.А. Копыловым. Последствия воздействия вредной информации понимается им как нарушение информационных прав и свобод, дестабилизация общества, нарушение стабильности и целостности государства [3], указывается, что необходимо ввести научно обоснованные законодательные ограничения на распространение данной информации [9, с. 363].

Таким образом, в исследованиях по информационной безопасности проблема соотношения права граждан на доступ к информации и легального его ограничения была обозначена в науке информационного права, однако не нашла должного развития, был рассмотрен лишь ее криминалистический аспект. При этом с позиции прав человека этот вопрос остался практически не затронутым и малоизученным.

Однако следует заметить, что вопрос о предоставлении гарантий поднимался с разных точек зрения. Так, например, исследователи выдвигали идею о том,

что основным принципом обеспечения информационной безопасности является доступ к «полезной» информации, а не ограничение доступа к «вредной информации», как это сделано в настоящее время в ФЗ № 436-ФЗ.

Также высказывается идея о том, что обозначенная цель ограждения детей от проблем и сложностей современной жизни способствует созданию иллюзии о том, что в мире не существует зла, насилия и смерти. Утверждается, что информация может быть доступна для детей, но с ограничениями по возрасту. Иными словами, доступ и к «вредной информации» может быть обеспечен, но только в том возрасте, когда человек (ребенок) готов ее осмыслить и принять, и в такой форме, чтобы она не причинила вред его психическому здоровью, нравственному и духовному развитию [4, с. 74].

Тем самым анализ современных научных трудов в рассматриваемой сфере подтверждает необходимость в проведении комплексного исследования данной проблемы с позиции прав человека, с использованием цивилистического подхода, учитывая психологический аспект данной проблематики. О необходимости комплексного подхода к проблеме информационной безопасности несовершеннолетних говорят и ученые-психологи, указывая, что «только комплексный подход к данной проблеме сможет защитить детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие» [10, с. 20]. Это подтверждается рядом психологических исследований о влиянии СМИ и информации, полученной через СМИ детско-подростковым потребителем [11, с. 63; 12, с. 112].

В исследованиях психологических аспектов информационной безопасности несовершеннолетних возможно рассматривать ее как залог профилактики и предупреждения суицидальной активности в подростковой среде [11, с. 55]. Проведенные изыскания позволили авторам называть СМИ одним из существенных факторов, наносящим вред психическому и духовно-нравственному развитию ребенка.

Как пишет В.С. Маурин [13], развитие информационных и коммуникационных технологий, появление социальных сетей со свободным доступом к информации не способствуют развитию мышления и формированию здоровой психики ребенка, а, скорее наоборот, влияют на появление ряда комплексов и определенной информационной зависимости у несовершеннолетних.

Среди методов обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних учеными выделяются следующие: технические, организационные, экономические, правовые. При этом к базовым относят правовые методы [14, с. 307]. Исследованы нормативные акты, регулирующие проблемы, возникающие в связи с передачей «вредной информации», причиняющей вред здоровью и психическому развитию. Большой блок исследований направлен на определение эффективности действующего в настоящее время отечественного законодательства. Ряд исследователей ограничивается выводами о том, что проблеме обеспечения информационной безопасности детей в России уделяется должное внимание. Законодательство в данной сфере постоянно модернизируется с учетом международных требований и положительного опыта зарубежных стран, тем самым подтверждая необходимость проведения исследования нормативной составляющих иностранных государств в данной сфере [15, с. 27]. Другими учеными рекомендуется принимать и реализовывать специальные программы, направленные на соответствующее просвещение детей и родителей [16, с. 73];

отмечается, что правовое регулирование на данное время в обозначенной сфере является не до конца разработанным [17, с. 143].

При этом ряд исследователей высказывается негативно характеризуя ФЗ № 436-ФЗ, указывают на сложности в его практической реализации [6, с. 278; 18, с. 21], а также называют меры, установленные в законе, неэффективными [20, с. 3]. Указывается на противоречия норм ФЗ № 436-ФЗ и норм административного права, что порождает сложности толкования и неправильного применения норм об ответственности на практике [20, с. 133]. Обращает на себя внимание тот факт, что если до принятия профильного закона исследователи отмечали некую недоработанность законодательства, то после принятия закона и внесения в него многочисленных поправок, в науке превалирующей является позиция о неэффективности принятых мер.

Специалистами выделены проблемы, которые не позволяют в полной мере эффективно обеспечивать детскую безопасность в информационно-коммуникационной среде. Среди таковых выделяются: отсутствие единой цели и принципов обеспечения информационно-психологической безопасности детей; отсутствие единого легально закрепленного терминологического аппарата; недооцененность важности обеспечения информационно-психологической безопасности детей и низкая активность законодателя; отсутствие единой системы органов государственной власти и местного самоуправления, уполномоченных вырабатывать и реализовывать государственную политику в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних [4, с. 41–44].

При этом среди эффективных мер, направленных на обеспечение информационной безопасности называется позитивная практика совместной работы некоммерческих, общественных организаций и государственных органов. Исследователями разъясняется, что такая практика увеличивает степень кибербезопасности детей и способствует дальнейшему закреплению апробированных результатов на законодательном уровне [21, с. 59]. Некоторые авторы считают необходимым объединить усилия общественности, образовательных учреждений при определяющей роли семьи и эффективного обеспечения информационной безопасности детей [20, с. 134]. Предлагаются направления сотрудничества по этому вопросу. Так, в качестве одного из элементов эффективного механизма предупреждения подросткового суицида, совершенного под влиянием определенного контента из Интернета, упоминается профилактическая работа с несовершеннолетними и их родителями, направленная на предотвращение опасного поведения подростков в сети [22, с. 32].

Отмечается, что для эффективного осуществления прокурорского надзора в данной сфере правоотношений важно также качественное методическое обеспечение [23, с. 96]. Для устойчивой информационной безопасности детей необходима постоянная работа и координация на всех уровнях власти, правоохранительных органов, родителей, образовательного сообщества, детских и юношеских организаций [24, с. 33]. Высказывается также мнение о целесообразности дополнить п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ нормой уточняющей обязанности родителей по воспитанию ребенка и заботе о нем, словами «в том числе ограничивать доступ детей к информации, не соответствующей возрасту ребенка, с целью обеспечения их информационной безопасности» [25, с. 97], что способствует совершенствованию правоприменительной практики таких органов как комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Неоднократно в проводимых исследованиях упоминалось необходимость изучения опыта иностранных государств в сфере обеспечения информационной безопасности в сети Интернет для передачи позитивного опыта [26, с. 140].

Обосновывается необходимость введения мер межотраслевой ответственности, которая строится с учетом специфики уголовной, гражданской, административной, дисциплинарной ее разновидностей. При этом указывается на отсутствие системной юридической ответственности за распространение информации, деструктивно воздействующей на психику человека. В действующем законодательстве существуют разрозненные запреты на распространение некоторых видов деструктивной информации. Препятствием решения вопроса об отнесении того или иного вида информации к категории деструктивной называют противодействие со стороны средств массовой информации в виде абсолютизированного понимания конституционно-правового запрета на цензуру [2, с. 223].

В качестве необходимого условия реформирования законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности детей, предлагается закрепить меру ответственности за привлечение несовершеннолетнего к обороту (изготовлению, распространению, публичную демонстрацию или рекламирование) информационной продукции, оборот которой среди несовершеннолетних запрещен либо ограничен законодательством, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Авторы указывают, что отсутствие законодательной нормы, прямо запрещающей привлекать несовершеннолетних к указанным действиям, порождает незащищенность несовершеннолетних от информации, содержащейся в информационной продукции и вредной для их здоровья, физического, психического, духовного и нравственного развития, которую он неизбежно познает в ходе осуществления такой деятельности [27, с. 88].

Высказывается идея о необходимости выработки нового закона об обеспечении информационной безопасности детей, который должен «поглотить» ныне действующий. Одним из важнейших принципов, положенных в основу данного закона, должен стать принцип приоритетной защиты прав ребенка с целью сохранения его психического здоровья и всестороннего развития личности [18, с. 24].

Таким образом, ученые-правоведы высказываются о необходимости комплексного подхода к решению вопроса о создании благоприятных условий для получения несовершеннолетними полезной информации. При этом современные разработки в данной сфере носят разрозненный характер, а предлагаемые меры рекомендуются вводить без учета деятельности других возможных участников этих отношений, исключительно в рамках своей компетенции. Отсутствие нормативно-правовой базы по обеспечению безопасности несовершеннолетних на федеральном, региональном и муниципальном уровне [28, с. 34; 29, с. 104], отсутствие координации деятельности органов, снижает эффективность государственной политики, целью которой является обеспечение информационно-психологической безопасности детей [30, с. 43].

Действующее законодательство по исследуемому вопросу характеризуется отсутствием эффективного механизма реализации предложенных мер, к тому же нет исследований, которые позволили бы сделать вывод о результативности предложенных методов, т.е. прояснить: действительно ли ограничение права ребенка на доступ информации, гарантированное международным правом, оправдано, и в самом деле такое ограничение позволяет достичь поставленной цели — обеспечить безопасность ребенка в информационно-коммуникационной среде.

Библиографический список

1. Буданов С.А., Гаврилов С.Т., Махина С.Н. К вопросу о понятии вредной для несовершеннолетних информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 1. С. 92–94.
2. Тазин И.И. Правовое обеспечение информационно-психологической безопасности несовершеннолетних // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 6 (121). С. 220–225.
3. Копылов В.А. Информационное право. М., 2002. 512 с.
4. Смирнов А.А. Негативный контент: проблемы идентификации в контексте правового регулирования // Информационное право. 2015. № 2. С. 18–25.
5. Зейналова И.Д., Османов М.Х. Правовое обеспечение информационной безопасности в российском информационном праве // Вестник Социально-педагогического института. 2014. № 1(9). С. 40–43.
6. Петрова Е.А. Ограничения свободы доступа детей к информации как пример законодательных ограничений (с позиции юридической техники) // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 278–282.
7. Дикаев С.У. Право безопасности и Доктрина информационной безопасности России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. 1(44). С. 37–39.
8. Туликов А.В. Обеспечение информационной безопасности как гарантия прав человека // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 50–60.
9. Филиппов В.М., Насонкин В.В., Папачараламбоус Ч. Права и интересы детей в информационной сфере: реформирование законодательства // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер.: Право. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 362–372.
10. Малахова Н.В., Малышева О.А. Правовые вопросы информационной безопасности в сфере защиты несовершеннолетних от побуждения к суициду // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 18–21.
11. Чепелева Л.М., Дружинина Э.Л. Влияние информационных технологий и кибермоббинга на суицидальные тенденции в подростковой среде // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 2. С. 55–69.
12. Бычкова А.М., Раднаева Э.Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 101–115.
13. Маурин В.С. Правовой анализ вредной информации в условиях информационного общества: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004. 190 с.
14. Канавцев М.В., Попова А.Л. Методология обеспечения информационной безопасности детей в современном обществе // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2016. С. 307–312.
15. Телешина Н.Н. Новации в правовом обеспечении информационной безопасности детей в Российской Федерации // Научно-практический журнал. 2017. № 2 (7). С. 23–27.
16. Бородин К.В. Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 68–73.
17. Боброва В.В., Бобров Ф.А. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. Научный журнал. 2016. № 12. С. 141–145.
18. Гольтяпина И.Ю. Законодательство России в области обеспечения информационной безопасности детей // Эпоха науки. № 12. 2017. С. 17–25.
19. Иванов И. Знаки информационной продукции не спасут детей // ЭЖ-Юрист. 2015. № 43. С. 3.
20. Кузнецова Е.В. Предупреждение криминогенного влияния информационного пространства сети интернет на несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 131–135.

21. *Бородин К.В.* Правовое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети интернет // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25 (380). Право. Вып. 45. С. 56–60.
22. *Глуценко Д.Н., Акинина Н.Ю.* Предупреждение противоправных деяний, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, совершенных в сети интернет в отношении несовершеннолетних // Вестник Югорского государственного университета 2019. Вып. 3 (54). С. 32–38.
23. *Головки И.И., Солодянкина Д.С.* Типичные нарушения законодательства о защите несовершеннолетних от вредоносной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 2. С. 88–96.
24. *Балашова Т.Н.* Законодательное обеспечение цифровых прав ребенка // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 31–34.
25. *Банщикова С.Л., Гольяпина И.Ю.* Обязанности родителей по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних детей и административная ответственность за неисполнение обязанности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 1 (25). С. 95–100.
26. *Герасимов Д.А.* Правовое регулирование защиты несовершеннолетних от негативного воздействия СМИ и сети интернет в США // Вестник финансового университета. 2013. № 1. С. 140–145.
27. *Одинцова Н.Е.* Проблемные аспекты отечественного и зарубежного законодательства в противодействии пропаганде педофилии // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 11-3 (38). 2019. С. 84–89.
28. *Власенко М.С.* Обеспечение безопасности несовершеннолетних // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 32–34.
29. *Власенко М.С.* Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети интернет: современное состояние и совершенствование правового регулирования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 3. Т. 1. 2019. С. 98–105.
30. *Занина Т.М., Лукина Е.И.* Формирование государственной системы защиты несовершеннолетних от вредоносной информации в Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России № 3 (62), 2016. С. 40–44.

References

1. *Budanov S.A., Gavrilov S.T., Makhina S.N.* On the Concept of Information Harmful to Minors // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 1. P. 92–94.
2. *Tazin I.I.* Legal Support of Informational and Psychological Safety of Minors // Vestnik TSPU (TSPU Bulletin). 2012. No. 6 (121). P. 220–225.
3. *Kopylov V.A.* Information Law. M., 2002. 512 p.
4. *Smirnov A.A.* Negative Content: Problems of Identification in the Context of Legal Regulation // Information Law. 2015. No. 2. P. 18–25.
5. *Zeynalova I.D., Osmanov M.K.* Legal Support of Information Security in the Russian Information Law // Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute. 2014. No. 1 (9). P. 40–43.
6. *Petrova E.A.* Restrictions on Children's Freedom of Access to Information as an Example of Legislative Restrictions (from the standpoint of legal technology) // Legal Technology. 2018. No. 12. P. 278–282.
7. *Dikaev S.U.* Security Law and the Doctrine of Information Security of Russia // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2017. 1 (44). P. 37–39.
8. *Tulikov A.V.* Ensuring Information Security as a Guarantee of Human Rights // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2015. No. 2. P. 50–60.

9. *Filippov V.M., Nasonkin V.V., Papacharalambous Ch.* Rights and Interests of Children in the Information Sphere: Legislative Reform // Bulletin of St. Petersburg University. Series Law. 2019. T. 10. Issue. 2. P. 362–372.
10. *Malakhova N.V., Malysheva O.A.* Legal Issues of Information Security in the field of Protection of Minors from the Urge to Suicide // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 5. P. 18–21.
11. *Chepeleva L.M., Druzhinina E.L.* The Influence of Information Technology and Cybermobbing on Suicidal Tendencies in a Teenage Environment // Man. Community. Control. 2016. Volume 17. No. 2. P. 55–69.
12. *Bychkova A.M., Radnaeva E.L.* Bringing to Suicide through the Use of Internet Technologies: Socio-psychological, Criminological and Criminal Law Aspects // All-Russian Criminological Journal. 2018. V. 12, No. 1. P. 101–115.
13. *Maurin V.S.* Legal Analysis of Harmful Information in the Conditions of the Information Society: diss. ... cand. of law. M., 2004. 190 p.
14. *Kanavtsev M.V., Popova A.L.* Methodology for Ensuring the Information Security of Children in Modern Society // Bulletin of the St. Petersburg State Agrarian University. 2016. P. 307–312.
15. *Teleshina N.N.* Innovations in the Legal Support of Children's Information Security in the Russian Federation // Scientific and Practical Journal. 2017. No. 2 (7). P. 23–27.
16. *Borodin K.V.* Legal Protection of Minors from Information Harmful to Their Health and Development, Spreading on the Internet // Actual problems of Russian law. 2016. No. 7 (68) July. P. 68–73.
17. *Bobrova V.V., Bobrov F.A.* Legal Problems of Ensuring Information Security of Minors // Science. Thought: an electronic periodical." Science Magazine. 2016. No. 12. P. 141–145.
18. *Goltyapina I.Yu.* The Legislation of Russia in the field of Ensuring Information Security of Children // The era of science. No. 12. 2017. P. 17–25.
19. *Ivanov I.* Signs of Information Products will Not Save Children // EJ-Lawyer. 2015. No. 43. P. 3.
20. *Kuznetsova E.V.* Prevention of the Criminal Effect of the Information Space of the Internet on Minors // Bulletin of economic security. No. 1. 2016. P. 131–135.
21. *Borodin K.V.* Legal Support for the Safety of Minors on the Internet // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2015. No 25 (380). Law. Vol. 45. P. 56–60.
22. *Glushchenko D.N., Akinina N.Yu.* Prevention of Unlawful Acts under Art. 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation Committed on the Internet in Relation to Minors // Bulletin of Ugra State University 2019. Issue. 3 (54). P. 32–38.
23. *Golovko I.I., Solodyankina D.S.* Typical Violations of the Law on the Protection of Minors from Harmful Information // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Jurisprudence. 2017. Vol. 3 (69). No. 2. P. 88–96.
24. *Balashova T.N.* Legislative Support of the Digital Rights of the Child // Education. The science. Scientific staff. 2019. No. 3. P. 31–34.
25. *Banshchikova S.L, Goltyapina I.Yu.* Parental Responsibilities for Ensuring Information Security of Minor Children and Administrative Responsibility for Non-fulfillment of Duties // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2018. No. 1 (25). P. 95–100.
26. *Gerasimov D.A.* Legal Regulation of the Protection of Minors from the Negative Impact of the Media and the Internet in the United States // Bulletin of the University of Finance. 2013. No.1. P. 140–145.
27. *Odintsova N.E.* Problematic Aspects of Domestic and Foreign Legislation in Countering the Propaganda of Pedophilia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Vol. 11-3 (38). P. 84–89.
28. *Vlasenko M.S.* Ensuring the Safety of Minors // Public service and personnel. 2019. No 4. P. 32–34.

29. *Vlasenko M.S.* Ensuring the Information Security of Minors on the Internet: the Current State and Improving Legal Regulation // Bulletin of the Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. 2019. No. 3. V. 1. 2019. P. 98–105.

30. *Zanina T.M., Lukina E.I.* Formation of the State System for Protecting Minors from Harmful Information in the Russian Federation // Scientific Herald of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2016. No. 3 (62). P. 40–44.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10120
УДК 342(470)(072.8)

Т.В. Троицкая

СУБЪЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

Введение: общественный контроль является атрибутом развитого гражданского общества в государстве. В России федеральный закон, регламентирующий порядок осуществления общественного контроля, был принят в 2014 г. Данный закон закрепил ограниченный круг субъектов осуществления общественного контроля в России, вместе с тем текущее законодательство свидетельствует о фактическом включении в данный механизм иных, не закрепленных в законе субъектов. **Цель:** на основе теории и правоприменительной практики проанализировать механизм осуществления общественного контроля в разных сферах жизнедеятельности государства и сформулировать его субъектный состав. **Методологическая основа:** данное исследование основывается на применении методов анализа и синтеза, дедукции и индукции, системного анализа, а также метода диалектики. Неотъемлемой составляющей методологии осуществления общественного контроля являются частнонаучные методы исследования, такие как: исторический, историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический. **Результаты:** анализ содержания федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», с точки зрения закрепления субъектов осуществления общественного контроля и форм его реализации, фактически позволяет сделать вывод, что данный закон продублировал закрепленные ранее ФЗ «Об Общественной палате РФ», формы осуществления общественного контроля и его субъектный состав. **Выводы:** анализ субъектного состава осуществления общественного контроля в России предполагает необходимость законодательного закрепления возможности реализации функций общественного контроля и механизма их реализации такими субъектами, как общественные объединения, непарламентские политические партии, профессиональные союзы, средства массовой информации и граждане России.

Ключевые слова: общественный контроль, субъекты общественного контроля, гражданское общество, демократия, институты гражданского общества, общественные объединения, профессиональные союзы.

T.V. Troitskaya

SUBJECTS OF PUBLIC CONTROL IN RUSSIA

Background: public control is an attribute of a developed civil society in the state. In Russia, the Federal law regulating the procedure for public control was adopted in 2014. This law has established a limited range of subjects of public control in Russia, however, current legislation indicates the actual inclusion in this mechanism of other subjects not stipulated in the law. **Objective:** based on the theoretical basis and law enforcement practice, to analyze the mechanism of public control in various spheres of state life, and to formulate its subject

© Троицкая Татьяна Викторовна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Troitskaya@yandex.ru

© Troitskaya Tatiana Viktorovna, 2020

Candidate of law, associate Professor, associate professor, Constitutional law department (Saratov State Law Academy)

composition. Methodology: this research is based on the application of methods of analysis and synthesis, deduction and induction, system analysis, as well as the dialectic method. An integral part of the methodology for implementing public control are private scientific research methods, such as: historical, historical-legal, comparative-legal and formal-legal. Results: the analysis of the content of the Federal law "On Fundamentals of Public Control in the Russian Federation" from the point of view of consolidation of constituent entities of social control and forms of its implementation actually leads to the conclusion that the law duplicated fixed earlier FL "About Public Chamber of the Russian Federation", forms of social control and its subject composition. Conclusions: the analysis of the subject structure of public control in Russia suggests the need to legislate the possibility of implementing the functions of public control and the mechanism for their implementation by such entities as public associations, non-parliamentary political parties, trade unions, mass media and citizens of Russia.

Key-words: public control, subjects of public control, civil society, democracy, civil society institutions, public associations, trade unions.

Российское государство отметило двадцать пять лет с момента принятия Конституции Российской Федерации, Основного закона страны, содержащего правовые основы для становления правового государства и гражданского общества и, как следствие, демократических принципов функционирования органов государственной власти.

Гражданское общество в нашей стране на протяжении долгого времени претерпевает преобразования, а зачастую и коренные структурные трансформации, обусловленные сменой идеологий, моделей экономического развития и государственного устройства. Возникавшие в связи с необходимостью политических изменений и смены ценностных установок общественные институты призваны консолидировать граждан и культивировать гражданские инициативы, чтобы адекватно ответить на социальные запросы современности.

Сегодня демократической основе российской государственности требуются новые импульсы развития. В основе их должна лежать ответственность органов публичной власти перед гражданами своей страны. В.О. Лучин и Н.А. Бобров отмечают, что смысл механизма властвования заключается в том, чтобы править от имени народа, выражая его интересы [1, с. 17]. Н. Мамитова подчеркивает, что необходимо создавать формы контроля гражданского общества над государством [2, с. 45].

Современная юридическая наука рассматривает общественный контроль как одну из форм реализации конституционного принципа народовластия, осуществления права граждан на участие в делах государства, эффективного влияния гражданского общества на деятельность органов государственной власти [3, с. 294].

Вопросами конституционно-правового регулирования осуществления общественного контроля в России и его субъектного состава занимаются многие ученые-конституционалисты, к примеру: Е.В. Бердникова, А.С. Кузнецов, А.С. Полещук, О.В. Пищулин, Ю.С. Яичникова и др. Так, Е.В. Бердникова исследует вопросы правовой природы и механизма осуществления рассматриваемого института, А.С. Кузнецов обращается к рассмотрению вопросов о субъектах осуществления общественного контроля [4; 5; 6; 7; 8]. Механизмы общественного контроля способствуют установлению системы органов государственной власти,

функционирующей на основе обратной связи с общественными институтами и обеспечивающей защиту их интересов [9, с. 234]. В.Д. Перевалов отмечает, что формирование гражданского общества, всегда, так или иначе, увязывалось с проблемами совершенствования государства, повышением роли права и закона [10, с. 90].

В соответствии с федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» к субъектам осуществления общественного контроля в России относятся: «Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов, общественные палаты и советы муниципальных образований, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации»¹. Причем непосредственно члены общественных палат и общественных советов правом осуществления общественного контроля не обладают. «Правом самостоятельного проведения процедур общественного контроля члены Общественной палаты не обладают, равно как не являются и субъектами общественного контроля» [11, с. 328]. Кузнецов А.С. подчеркивает, что в широком смысле субъектом осуществления общественного контроля в Российской Федерации является ее народ. В узком смысле под субъектами осуществления общественного контроля понимаем институты гражданского общества и граждан, уполномоченных на его проведение законом [5, с. 61].

Федеральный закон также предусматривает возможность, с целью осуществления общественного контроля, создавать общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля и иные структуры. Однако фактически круг субъектов общественного контроля, закрепленный федеральным законом, нельзя считать исчерпывающим. Осуществление общественного контроля является основополагающей функцией гражданского общества. Развитые демократические государства могут и не предусматривать принятия специальных законов, регламентирующих механизм осуществления общественного контроля. Такой контрольный механизм осуществляется традиционно всем спектром общественных институтов, функционирующих в государстве и способствует выполнению задач, стоящих перед государством, а именно созданию механизма учета общественного мнения, обеспечения открытости и гласности в деятельности органов публичной власти, защите основных прав и свобод гражданина. Участие институтов гражданского общества в осуществлении контрольных механизмов за деятельностью государственно-властных структур положительно влияет на повышение уровня правосознания, правовой культуры и политической активности граждан страны. Правосознание включает в себя уважение права и закона, а также взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, граждан к власти и власти к гражданам. Чем выше уровень правосознания населения страны, чем глубже понимание происходящих политических процессов, тем шире резонанс работы различных политических структур. Понятие «правосознание» очень тесно связано с понятием «политико-правовой менталитет», которое сегодня в нашей стране привлекает к себе самое пристальное внимание политологов, социологов, юристов. А что представляет

¹ См.: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. I, ст. 4213; 2018. № 53, ч. I, ст. 8454.

собой менталитет? Это определенный уклад жизни граждан, т.е. «совокупность определенных черт, традиций, доминирующих установок» [5, с. 144]. В свою очередь политико-правовой менталитет характеризуется совокупностью определенных установок относительно происходящих в обществе политических процессов. Его состояние в России колеблется от отчужденности до появления первых «ростков» соучастия в решении не только каждодневных забот каждого, но и решения проблем всего общества.

Соответственно, активное функционирование институтов гражданского общества способствует демократическому развитию государства и его политической системы. Указанный ранее федеральный закон, закрепляя в числе субъектов общественного контроля «иные структуры», не раскрывает содержание этого понятия, тем самым фактически создает препятствия для участия иных институтов гражданского общества, не предусмотренных федеральным законом в осуществлении общественного контроля. Вместе с тем ученые неоднократно высказывают мнения о необходимости расширения субъектов осуществления общественного контроля в России [12, с. 61].

Анализ содержания указанного федерального закона, с точки зрения закрепления субъектов осуществления общественного контроля и форм его реализации, позволяет сделать вывод, что данный закон продублировал закрепленные ранее ФЗ «Об Общественной палате РФ» формы осуществления общественного контроля и его субъектный состав². Общественная палата России в современном состоянии функционирует в России начиная с 2005 г. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в большинстве своем начали свою активную деятельность в 1994–1995 г. Это было связано с созданием первой в стране Общественной палаты при Президенте Российской Федерации.

В большинстве стран мира подобных органов вообще нет. Традиционно в зарубежных странах с развитой демократией функции общественного контроля, являющиеся непременным атрибутом гражданского общества, выполняют некоммерческие и общественные объединения. Создание и функционирование Общественной палаты в России является мерой, направленной на активизацию деятельности институтов гражданского общества, создание площадки для диалога общества и власти. Общественную палату России можно расценивать как орган переходного периода, этапа становления и укрепления в России демократических принципов и институтов. Развитая демократия в подобных органах не нуждается. Функции согласования интересов общества и государства в развитых демократических странах выполняют советы, созданные при органах исполнительной власти. Одним из первых таких советов был Национальный Экономический Совет, созданный во Франции декретом еще в далеком 1925 г. [13, с. 158]. Данный Совет был ликвидирован во время немецкой оккупации и восстановлен в 1946 г. Его наследником является действующий сегодня во Франции Экономический и социальный совет. Франция — это, пожалуй, единственная страна, которая на уровне Основного закона государства предусмотрела необходимость существования такого консультативного органа (Раздел 11

² См.: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 15, ст. 1277; 2017. № 50, ч. III, ст. 7563.

Конституции Французской Республики)³. Статья 70 Конституции Франции закрепляет: «Экономический и социальный совет консультирует Правительство по любой проблеме экономического и социального характера. На его заключение представляется каждый план или программный законопроект экономического и социального характера». Фактически Общественная Палата России является аналогом указанного Совета.

Принятие долгожданного для России федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» должно было носить стратегический характер и преследовать цель построения в России правовой основы осуществления общественного контроля зарождающимся в России гражданским обществом в целом, а не отдельными его институтами. Закрепив узкий перечень субъектов общественного контроля в лице общественных палат и советов (необходимо отметить, что общественные советы функционируют не во всех муниципальных образованиях), указанный федеральный закон создал ограничения для перспективного развития гражданского общества в России и, как следствие, механизма осуществления общественного контроля.

Соответственно, необходимо расширить законодательно закрепленный сегодня субъектный состав осуществления общественного контроля за счет предоставления таких полномочий различным формам общественных объединений, а также некоммерческим организациям и профсоюзам. Как отмечает А.П. Забайкалов: «расширение состава субъектов общественного контроля в Российской Федерации выступит в роли дополнительной конституционно-правовой гарантии конституционного права граждан на участие в управлении делами государства» [146, с. 28].

Ученые, рассуждая о перспективах расширения субъектов общественного контроля в России, указывают институты из разных сфер гражданского общества. Так, Н.Ю. Бондарь к возможным субъектам осуществления общественного контроля относит: «общественные организации, зарегистрированные на территории Российской Федерации в установленном законом порядке (политические партии, общественные объединения, профсоюзы, правозащитные движения); общественные советы (палаты); средства массовой информации; граждан Российской Федерации» [15, с. 34]. С данным перечнем субъектов можно согласиться. Дискуссионным является только отнесение политических партий к данному кругу. Изначально в начале 1990-х гг., когда создавались первые Общественные палаты на уровне субъектов Российской Федерации, политические партии чаще всего исключались из круга возможных членов Общественных палат и, как следствие, субъектов осуществления общественного контроля. Принятый в последующем указанный ранее федеральный закон «Об общественной палате РФ», также закрепил такое ограничение, действующее до сих пор. Действительно, политические партии относятся к общественно-политической сфере гражданского общества, они выполняют особые функции и имеют самостоятельные механизмы влияния на механизм принятия государственных решений. В данном случае необходимо говорить о широком спектре осуществления функций парламентского контроля. Вместе с тем сегодня изменился подход к формированию политических партий, были минимизированы требования к созданию политических партий

³ См.: Конституция Французской Республики 1958 года / Конституции зарубежных стран // сост. В.Н. Дубровин М., 2001. С. 62.

и, как следствие, на сегодняшний день в России функционирует большое количество непарламентских политических партий. Такие политические партии могут полноценно участвовать в осуществлении общественного контроля, что положительно повлияет на элемент их взаимодействия с обществом.

Анализируя вышеназванный круг субъектов, особенно хочется подчеркнуть значение профессиональных союзов. В настоящее время подавляющая часть ученых отводит им решающую роль: «Представляется, что важную роль в организации общественного контроля в России должна играть такая разновидность общественных объединений, как профессиональные союзы, которые успешно функционируют уже многие десятилетия» [16, с. 38].

В настоящее время в России, помимо базовых федеральных законов в сфере осуществления общественного контроля (ФЗ «Об Общественной палате РФ», ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации») — действуют специальные законы, предусматривающие механизм осуществления общественного контроля в отдельных сферах жизнедеятельности государства и, соответственно, его субъектный состав. К примеру, ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»⁴ к субъектам осуществления общественного контроля относит общественные наблюдательные комиссии и членов общественных наблюдательных комиссий. Численность и срок работы общественной наблюдательной комиссии устанавливается Советом Общественной палаты РФ для каждого субъекта Российской Федерации. Общественные наблюдательные комиссии осуществляют свою деятельность в пределах субъекта Российской Федерации, в котором они образованы. Предлагать кандидатуры в указанные наблюдательные комиссии имеют право общественные объединения, зарегистрированные в России, в установленном порядке. Таким образом, субъектами осуществления общественного контроля в данной сфере являются общественные объединения и Общественная палата РФ.

Анализ текущего отраслевого законодательства Российской Федерации свидетельствует о включении в механизм осуществления общественного контроля такого института гражданского общества, как общественное объединение. Так, к примеру, в сфере охраны окружающей среды функции общественного контроля могут осуществлять общественные объединения и иные некоммерческие организации, а также граждане Российской Федерации⁵.

Федеральный закон «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», к субъектам, имеющим право осуществлять общественный контроль, относит избирателей, избирательные объединения, общественные объединения, а также иные некоммерческие объединения⁶. Общественные объединения также

⁴ См.: Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 24, ст. 2789; 2018. № 53, ч. I, ст. 8454.

⁵ См.: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 27 декабря 2019 г. № 453-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133; 2019. № 52, ч. I, ст. 7771.

⁶ См.: Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» (в ред. 4 июня 2014 г. № 146) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996, № 49, ст. 5497; 2014. № 23, ст. 2931.

относятся к субъектам общественного контроля в соответствии с Земельным кодексом РФ⁷.

Общественные и некоммерческие объединения, профессиональные союзы, а также граждане России должны являться традиционными субъектами осуществления общественного контроля. Содержание федерального закона «Об общественных объединениях»⁸ свидетельствует о включении общественных объединений в механизм выработки решений органами публичной власти, но к субъектам общественного контроля непосредственно закон их не относит, их невключение рамочным федеральным законом в перечень субъектов рассматриваемого механизма является организационной ошибкой и свидетельствует о нарушении единого законодательного подхода в закреплении субъектов общественного контроля в стране.

Является дискуссионным вопрос об отнесении средств массовой информации к субъектам осуществления общественного контроля. Федеральный закон к средствам массовой информации относит периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмму, кинохроникальную программу, иные формы периодического распространения массовой информации⁹. В таком понимании средства массовой информации — это способ донесения информации до граждан страны. Средства массовой информации могут способствовать проведению дискуссий, круглых столов и других мероприятий, посредством которых возможно обсуждение вопросов осуществления общественного контроля и их результатов, а также формирование общественного мнения. Если говорить о деятельности отдельных журналистов, о возможности сбора последними информации о деятельности органов публичной власти, формированию отдельных выводов об эффективности или неэффективности работы отдельных государственных структур и должностных лиц, можно свидетельствовать о включении опосредовано средств массовой информации в механизм осуществления общественного контроля в форме общественного мониторинга.

Необходимо отметить, что осуществление общественного контроля в целом имеет ряд особенностей, прежде всего связанных с особенностью субъектного состава рассматриваемых отношений и механизмом его реализации. Субъекты общественного контроля не наделены властными полномочиями. Соответственно, рычагом воздействия и средством реализации целей общественного контроля будет являться возможность обращения субъектов рассматриваемого контроля в органы государственной власти, а также публичное освещение выявленных проблем и нарушений прав граждан РФ. На сегодняшний день отсутствует четкое нормативное закрепление как субъектов осуществления общественного контроля, так и процедуры исполнения их решений. Правовое закрепление механизмов исполнения решений субъектов осуществления общественного контроля будет способствовать усилению гражданского общества и его институтов в России в целом.

⁷ См.: Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136 (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44, ст. 4147; 2019. № 52, ч. I, ст. 7820.

⁸ См.: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 2 декабря 2019 г. № 407-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930; 2019. № 49, ч. V, ст. 6966.

⁹ См.: Федеральный закон от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 2 декабря 2019 г. № 426-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7, ст. 300; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 49, ч. V, ст. 6985.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о необходимости конкретизации и правового закрепления перечня субъектов осуществления общественного контроля в соответствующем рамочном федеральном законе. Данный перечень субъектов должен включать в себя:

Общественную палату Российской Федерации;
Общественные палаты субъектов Российской Федерации;
Общественные советы муниципальных образований;
органы, создаваемые Общественными палатами различного территориального уровня организации;
органы, создаваемые Общественными советами муниципальных образований;
общественные объединения;
непарламентские политические партии;
некоммерческие объединения;
профессиональные союзы;
средства массовой информации;
граждане Российской Федерации.

По мнению большинства ученых предоставление как можно большему кругу лиц возможности для участия в общественном контроле за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления способно повлиять на эффективность и качество их работы, заставить властные структуры слушать и слышать граждан [8, с. 150].

Также необходимо законодательно закрепить определение «субъект осуществления общественного контроля» — это институт гражданского общества, либо его представитель (гражданин Российской Федерации), реализующий функции контроля за деятельностью органов публичной власти в формах, установленных в законе.

Осуществление общественного контроля, как отражение дееспособности гражданского общества, будет положительно влиять на повышение политической активности граждан, уровень правосознания и, что немаловажно, на возрастание уровня доверия к деятельности органов государственной власти. Основными требованиями к властным структурам со стороны субъектов общественного контроля являются их прозрачность и подотчетность, а принципами, на основе которых строится общественный контроль, выступают запросы общества на участие во власти, включенность в процесс принятия общественно значимых решений, высокий уровень гражданской активности.

Сегодня необходимо понимание того, что только совместными усилиями общества и государства можно эффективно противостоять нерешенным проблемам демократического государственного развития.

Библиографический список

1. Лучин В.О., Боброва Н.А. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики // Политика и право. 2003. № 10. С. 17–30.
2. Мамитова Н. Государственная власть и гражданское общество в системе российского конституционализма // Государственная служба. 2005. № 4. С. 45–49.
3. Комкова Г.Н., Куликова С.А. Вопросы законодательного регулирования эффективности информационного обеспечения общественного контроля // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 294–301.

4. *Бердникова Е.В.* Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации / под ред. Г.Н. Комковой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2018. 316 с.
5. *Кузнецов А.С.* Субъекты осуществления общественного контроля в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика.* 2011. № 6(78). С. 61–63.
6. *Полещук А.С.* К вопросу о субъектах общественного (гражданского) контроля в РФ и их системе // *Вестник Московского университета МВД России.* 2011. № 6. С. 122–127.
7. *Пищулин О.В.* Цели, объекты и субъекты общественного контроля // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.* 2014. Т. 20. № 4. С. 108–110.
8. *Ячничкова Ю.С.* К вопросу о субъектах общественного контроля // *Марийский юридический вестник.* 2015. № 1 (12). С. 149–150.
9. *Троицкая Т.В.* Проблемы осуществления общественного контроля в России: взаимодействие власти, бизнеса и общества в осуществлении общественного контроля: материалы XII Международной научно-практической конференции (2 июля 2019 г.): сборник научных статей. Саратов. 2019. С. 234–236.
10. *Теория государства и права* / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: ИНФРА, 1997. 570 с.
11. *Соколова Т.Д.* Субъекты общественного контроля в России: особенности функционирования // *Социально-гуманитарные знания.* 2017. № 5. С. 328–335.
12. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. 510 с.
13. *Ардан Ф.* Франция: государственная система / пер. с франц. Л.С. Филипповой; отв. ред.: Энтин Л.М. М.: Юридическая литература, 1994. 176 с.
14. *Забайкалов А.П.* О расширении субъектов общественного контроля как гарантии конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // *Юридические науки.* 2018. № 1. С. 79–86.
15. *Бондарь Н.Ю.* Правовое положение общества в системе социального контроля за деятельностью органов государственной власти в Российской Федерации // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2009. № 3. С. 3–7.
16. *Гончаров В.В.* Профессиональные союзы в России как субъект общественного контроля (опыт конституционно-правового исследования) // *Юридический вестник ДГУ.* Т. 31. № 3. С. 38–43.

Refereces

1. *Luchin V.O., Bobrova N.A.* The Constitutional System of Russia: the Main Political and Legal Characteristics // *Politics and law.* 2003. No. 10. P. 17–30.
2. *Mamitova N.* State Power and Civil Society in the System of Russian Constitutionalism // *State service.* 2005. No. 4. P. 45–49.
3. *Komkova G.N., Kulikova S.A.* Issues of Legislative Regulation of the Effectiveness of Information Support for Public Control // *Izvestiya Saratovskogo UN-TA. New ser. Ser. Economy. Management. Law.* 2019. Vol. 19. Issue 3. P. 294–301.
4. *Berdnikova E.V.* Constitutional and Legal Basis of Public Control in the Russian Federation / under the editorship of G.N. Komkova. Saratov: Publishing house of the Saratov University, 2018. 316 p.
5. *Kuznetsov A.S.* Subjects of Public Control in the Russian Federation // *Law and State: theory and practice.* 2011. No. 6 (78). P. 61–63.
6. *Poleshchuk A.S.* On the Subjects of Public (civil) Control in the Russian Federation and their System // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia.* 2011. No. 6. P. 122–127.
7. *Pishchulin O.V.* Goals, Objects and Subjects of Public Control // *Bulletin of the Kostroma state University named after N.A. Nekrasov.* 2014. Vol. 20, No. 4. P. 108–110.

8. *Yachnikova Yu.S.* On the Issue of Subjects of Public Control // *Mari legal Bulletin*. 2015. No. 1 (12). P. 149–150.
9. *Troitskaya T.V.* Problems of Public Control in Russia Interaction of Government, Business and Society in the Implementation of Public Control: materials of the XII International scientific and practical conference (July 2, 2019): collection of scientific articles. Saratov. 2019. P. 234–236.
10. *Theory of State and Law* / ed. V.M. Korelsky, V.D. Perevalova. M.: INFRA, 1997. 570 p.
11. *Sokolova T.D.* Subjects of Public Control in Russia: Features of Functioning // *Social and humanitarian knowledge*. 2017. No. 5. P. 328–335.
12. *Matuzov N.I.* Actual Problems of the Theory of Law. Saratov, 2003. 510 p.
13. *Ardan F.* France: the State System / Transl. from Franc. By L. S. Filippova; resp. ed. L.M. Entin. M.: Legal literature, 1994. 176 p.
14. *Zabaikalov A.P.* On Expanding the Subjects of Public Control as a Guarantee of the Constitutional Right of Citizens to Participate in the Management of State Affairs // *Legal Sciences*. 2018. No. 1. P. 79–86.
15. *Bondar N.Yu.* The Legal Status of Society in the System of Social Control over the Activities of State Authorities in the Russian Federation // *State power and local self-government*. 2009. no. 3. P. 3–7.
16. *Goncharov V.V.* Trade Unions in Russia as a Subject of Public Control (experience of constitutional and legal research) // *Legal Bulletin of DSU*. Vol. 31. No. 3. P. 38–43.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10121

УДК 349.8

Е.В. Холодная

О ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ДАНИИ

Введение: цифровая трансформация государственного управления в настоящий момент является мировой тенденцией, которая, по оценкам специалистов за 2018 г., наиболее эффективно реализована в Дании. Использование международного опыта цифровизации государственного администрирования для Российской Федерации является актуальной задачей как в целях синхронизации национального законодательства, так и для возможного практического воплощения зарубежного опыта при преобразовании российского государственного управления. **Цель:** исследовать стратегию Дании по цифровизации государственного сектора и выделить ее основные направления. **Методологическая основа:** формально-логический и методы системного и сравнительного правоведения. **Результаты:** аргументирована авторская оценка перевода публичного управления в цифровой формат на основе принципа синергетического взаимодействия ИКТ и цифровых данных. **Выводы:** рассмотрены приоритетные направления цифровой стратегии Дании; сделаны предложения по практической реализации правового опыта Дании по цифровой трансформации государственного управления в условиях российской действительности.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления, публичные услуги, электронное правительство, цифровые данные.

E. V. Kholodnaya

ON THE DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN DENMARK

Background: digital transformation of public administration is currently a global trend, which, according to experts in 2018, is most effectively implemented in Denmark. The use of international experience in the digitization of public administration for the Russian Federation is an urgent task, both for the purpose of synchronizing national legislation, and for the possible practical implementation of foreign experience in the transformation of Russian public administration. **Objective:** to explore Denmark's strategy for digitalizing the public sector and highlight its main areas. **Methodology:** formal-logical and methods of system and comparative law. **Results:** the author's assessment of the transfer of public administration to a digital format based on the principle of synergetic interaction of ICT and digital data is substantiated. **Conclusions:** the priority directions of the digital strategy of Denmark are considered; proposals are made for the practical implementation of the legal experience of Denmark on the digital transformation of public administration in the conditions of Russian reality.

Key-words: digitalization of public administration, public services, e-government, digital data.

© Холодная Елена Викторовна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина)

© Kholodnaya Elena Victorovna, 2020

Candidate of law, associate Professor, Information law and digital technologies department of the Moscow State Law University after O.E. Kutafin (MSAL)

Государственное администрирование в эпоху цифровой трансформации основано на принципе синергетического взаимодействия ИКТ и цифровых данных (электронных ресурсов) в публичном управлении, сутью которого является перевод публичных услуг в цифровой формат от момента обращения до исполнения услуги, опираясь преимущественно на цифровые данные, а не на документы в понимании традиционного (бумажного) делопроизводства. Этот системный процесс позитивно воспринят мировым сообществом и опытным путем доказано, что публичные цифровые услуги экономичнее, сокращают и рационализируют бюджетные затраты; заявлено о новом качественном уровне публичного сервиса инновационных государств. Сервисное государственное управление на основе цифровых данных понимается как целенаправленное соучастие и воздействие субъектов публичной власти на различные сферы общественной жизни с использованием ИКТ [1, с. 26]. Элементами поступательного развития в РФ по данному направлению, по мнению Л.К. Терещенко, выступают: упрощение процедур доступа к информации, увеличение объемов информационных услуг, переоценка полномочий органов публичной власти и граждан в инфосфере в целях повышения качества жизни [2, с. 5]. Иными словами в России также началась системная переоценка цифровой организации публичного управления, однако данный процесс сдерживается рядом факторов (географических, демографических, экономических), что актуализирует использования международного опыта разрешения задач данного сектора государственного администрирования¹ в целях синхронизации национального законодательства.

Эффективность реализации принципа синергетического взаимодействия ИКТ и цифровых данных в публичном сервисе определяется на основе рейтинга электронного правительства ООН.

Так, рейтинг электронного правительства ООН является одним из ключевых индикаторов развития информационного общества в странах мира. Уже в 2016 г. Дания, как фаворит по реализации проекта, находилась на 9 позиции, а в 2018 г. у нее оказался наибольший рейтинг по развитию инфосферы, оставив позади Австралию, Республику Корея и лидера 2016 г. Великобританию². Рейтинг России по уровню развития электронного правительства составил 32 место, что несколько улучшило показатель 2016 г.³ Однако наращивание уровня информатизации и количества электронных государственных услуг в настоящий момент являются недостаточными факторами для цифровой трансформации государственного управления.

Ранжирование рейтинга происходит на основании системного анализа трех компонентов с точки зрения качества и количества показателей:

- электронных (цифровых) услуг (e-Government Development Index, EGD I и иных онлайн-сервисов);
- ИКТ-инфраструктуры;
- человеческого капитала.

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Информационное общество (2011–2020 гг.)”» (в ред. от 25 сентября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ч. II, ст. 2159.

² Рейтинг электронного правительства ООН. URL: <http://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 18.01.2020).

³ Рейтинг электронного правительства ООН. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 18.01.2020).

Оценка электронных (цифровых) услуг происходит на основе принципа синергетического взаимодействия ИКТ и цифровых данных в публичном управлении, что подразумевает перевод публичных услуг в цифровой формат от момента обращения за услугой до их исполнения, опираясь преимущественно на данные, а не на документы.

Архитектурно ИКТ-инфраструктура представлена как совокупность двух систем: информационной (обеспечивает накопление данных или информационных ресурсов) и коммуникационной (обеспечивает передачу и обработку данных) на платформе цифровых технологий.

Показатели человеческого капитала базируются на возможностях информационного общества. Для развития человеческого потенциала в первую очередь необходим доступ к знаниям, технологиям и инновациям. Исходя из этого убеждения даже существует понятие измерения бедности, так называемая «информационная бедность» [3, с. 32–35], основанная на отсутствии навыков работы и иных компетенций в инфосфере.

Дания была одной из первых стран ЕС, начавшей реализацию в 2001 г. проекта «электронное правительство». Ключевыми моментами первого этапа являлась трансформация государственных услуг в электронную/цифровую форму. Были автоматизированы технологические операции внутри государственного сектора. Результатом работы стало внедрение электронного портала borger.dk, сервисов электронной подписи и электронного предоставления счетов (NemHandel)⁴. На следующем этапе в период 2011–2015 гг. Дания направила усилия на совместное сотрудничество по вопросам цифровой трансформации государственного управления на всех уровнях власти.

Стратегия развития электронного правительства Дании до 2015 г. ставила три основные цели:

- отказ от традиционного делопроизводства;
- повышение качества жизни или «цифровое» благосостояние за счет цифровизации социальных услуг;
- переход на цифровое государственное управление.

Особенностью периода являлось «обязательное цифровое самообслуживание», которое потребовало от граждан использовать цифровое самообслуживание для доступа ко всем публичным услугам и сервисам (например, процедура обращения органы публичной власти стала полностью электронной) и это направление планировалось довести до 80%.

Другими важными направлениями стратегии выступали:

- создание единой системы «больших данных»;
- централизация управления инфосферы, исключая разработку параллельных систем и содействия повторному использованию данных, уже ранее запрошенных госучреждением;
- автоматизированная обработка счетов;
- дистанционная медицина (для лечения хронически больных пациентов на дому);
- дистанционные образовательные технологии (например, для приема экзаменов, появление образовательных сервисов);
- безопасные цифровые подписи на мобильных телефонах и др.⁵

⁴ Электронное правительство в Дании. URL: https://elgov.ucoz.ru/index/ehlektronnoe_pravitelstvo_v_danii/0-12 (дата обращения: 10.01.2020).

⁵ Стратегия цифрового развития Дании 2011–2015. URL: <https://digitalgov.com.au/denmarks-egovernment-strategy/> (дата обращения: 28.01.2020).

На данный момент «Цифровая стратегия Дании 2016–2020 гг.» определила три ключевые цели ее реализации:

- 1) производительный и эффективный государственный сектор;
- 2) государственные услуги, создающие ценность для граждан и бизнеса;
- 3) Публичная оцифровка, поддерживающая рост бизнеса.

Приоритетными направлениями обновленной стратегии выступают следующие инициативы:

- цифровизация государственных административных процедур;
- лучший пользовательский опыт для граждан и предприятий;
- рамки согласованного цифрового государственного управления;
- управление совместными усилиями общественности по оцифровке;
- цифровое благосостояние;
- обмен данными.

Человеческий капитал Дании занимает 7 позицию среди стран ЕС по наличию «цифровых» компетенций у населения. Как отмечается, в целом 71% датчан имеют навыки работы с цифровыми технологиями, из них почти 50% имеют навыки выше базовых. Процент специалистов в области ИКТ достиг 4,4% в 2018 г., что составляет большую долю рабочей силы, чем в ЕС в целом (3,7%). В настоящий момент проект «Цифровые навыки для всех» является одним из шести стратегических направлений плана роста человеческого капитала в Дании. Инициатива «Датский технологический пакт» также включена в национальный план роста по улучшению компетенций в инфосфере. В рамках цифровой стратегии 2016–2020 гг. была начата инициатива по обучению граждан, не имеющих базовых цифровых компетенций в общении с государственным сектором⁶.

Российский законодатель сохранил в качестве альтернативы традиционные способы (неэлектронные) оказания публичных услуг, т.к. часть населения страны нуждается не только в повышении компьютерной грамотности, но и в выравнивании возможностей доступа к этим электронным услугам. Решить эту задачу без государственной социальной поддержки не представляется возможным. Также важнейшим условием развития данного направления является организация систематического повышения квалификации служащих публичных органов по работе с ИКТ и в сфере информационной культуры.

Таким образом, проведенное исследование опыта Дании, как страны-лидера по реализации перехода государственного управления к цифровой модели «электронного правительства», представляется крайне актуальным для его возможного практического воплощения при преобразовании российского государственного управления. В частности, это дает понимание того, что в обозримом будущем наибольшая доля публичных услуг будет предоставляться в цифровом формате и необходима государственная поддержка тем, кто не может получить доступ к цифровым сервисам, а также повышение компьютерной грамотности и информационной культуры государственных служащих и населения [4, с. 165–167]. Как отмечается Президентом РФ, решение этой задачи станет конкурентным преимуществом России, т.к. создаст новые возможности для образования и творчества, для реализации социальных и культурных проектов. И, конечно, это новые возможности для участия людей в жизни страны⁷.

⁶ Digital Economy and Society Index (DESI). 2019. Country Report Denmark URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/scoreboard/denmark> (дата обращения: 28.01.2020).

⁷ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 28.01.2020).

Библиографический список

1. *Талапина Э.В.* Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.
2. *Терещенко Л.К.* Правовой режим информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 54 с.
3. *Гладышева А.В., Горбунова О.Н.* Особенности человеческого капитала в условиях человеческого общества // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 8. С. 32–36.
4. *Холодная Е.В.* Цифровизация Дании: опыт лидера по реализации проекта «электронное правительство» // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (г. Саратов, 17–18 октября 2019 г.) / под ред. Н.Н. Ковалевой. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. 184 с.

References

1. *Talapina E.V.* State Management in the Information Society (legal aspect). Moscow: Jurisprudence, 2015. 192 p.
2. *Tereshchenko L.K.* Legal Regime of Information. Extended abstract dis... docr. law. Moscow, 2011. 54 p.
3. *Gladysheva A.V., Gorbunova O.N.* Features of Human Capital in the Conditions of Human Society // Socio-economic phenomena and processes. 2014. No. 8. P. 32–36.
4. *Kholodnaya E.V.* Digitalisation of Denmark: the experience of leader in the project «e-government» // the Problems and challenges of the digital society: trends of development of legal regulation of digital transformation: collection of scientific works on materials of I International scientific-practical conference (Saratov, October 17–18, 2019) / ed. N. Kovaleva. Saratov: publishing HOUSE of the Saratov state law Academy, 2019. 184 p.

ПЕРСОНАЛИИ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА БАРАНОВА ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА

TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF DOCTOR OF LAW, PROFESSOR BARANOV VLADIMIR MIKHAILOVICH

Баранов Владимир Михайлович родился 6 августа 1945 г. в Калининской (ныне Тверской) области. В сентябре 1968 г. поступил в Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского (в настоящее время Саратовская государственная академия права). В 1975 г. он досрочно защитил кандидатскую диссертацию по общей теории права на тему «Поощрительные нормы советского права». Так началась научная карьера видного ученого.

Владимир Михайлович известен как прекрасный оратор, автор не одного десятка книг и учебных пособий. Им опубликовано **545** научно-методических работ объемом **1489,07** п.л.

Знаковой является его монография «Поощрительные нормы советского социалистического права», вышедшая в 1978 г. в издательстве Саратовского юридического института. В ней впервые с общетеоретических позиций и на основе анализа базовых принципов организации государственного поощрения рассмотрены правовая природа, структура, функции поощрительных норм права, проанализированы конкретные пути повышения эффективности правовых форм поощрения. Логическим продолжением анализа правовых форм поощрения явилось исследование государственного депоощрения, осуществленное профессором В.М. Барановым 20 лет спустя. Этот феномен трактуется исследователем полярным правовым формам поощрения, исторически сложившимся комплексным методом государственного стимулирующе-принудительного управленческого воздействия, выражающимся в межотраслевом правовом институте, регламентирующем отношения по уменьшению либо лишению награжденного за противоправную и иную социально негативную аморальную деятельность конкретной формы (меры, степени) поощрения посредством своевременного принятия в ходе особого процессуального производства специфичного правоприменительного акта, преследующего цель побудить субъектов к законопослушному или положительному гиперактивному поведению.

Своеобразным итогом исследования этой проблемы явилось опубликование в 2017 г. в издательстве «ИНФРА-М» коллективной монографии «Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника)».

С 1975 по 1981 г. работал в качестве преподавателя, доцента кафедры теории государства и права Саратовского юридического института.

С июля 1981 г. и по настоящее время он трудится в Нижегородской академии МВД России. Выполнял обязанности сначала доцента, а затем начальника кафедры государственно-правовых дисциплин.

С октября 2000 г. по 26 июля 2007 г. работал заместителем начальника Нижегородской академии МВД России по научной работе. По достижении предельного возраста службы в МВД вышел в отставку и ныне занимает должность помощника начальника академии по инновационному развитию научной деятельности. Полковник милиции в отставке.

С 1999 г. научный интерес В.М. Баранова сконцентрирован на проблемах юридической техники. 13 июня 2006 г. им организован и зарегистрирован в качестве юридического лица Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника».

По инициативе и под редакцией В.М. Баранова опубликовано тринадцать ежегодников «Юридическая техника», в которых освещаются не только методологические, но и прикладные вопросы этого феномена.

В.М. Баранов активно занимается библиографической работой. Выдержал два издания ретроспективный библиографический указатель «Юридическая техника: природа, основные приемы, значение». Опубликовано ретроспективный библиографический указатель «Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение» (М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. 663 с.). В расширенном варианте этот указатель был переиздан Нижегородской академией МВД России в 2015 г.

Под научной редакцией профессора В.М. Баранова вышли крупные новаторские сборники статей, посвященные различным практически значимым проблемам.

В сентябре 1991 г. В.М. Баранову присвоено ученое звание профессора, 22 февраля 1996 г. он избран действительным членом Петровской академии науки и искусств; 12 июня 1996 г. — действительным членом Российской академии естественных наук; 15 сентября 2004 г. — действительным членом Российской академии юридических наук. Восьмого февраля 2008 г. избран почетным профессором Нижегородской академии МВД России.

В.М. Баранов получил широкую известность как ученый-правовед, исследующий не только актуальные проблемы теории, практики и техники правотворчества, логики права, истинности, ценности и эффективности юридических норм. Он внес значительный вклад в анализ системы и систематизации законодательства, рекламного законодательства, теневого права, экстерриториального пространства права, критики законодательства, теорию и практику юридических рекомендаций.

После опубликования В.М. Барановым в «Вестнике Саратовской государственной академии права» (2017. № 6. С. 16–29) постановочной статьи «Нормо-райтер как профессия» состоялась оживленная дискуссия по этой новаторской в теоретическом ключе и актуальной в практическом плане теме; в ней приняли участие 58 исследователей. Материалы дискуссии опубликованы в отдельной книге в издательстве «Проспект».

Особенность научно-исследовательской манеры В.М. Баранова заключается в нетрадиционной постановке вопросов, выявлении аспектов, которые зачастую скрыты от глаз, использовании многообразных методов познания и привлечении

огромного статистического, нормативного, архивного, мемуарного и иного материала. Вот почему авторитет В.М. Баранова в науке является безукоризненным.

Научно-методические работы В.М. Баранова получили многочисленные положительные отзывы российских и зарубежных юристов. Он является ответственным редактором многих межвузовских научных сборников, организатором проведения актуальных научно-практических конференций и круглых столов журналов «Государство и право», «Правоведение», международных симпозиумов по линии Совета Европы.

При научном консультировании В.М. Баранова защищено 10 докторских диссертаций (по специальности 12.00.01: теория и история права и государства; история учений о праве и государстве — И.Н. Сенякин; Е.Г. Пономарев; Ю.В. Сорокина; Г.Г. Бриль; А.А. Демичев; В.А. Толстик; М.А. Пшеничнов; А.М. Хужин; Н.В. Макарейко); по специальности 12.00.09: уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность — А.С. Александров).

Под научным руководством профессора В.М. Баранова защищено 87 кандидатских диссертаций по наиболее актуальным проблемам юридической теории и практики.

Научную работу В.М. Баранов осуществляет в неразрывной связи с юридической практикой. Он неоднократно участвовал в подготовке проектов нормативно-правовых документов и предложений по совершенствованию законодательства и учебно-воспитательного процесса в специализированных вузах. Принимал активное участие в подготовке экспертных заключений по президентскому проекту Конституции Российской Федерации, в 1993 году и поправок в Конституцию РФ 2020 года, по уставам Нижегородской области и города Нижнего Новгорода. Являлся членом Экспертного совета МВД России, председателем Нижегородского отделения общественного центра «Правовая экспертиза» при Академии естественных наук Российской Федерации. В соавторстве с ведущими специалистами Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации им подготовлены и изданы в Нижнем Новгороде в 2000 году Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов.

В.М. Баранов 27 лет является председателем докторского диссертационного совета при Нижегородской академии МВД России. Профессор В.М. Баранов выполняет обязанности главного редактора журнала «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России» (входит в ВАКовский перечень рецензируемых научных изданий). Возглавляет редколлегию ежегодника «Юридическая техника».

В.М. Баранов — преподаватель высшей квалификации. Он творчески ведет занятия со слушателями и курсантами дневного и заочного факультетов академии. Его лекции отличаются новизной мышления, тесной связью с происходящими в стране общественно-политическими процессами и практикой деятельности юрисдикционных органов. Профессор В.М. Баранов — соавтор нескольких учебников и учебных пособий по теории государства и права. Одним из первых «перестроечных» учебников нового поколения стал курс лекций «Общая теория права» (Нижний Новгород, 1993) под редакцией профессора В.К. Бабаева, где авторский коллектив аргументированно выдвинул идею о «включении» материала теории государства в политологию. Под редакцией профессора В.М. Баранова в 2015 г. опубликован учебник «Юридическая техника», получивший

гриф МВД России. Размышляя о качестве высшего юридического образования в современной России, Владимир Михайлович пришел к выводу и развернуто обосновал в серии научно-методических статей необходимость преобразования дисциплины теории государства и права в Энциклопедию юриспруденции. Уровень общетеоретической подготовки правоведов, по его убеждению, может быть кардинально повышен, если Энциклопедия юриспруденции, содержательно обогатив, объединит в едином учебном курсе философию права, социологию права, психологию права, догму права, юридическую практику.

Профессор В.М. Баранов значительное внимание уделяет научно-исследовательской работе с курсантами, слушателями, студентами. Многие его ученики стали обладателями дипломов на межвузовских и всероссийских конкурсах студенческих работ.

Владимир Михайлович занимается многообразной общественной деятельностью. Работал в экспертной группе Комиссии по вопросам привилегий и льгот Верховного Совета СССР, являлся экспертом Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В 2010–2011 гг. выполнял обязанности члена Экспертного совета ВАК Минобрнауки по праву. С сентября 2009 г. по настоящее время — заместитель председателя научно-консультативного совета при Законодательном собрании Нижегородской области.

В соответствии с протокольным решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции № 34 от 25 сентября 2012 года включен в состав Междисциплинарного совета по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции.

Согласно распоряжению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 27 февраля 2017 г. № 15 выполняет обязанности члена Экспертного совета при этом правозащитном институте.

В.М. Баранов имеет государственные награды. 7 мая 1965 г. был награжден медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 29 октября 1990 г. — медалью «Ветеран труда». Указом Президента Российской Федерации от 25 ноября 1994 г. № 2118 В.М. Баранову присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Указом Президента Российской Федерации от 29 сентября 2001 года № 1171 награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Имеет медали «За безупречную службу» I, II и III степеней. 18 ноября 1999 г. В.М. Баранов был награжден Министром внутренних дел России нагрудным знаком «Почетный сотрудник МВД Российской Федерации», а приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 311 за активную работу по подготовке высококвалифицированных специалистов для подразделений БЭП, содействие при решении служебных задач и в связи с 65-летием со дня образования службы БЭП – БХСС награжден медалью «За доблесть в службе». В соответствии с приказом МВД России от 7 февраля 2007 года № 140 вручена памятная юбилейная медаль «70 лет подразделениям экономической безопасности МВД России».

Указом Президента Российской Федерации от 8 августа 2005 года № 938 награжден орденом Почета.

Приказом министра внутренних дел Российской Федерации от 29 июля 2005 г. № 1040 за большой личный вклад в подготовку высококвалифицированных

специалистов и научно-педагогических кадров для органов внутренних дел Владимир Михайлович поощрен наградным оружием — пистолетом Макарова.

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 5 августа 2005 г. № 1119-к награжден медалью Анатолия Кони.

Приказом общероссийского общественного движения «Россия Православная» от 26 октября 2005 г. № 41 отмечен медалью «За жертвенное служение».

В 2012 г. Нижегородским отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» признан лауреатом Первой региональной юридической премии «Юрист Года» в номинации «За вклад в юридическую науку».

Приказом министерства образования и науки Российской Федерации от 14 мая 2015 г. № 373/к-н за многолетнюю плодотворную работу по развитию и совершенствованию учебного процесса, активную деятельность в области научных исследований, значительный вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 25 мая 2015 г. № 509л/с награжден медалью «За трудовую доблесть». В 2018 году В.М. Баранову присуждена Высшая юридическая премия «Фемида» в номинации «За вклад в развитие науки» с вручением Диплома премии и знака ее отличия — статуэтки богини правосудия Фемиды изготовленной по эскизу известного российского скульптора Михаила Переяславца.

Искренне поздравляем Владимира Михайловича со знаменательной датой и желаем успехов, здоровья и активной научной деятельности!

Редакция журнала «Вестник СГЮА»

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10). Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>